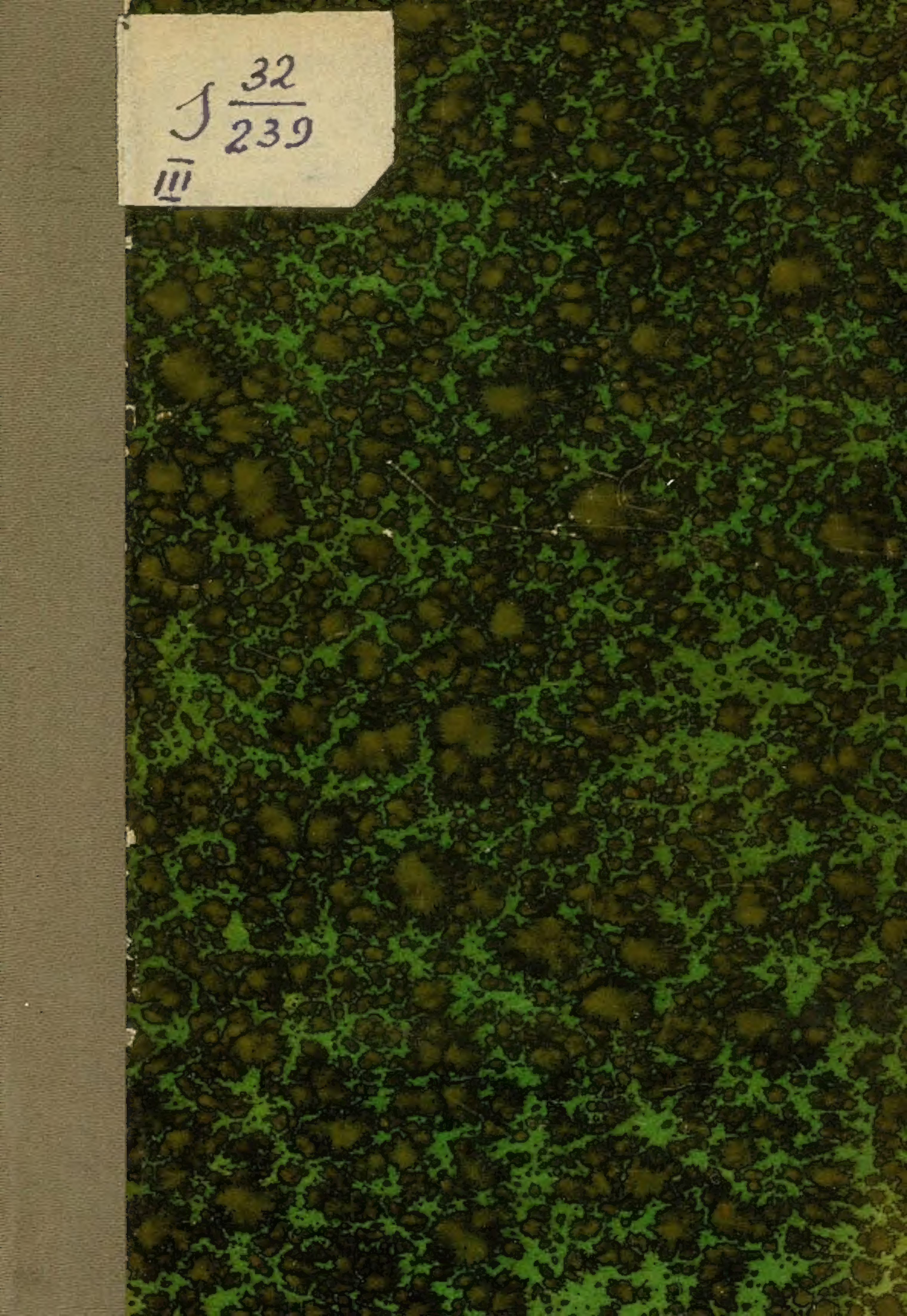

J 32/239
III

А. Я. МАКСИМОВЪ.
На далекомъ Востокѣ
ПОЛНОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ.
Книга III. 3
СПБ
ИЗДАНІЕ М. К. МАКСИМОВОЙ

Дозв. Ценз. Спб. 16 Дек. 1898 г. Тип. К. Л. Пентковскаго, Казнач. 6.

А. Я. Максимовъ.

НА ДАЛЕКОМЪ ВОСТОКѢ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Буранъ (Повѣсть изъ сибирской жизни). — Горе-Охотники (Разсказъ изъ жизни на далекомъ востокѣ). — Партіонный начальникъ (Изъ записной книжки проѣзжаго). — Охотникъ за пантами (Эпизодъ изъ жизни одного хищника Крайняго Востока). — Жертва злому духу (Изъ жизни уссурійскихъ гольдовъ). — Въ Японіи (Изъ записной книжки моряка). — Орочоны (Этнографическій очеркъ). — Въ Китаѣ. (Изъ записной книжки моряка).

Изданіе М. К. МАКСИМОВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія К. Л. Пентковскаго, Казначейская, 6—71.
1898.

2007041401

Буранъ.

Повѣсть изъ сибирской жизни.

I.

Застигнутые бураномъ.

Зимній, ясный день на исходѣ. Яркое солнце медленно склоняется къ горизонту, бросая снопы блестящихъ лучей на безмолвную, широкую барабинскую степь, будто дремлющую подъ ласкающимъ свѣтомъ. Снѣгъ ослѣпительной бѣлизны покрываетъ степь гигантской пеленой, сверкающей на солнцѣ разноцвѣтными огнями: кажется милліоны драгоцѣнныхъ камней разбросанные всюду щедрой рукой, горятъ и переливаются, поражая взоры волшебной, необычайной красотой и игрой. Мертво и тихо кругомъ. Ничто не нарушаетъ величественнаго безмолвія почти безпредѣльной степи, дивной и обаятельной, несмотря на свое однообразіе и безжизненность. Куда ни взглянешь—передъ глазами сверкаетъ лишь гладкая скатерть снѣжнаго покрова, сливающаяся вдали съ куполомъ ярко-голубого неба. Тамъ и здѣсь одиноко стоятъ стройныя березы, опушенныя инеемъ и блещущія на солнцѣ дѣвственно бѣлыми, свѣжими стволами. Вотъ гдѣ-то

вдали зазвенѣли колокольчики, отчетливо выбивающіе въ морозномъ воздухѣ звонкую, бойкую дробь. Ближе и ближе... Вдругъ точно вынырнула изъ-за горизонта лихая тройка степныхъ, полудикихъ лошадей и быстро понеслась по ровной, словно скатерть, дорогѣ, дружно взбрасывая сильными ногами сухую снѣжную пыль. Въ сверкающихъ облакахъ этой пыли едва виднѣется легкая кибитка, прочной казанской работы, покрытая, будто саваномъ, снѣжнымъ налетомъ. Скрипя выполированными снѣгомъ полозьями и оставляя за собой, на плотно убитой дорогѣ, едва замѣтный слѣдъ, кибитка несется стрѣлой мимо безконечнаго ряда телеграфныхъ столбовъ и стройныхъ, одинокихъ березъ. Колокольчики, подобранные въ терцію, бойко позваниваютъ подъ ярко росписанной, широкой дугой, то захлебываясь, то замирая, то раздражаясь вновь яростною дробью, будто досадуя, что степь продолжаетъ хранить грозное безмолвіе, не давая отзвука... Солнце между тѣмъ склоняется все ниже и ниже, становится холоднѣе. Съ каждой истекающей минутой морозъ сильнѣе и сильнѣе охватываетъ степь ледяными объятіями, все крѣпче и крѣпче прижимаетъ къ своей снѣжной груди... Вотъ солнце скрылось за горизонтомъ. Вечерняя заря потухла. Въ безоблачномъ, глубокомъ небѣ, ярко засвѣркали тысячи звѣздъ и придали таинственному небосклону восхитительный видъ волшебно-прекраснаго, дивно-освѣщеннаго чертога—жилища нетлѣнныхъ духовъ. . Прошло еще нѣсколько минутъ... Среди безчисленныхъ звѣздъ величественно заблистала ясная полная луна, бросая на степь мягкіе, блѣдные лучи. Отъ деревьевъ и телеграфныхъ столбовъ легли на блестящій снѣгъ причудливыя, фантастическія тѣни, среди которыхъ быстро мелькаютъ не менѣе фантастическія тѣни лихихъ лошадей и кибитки, продолжающихъ нестись по направленію къ Томску... Въ воздухѣ царствуетъ давящая тишина—предвѣстница чего-то недобраго и страшнаго. Въ окружающемъ спокойствіи чувствуется какая-то измѣна, неотразимая, безмолвная

угроза... Вотъ появилось откуда-то легкое облачко и ревниво скрыло красавицу-луну. Фантастическія тѣни, доселѣ оживлявшія мертвую поверхность степи, разомъ исчезли, словно дымъ, унесенный ураганомъ. Съ сѣвера понесся слабый вихрь, шаловливо закрутилъ снѣгомъ и снова замеръ, будто раздумывая: съ той-ли стороны повелъ онъ свою буйную атаку на степь?.. Опять наступила гнетущая тишина, полная коварства, но не надолго... Налетѣлъ новый вихрь и обдалъ сухимъ снѣгомъ ямщика, сладко вздремнувшаго на облучкѣ. Ямщикъ встрепенулся и подозрительно оглядѣлъ потемнѣвшую степь.

— Баринъ, а, баринъ!—боязливо позвалъ онъ, обернувшись къ кибиткѣ, изъ которой слышался легкій храпъ.—Баринъ, полно дрыхать-то!.. А, баринъ...

— Что такое?—досадливо отозвался наконецъ кто-то изъ повозки.

— Сейчасъ буранъ будетъ!—проговорилъ сдержаннымъ шопотомъ ямщикъ, точно страшась звука собственнаго голоса.

— Ну тебя съ бураномъ!.. Не мѣшай спать!..—сердито проворчалъ неизвѣстный проѣзжій и опять захрапѣлъ.

— Ладно!—съ какимъ-то озлобленіемъ прошепталъ ямщикъ.—Что-то скажешь послѣ, когда буранъ въ степи настигнетъ!..

— Эй, вы, милыя!—ободрилъ онъ лошадей боязливымъ, сдержаннымъ окрикомъ.

Лошади рванулись и помчались, точно чуя необходимость добраться до станціи какъ можной скорѣй...

Вотъ уже показались вдали привѣтливые огни деревни. Изрѣдка слышался отчетливый собачій лай и рѣзкое, вечернее пѣніе пѣтуховъ. Запахло дымомъ. Станція была близко, не болѣе какъ въ тысячи шагахъ. Ямщикъ перекрестился и энергично тряхнулъ возжами: тройка понеслась въ карьеръ... Вдругъ въ воздухѣ словно что-то разорвалось. Мгновенно налетѣлъ откуда-то страшный

вихрь и со стономъ понесся по степи, вздымая тучи льдистой пыли. Вокругъ загудѣло, засвистало и заревѣло. Доселѣ мертвенная степь вдругъ ожила, заволновалась и затрепетала. Могучій вихрь понесъ въ разныя стороны тучи сухого снѣга, который крутился, сбивался въ высокіе сугробы и снова разметывался. Казалось, легіоны злыхъ демоновъ безумно закружились во мракѣ и, съ дикими завываніями терзали другъ друга въ жестокой борьбѣ. Демоны то росли до необычайно-гигантскихъ размѣровъ, то падали обезсиленными... Взамѣнъ ихъ, подымались со степи новые демоны, еще злѣе, еще величественнѣе и могущественнѣе, и съ яростнымъ ревомъ неслись дальше, продолжая свою неистовую борьбу... Все окружающее затмилось непроглядной мглой. Небо почернѣло и опустилось низко—низко, словно намѣреваясь придавить стонавшую степь своею ужасающею громадою...

Тройка пошла шагомъ, едва осиливая свирѣпый буранъ. Лошади постоянно спотыкались, то перетаскивая съ неимовѣрнымъ трудомъ кибитку черезъ громадные, глубокіе сугробы, то едва волоча ее по замерзшей землѣ, оголенной вьюгой. Снѣгъ съ озлобленіемъ хлесталъ въ лицо ямщику и залѣплялъ глаза. Студеный, сильный вѣтеръ рвалъ съ него даху и обдавалъ нестерпимымъ холодомъ. Напрасно понукалъ онъ усталыхъ лошадей, тщетно силился разглядѣть дорогу: метель сравняла ее съ безбрежною степью, а кругомъ бѣшенно крутилась и гудѣла какая-то непроницаемая, бѣлая масса, словно сказочное чудовище, леденящее кровь и останавливающее жизнь... Лошади съ величайшимъ трудомъ сдѣлали еще нѣсколько шаговъ и безпомощно остановились, увязнувъ въ сугробѣ по самое брюхо. Кибитка попала въ какую-то выбоину или канаву и сильно наклонилась на бокъ. Ямщикъ соскочилъ съ облучка.

— Что случилось? — послышался изъ кибитки тотъ-же заспанный голосъ.

Ямщикъ не разслышалъ вопроса и продолжалъ въ нерѣшительности стоять возлѣ увязшихъ лошадей.

— Что случилось?—нетерпѣливо крикнулъ проѣзжій, но крикъ этотъ мгновенно затерялся въ свистѣ и ревѣ бурана.

Проѣзжій, не получивъ отвѣта, съ трудомъ откинулъ полость и высунулся изъ кибитки.

— Вотъ такъ мерзость! — сердито проворчалъ онъ, неожиданно обданный тучей льдистой пыли...—Эй, ямщикъ, гдѣ ты?—крикнулъ проѣзжій во все горло, плотно запахиваясь въ богатую оленью даху.

— Чего, баринъ? — послышался голосъ ямщика, но такъ слабо, какъ будто онъ пронесся откуда-то издалека.

— Что случилось?—громко повторилъ свой вопросъ проѣзжій, наклонившись почти къ самому уху ямщика, продолжавшаго въ нерѣшительности стоять у передка саней, придерживаясь рукой за облучекъ.

— Охъ, бѣда, баринъ!.. Дорогу потерялъ!..—послышался глухой отвѣтъ ямщика, говорившаго точно изъ глубокаго погреба.

Сильный вѣтеръ между тѣмъ продолжалъ неистовствовать; бѣшенно крутилъ онъ около кибитки тучи снѣгу и воздвигалъ съ подвѣтренной стороны громадные сугробы. Лошади точно замерли и недвижно стояли въ снѣгу, безпомощно опустивъ головы; только изрѣдка, встряхивая гривами и позванивая колокольчиками, онѣ давали знать о своемъ существованіи. Проѣзжій вышелъ изъ кибитки и съ трудомъ добрался до ямщика, едва вытаскивая изъ глубокаго снѣга ноги, обутыя въ теплые медвѣжьи сапоги.

— Что думаешь дѣлать?—спросилъ онъ ямщика.— Вѣдь нельзя же намъ стоять на одномъ мѣстѣ; или замерзнемъ или занесетъ насъ снѣгомъ...

— Охъ, баринъ, плохо!.. Совсѣмъ дорогу потерялъ!— безнадежно проговорилъ ямщикъ, понуривъ голову.

— Деревня, вѣдь, должна быть близко,—замѣтилъ проѣзжій.

— Вѣрно твое слово, что близко,—согласился ямщикъ, — а какъ найдешь ее!?.. Гляди, буранъ какой!..

Не видывалъ еще такого!.. Кони устали, съ дороги сбились, а гдѣ деревня—не знаю... Можетъ тутъ, можетъ тамъ, можетъ здѣсь, а можетъ и тамъ! — безнадежно добавилъ онъ, тыкая рукавицей на всѣ четыре стороны.

— Садись, баринъ! — проговорилъ онъ послѣ краткаго размышленія.—Попробую вправо взять...

Проѣзжій безпрекословно исполнилъ требованіе ямщика: усѣлся въ кибитку и плотно закрылся полостью, оставивъ лишь небольшое отверстіе для головы. Ямщикъ, утопая въ сугробахъ, обошелъ лошадей, поправилъ шлеи у пристяжныхъ, дугу у коренника, подбодрилъ ихъ ласковымъ словомъ и, вернувшись, занялъ свое мѣсто на облучкѣ... Вотъ тройка дружно рванула и начала забирать вправо, едва передвигая ноги. Кибитка нѣсколько разъ качнулась и съ трудомъ выбралась изъ образовавшихся вокругъ нея сугробовъ. Еще нѣсколько утомительныхъ шаговъ, и лошади опять остановились, низко понуривъ голову. Ямщикъ соскочилъ съ облучка и подошелъ къ проѣзжему, продолжавшему нетерпѣливо выглядывать изъ-за полости.

— Постой, баринъ, тутъ, а я на пристяжной противъ бурана поѣду: послушаю—не слыхать ли чего?—проговорилъ ямщикъ.

— Поѣзжай,—согласился проѣзжій, не находя другого исхода изъ критическаго положенія.

Ямщикъ взобрался на выпряженную лошадь и отъѣхалъ отъ кибитки влѣво; но только-что скрылся въ пучинѣ бушующаго снѣга, какъ сейчасъ-же показался снова.

— Нѣтъ, баринъ, не поѣду,—угрюмо и рѣшительно проговорилъ онъ, слѣзая съ пристяжной и подходя къ проѣзжему.—Страшно!.. Отобьюсь отъ кибитки, а тамъ и замерзну пожалуй одинъ...

— Что-же теперь станешь дѣлать?—спросилъ проѣзжій, начинавшій терять послѣднюю надежду скоро выбраться къ жилому мѣсту.

— Подождемъ немножко, баринъ,—предложилъ ямщикъ какъ-то нерѣшительно.

— Да вѣдь буранъ можетъ продуть сутки и болѣе!? Нельзя-же ждать такъ долго!.. Вѣдь за это время и замерзнуть можемъ!.. — съ волненіемъ проговорилъ проѣзжій.

— Вѣрно твое слово, — согласился ямщикъ. — На все Божья воля, а все-таки ждать надо — не знаю, въ которую сторону ѣхать... Гляди, лошади совсѣмъ сбились...

Проѣзжій поневолѣ долженъ былъ согласиться съ приведенными доводами, покорно усѣлся въ глубь кибитки и плотно закрылся полостью.

„Придется ждать", думалъ онъ, „а какъ долго, трудно сказать... Вѣдь буранъ дуетъ иногда нѣсколько сутокъ подрядъ... Ужасное, безвыходное положеніе!" Проѣзжій невольно даже содрогнулся отъ представившихся его воображенію возможныхъ послѣдствій подобнаго неопредѣленнаго ожиданія въ степи, среди бушующаго бурана.

Ямщикъ между тѣмъ поставилъ своего коня въ постромки и затѣмъ усѣлся на облучекъ; плотно запахнувшись въ даху, онъ сталъ приглядываться въ непроглядную, снѣжную мглу, стараясь въ то-же время уловить какой-либо знакомый звукъ близкаго жилья.

„Первый блинъ комомъ", продолжалъ думать проѣзжій. „Первая поѣздка на Ирбитскую ярмарку оказалась изъ рукъ вонъ неудачная... Торговалъ совсѣмъ плохо, а тутъ еще буранъ подвернулся. Просто бѣда!.. Отецъ будетъ очень недоволенъ моими первыми коммерческими опытами. Впрочемъ, самъ виноватъ... Какой я купецъ!?.. Кончилъ курсъ въ университетѣ, хотѣлъ попутешествовать, Европу посмотрѣть, а тутъ вдругъ отецъ потребовалъ изъ Петербурга въ Иркутскъ и по коммерческой части заставилъ итти... Продолжай, молъ, мои дѣла, пріучайся, потому что старъ становлюсь; скоро, молъ, тебѣ во главѣ нашей фирмы придется встать... А какой я глава торговой фирмы!?.. Просто горе одно, да и только!.. А съ отцемъ не сговоришься: уперся, упрямый старикъ, на одномъ: „ты, молъ, единственный

сынъ и будущій глава фирмы Шаплыгинъ и К°, на тебя одна надежда; умру спокойно, когда всѣ дѣла въ твои руки передамъ... Грустно и больно!" съ горечью прошепталъ молодой Шаплыгинъ, плотнѣе закутываясь въ дорогую даху и отдаваясь дремотѣ, полной разнообразныхъ грезъ и воспоминаній.

II.

Неожиданная встрѣча.

Въ воображеніи Шаплыгина потянулась разнообразная панорама... Вотъ онъ видитъ себя совсѣмъ маленькимъ; ему отчетливо помнится скромный, тихій мальчуганъ въ бархатныхъ шароварахъ, глянцовитыхъ козловыхъ сапогахъ и въ красной шелковой рубахѣ, подпоясанной золотымъ кушакомъ. На курчавой головкѣ надѣта на бекрень ямщицкая поярковая шляпа съ превосходными, красивыми павлиньими перьями. Маленькаго Колю баловали всѣ, начиная съ отца и кончая многочисленной прислугой. Разныя тетеньки находили его красавцемъ и постоянно надоѣдали ему своими приторными ласками и поцѣлуями. Мать не чаяла въ своемъ Колюшенькѣ души и баловала его больше всѣхъ, не разставаясь съ нимъ и всецѣло отдаваясь глубокой материнской привязанности къ единственному, обожаемому сыну. Годы шли... Коля подросъ и сталъ уже десятилѣтнимъ мальчикомъ, безхарактернымъ шалуномъ, избалованнымъ, капризнымъ... Изъ этого періода жизни молодому Шаплыгину особенно врѣзался одинъ наиболѣе знаменательный день. Жили они въ Нерчинскѣ... Однажды отецъ возвратился изъ какой-то поѣздки и вдругъ, неожиданно, объявилъ, что Колѣ пора поступить въ учебное заведеніе. Мать поблѣднѣла, услыша такое странное рѣшеніе, и крѣпко, судорожно обняла Колю, прижавшагося къ ея юбкамъ. Тѣмъ не менѣе, она покорно молчала, хорошо зная суровый, рѣшительный, непреклонный характеръ мужа.

— Я завтра-же отвезу Колю въ иркутскую гимназію!—добавилъ отецъ. — Коля, хочешь вѣдь учиться?—обратился онъ къ сыну.

— Хочу! —поневолѣ отвѣтилъ Коля, хорошо тоже зная, что отрицательный отвѣтъ можетъ вызвать цѣлую семейную бурю.

— Вотъ и отлично!—весело проговорилъ отецъ, цѣлуя сына и удаляясь затѣмъ въ кабинетъ.

Едва затворилась за нимъ дверь, мать вдругъ разрыдалась и начала безумно цѣловать сына. Эти слезы, эти ласки разстроили Колю, и онъ самъ расплакался, не сознавая хорошо причины своихъ неожиданныхъ, неудержимыхъ слезъ... Цѣлый день проплакала мать надъ Колей, словно хороня его. Разлука съ обожаемымъ сыномъ казалась ей невыносимой, хотя разлука эта не могла особенно страшить ее, такъ какъ отецъ высказалъ намѣреніе перебраться въ скоромъ времени на постоянное жительство въ Иркутскъ, куда призывали его торговыя дѣла. Тѣмъ не менѣе, мать плакала съ какою-то болѣзненною тоскою, словно ее давило страшное предчувствіе, что она видитъ и цѣлуетъ сына въ послѣдній разъ. Слезы матери глубоко запечатлѣлись въ молодомъ Шаплыгинѣ, тѣмъ болѣе, что ему не пришлось уже свидѣться съ нею: она скончалась совершенно неожиданно, въ лучшую пору своей жизни. Николай Парфеновичъ (такъ звали молодого Шаплыгина) не могъ узнать до послѣдняго времени истинную причину такой быстрой смерти. Отецъ всегда сурово отмалчивался, когда сынъ обращался къ нему съ вопросами по поводу этого, словно опасаясь разбередить старыя раны. Между тѣмъ, городскія сплетни указывали на какое-то таинственное преступленіе, цѣль котораго осталась невыясненною. Разсказывали, что будто мать его была отравлена, но кѣмъ именно — не указывали. Другіе увѣряли, что она умерла отъ побоевъ мужа. Наконецъ, послѣдніе слухи, болѣе, повидимому, достовѣрные, приписывали неожиданную смерть матери гри-

бамъ, которыхъ покойница всегда любила плотно покушать. Трудно было разобраться среди этихъ разнообразныхъ городскихъ сплетень!.. Во всякомъ случаѣ, смерть матери произвела на молодого Шаплыгина неизгладимое впечатлѣніе, онъ затосковалъ по ней такъ сильно, что заболѣлъ нервной горячкой и пролежалъ въ постели почти три мѣсяца... Въ это время, отецъ, похоронивъ жену, закончилъ свои дѣла въ Нерчинскѣ и перебрался въ Иркутскъ. Первая встрѣча съ нимъ, послѣ полугодовой разлуки также сильно запечатлѣлась въ памяти Николая Парфеновича. Отецъ долго цѣловалъ сына, ласкалъ его и даже прослезился, когда тотъ вспомнилъ о матери. Сильно постарѣвшій, осунувшійся, посѣдѣвшій, Парфенъ Петровичъ произвелъ на сына крайне тяжелое впечатлѣніе: въ немъ было что-то неразгаданное и таинственное... Ласки его показались молодому Шаплыгину черезчуръ порывистыми и даже какъ будто-бы не вполнѣ искренними. Можетъ быть Николай Парфеновичъ и ошибся, такъ какъ онъ мало любилъ отца, но за то страшно боялся, хорошо зная его горячій характеръ... Эта боязнь сохранилась даже до послѣдняго времени...

Вотъ промелькнули года, проведенные въ гимназіи: они не представляли ничего выдающагося... Время шло монотонно, въ непрерывныхъ учебныхъ занятіяхъ. Николай Парфеновичъ, благодаря природнымъ способностямъ, кончилъ курсъ вполнѣ удовлетворительно; у него явилось желаніе побывать въ университетѣ. Отецъ первое время упорствовалъ, но наконецъ согласился и отпустилъ сына въ Петербургъ, прочитавъ ему передъ отъѣздомъ строжайшее правоученіе, какъ должно вести себя въ современномъ Вавилонѣ. Денегъ на дорогу далъ въ обрѣзъ. На дальнѣйшія нужды поручилъ одному петербургскому знакомому выдавать сыну по сто рублей въ мѣсяцъ. Въ оправданіе такой скаредности, при милліонномъ капиталѣ, старикъ сказалъ сыну:

— Грѣшно давать молодому человѣку въ руки много

денегъ: завертишься и пропадешь ни за грошъ съ разными тамъ проходимцами...

Вотъ Николай Парфеновичъ видитъ себя въ Петербургѣ. Наука шла достаточно успѣшно, не смотря на то, что много времени растрачивалось на разныя развлеченія. Особенно часто посѣщалъ Шаплыгинъ разныя загородныя мѣста, будучи большимъ любителемъ оперетокъ. Одинъ подобный вечеръ особенно запечатлѣлся въ его памяти. Это было въ маѣ мѣсяцѣ. Лѣтній сезонъ только что начался. Съ нѣсколькими товарищами, Николай Парфеновичъ отправился послушать въ Аркадію прелестную новинку Периколу. Въ заглавной роли дебютировала новая пѣвица, по афишѣ Норова, блондинка, красавица въ полномъ смыслѣ слова. Пѣла она посредственно но за то своею пикантною игрою привела публику въ дикій восторгъ. Особенно неистовствовала золотая молодежь, въ томъ числѣ и Николай Парфеновичъ, на котораго дебютантка произвела неотразимое впечатлѣніе. Съ этого знаменательнаго вечера, онъ сталъ бывать въ Аркадіи почти ежедневно, увлекаясь Норовой все больше и больше. Онъ началъ искать знакомства съ сиреною, такъ неотразимо его обольстившею. Всѣ получаемыя деньги онъ тратилъ на букеты, отказывая себѣ нерѣдко въ самомъ необходимомъ. Букеты эти подносились Норовой, будто-бы отъ публики, почти ежедневно. Понемногу, Николай Парфеновичъ становился смѣлѣе и однажды вложилъ въ букетъ записочку, съ невиннымъ любовнымъ объясненіемъ. Сирена не замедлила обратить вниманіе на своего горячаго поклонника. Впрочемъ, вниманіе это ограничилось только привѣтливыми улыбками, кокетливо посылаемыми въ первый рядъ креселъ, гдѣ постоянно сидѣлъ Шаплыгинъ. Эти обольстительныя улыбки сводили юношу съума; онъ началъ мнить себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Онъ сталъ мечтать о взаимности и приходить, благодаря своему пылкому темпераменту, въ восторженное настроеніе...

Между тѣмъ, дни шли за днями, но Николай Пар-

феновичъ избѣгалъ рѣшительнаго шага; онъ боялся его, старался отдалить по возможности; онъ приходилъ въ нервный трепетъ каждый разъ, какъ только призрачная мечта начинала принимать болѣе осязательныя формы... Однажды, Николаю Парфеновичу пришлось, по болѣзни, пропустить нѣсколько вечеровъ. Пріѣхавъ, затѣмъ, въ театръ, онъ вдругъ былъ пораженъ ужасною для него новостью: Норова неожиданно нарушила уже заключенный съ антрепренеромъ контрактъ и куда-то скрылась. Разсказывали, что она уѣхала съ кѣмъ-то за границу. Николай Парфеновичъ былъ пораженъ неожиданною новостью такъ сильно, что тотчасъ-же возвратился домой, грустный и разочарованный. Ему стало невыносимо тяжело за свою юную любовь, лелеянную почти мѣсяцъ и разлетѣвшуюся какъ дымъ. Онъ былъ глубоко оскорбленъ. Его мучила мысль, что онъ увлекся недостойною искренняго его чувства... Тѣмъ не менѣе, онъ не могъ забыть ее: ея соблазнительный образъ не выходилъ изъ его головы, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе двухъ лѣтъ...

Ворвавшійся въ кибитку рѣзкій вихрь неожиданно порвалъ дальнѣйшую нить грезъ. Николай Парфеновичъ открылъ глаза и съ недоумѣніемъ сталъ всматриваться въ непроглядную тьму. Въ первую минуту, онъ не могъ отдать себѣ яснаго отчета, гдѣ находится: грезы унесли его слишкомъ далеко отъ барабинской степи, чтобы можно было разомъ вернуться къ грустной дѣйствительности... Съ трудомъ очнувшись, Николай Парфеновичъ едва разглядѣлъ ямщика, приподнявшаго верхнюю часть полости и что-то говорившаго, но что именно—нельзя было разобрать въ дикомъ хаосѣ все еще бушевавшаго бурана. Ямщикъ, не получая отвѣта, просунулъ въ кибитку руку и сталъ тянуть Шаплыгина за рукавъ дахи.

— Баринъ, а, баринъ, послушай! -кричалъ ямщикъ радостнымъ голосомъ.

Николай Парфеновичъ поспѣшилъ исполнить его требованіе, вылѣзъ изъ кибитки и сталъ чутко прислу-

шиваться. Напрасно!.. Вокругъ гудѣла и ревѣла та-же страшная непогода. Тучи снѣга залѣпляли глаза и бѣшенно кружились около кибитки съ тѣмъ же яростнымъ, грознымъ шумомъ, очень напоминавшимъ отдаленный рокотъ бушующаго моря. Лошади, по прежнему, уныло стояли въ снѣгу, понуривъ головы, и только изрѣдка потряхивая гривами.

— Баринъ, а, баринъ!—опять обратился ямщикъ къ Шаплыгину уже тревожно, точно испугавшись, что онъ ослышался.—Неужели не слышишь!? Вотъ опять!.. Слушай хорошенько!..

Николай Парфеновичъ отвернулъ отъ уха бобровый воротникъ дахи и сталъ внимательно прислушиваться, стараясь уловить въ хаосѣ стихійнаго бурана какой-либо знакомый звукъ. Вотъ, донесся до его уха, съ навѣтрѣнной стороны, едва слышный перебой колокольчиковъ и вновь замеръ, затерявшись среди адскаго рева степнаго урагана.

— Ну что, слышалъ теперь? — спросилъ ямщикъ, продолжая чутко прислушиваться.

— Слышалъ... какъ будто колокольчики брякнули...

— Вѣрно твое слово, вѣрно! — радостно перебилъ ямщикъ.—Это другая тройка на насъ идетъ: видно тоже плутаетъ... Дай Богъ встрѣтиться — вдвоемъ живо дорогу разыщемъ...

Оба продолжали прислушиваться, затаивъ дыханіе... Вотъ пронесся ободряющій лошадей крикъ и тотчасъже замеръ въ вихрѣ бушующаго бурана... Опять глухо брякнули колокольчики и замолкли... Какъ будто тройка остановилась...

— Теперь близко: я сейчасъ ихъ розыщу и сюда подведу! — лихорадочно проговорилъ ямщикъ и началъ быстро отстегивать возжи и связывать ихъ. Къ вожжамъ онъ привязалъ еще длинную веревку, вытащенную изъ подъ облучка. Николай Парфеновичъ съ любопытствомъ слѣдилъ за быстрыми движеніями ямщика. Вотъ онъ привязалъ одинъ конецъ связанныхъ вожжей къ кибиткѣ

и, осторожно разматывая ихъ, сталъ пробираться черезъ сугробы въ ту сторону, откуда только что неслись окрикъ ямщика и бряканье колокольчиковъ. Вскорѣ онъ скрылся среди метели, не выпуская изъ рукъ путеводной веревки. Николай Парфеновичъ продолжалъ недвижно стоять около кибитки и прислушиваться. Минуты шли за минутами чрезвычайно медленно. Шаплыгину казалось, что онъ переживаетъ вѣчность, такъ невыносимо, тягуче, проходило время. Занесенный снѣгомъ, по колѣна въ сугробахъ, онъ боялся шелохнуться, чтобы только уловить во́ время какой-либо знакомый звукъ, который подтвердилъ бы близкое присутствіе постороннихъ людей. Николаю Парфеновичу думалось, что опасность должна значительно умалиться, разъ для борьбы съ бураномъ сплотятся по крайней мѣрѣ два опытныхъ ямщика, но въ сущности онъ старался найти утѣшеніе въ мудрой русской пословицѣ: „на людяхъ и смерть красна", вѣрилъ въ силу ея ободряющаго значенія... Прошло около получаса... Вдругъ, до напряженнаго уха Шаплыгина донеслись опять глухіе окрики и вслѣдъ затѣмъ вновь брякнули колокольчики.

„Разыскалъ"!.. радостно подумалъ онъ и сталъ зорко всматриваться въ ту сторону, въ которой находился, судя по направленію натянутыхъ возжей, скрывшійся ямщикъ.

— Родимые, выручайте!—довольно ясно разслышалъ Николай Парфеновичъ.

— Тпру! -- раздался черезъ минуту новый крикъ ямщика.

Шаплыгинъ внимательно присмотрѣлся и съ большимъ трудомъ разглядѣлъ сквозь снѣжную мглу морды лошадей, почти упершихся головами въ его кибитку.

— Нашелъ! — радостно прокричалъ возвратившійся ямщикъ, съ трудомъ пробираясь къ Николаю Парфеновичу и утопая при этомъ почти по поясъ въ страшно глубокихъ сугробахъ.

— Кто такіе? —полюбопытствовалъ Шаплыгинъ.

— Двухъ барынь везетъ... Страсть перепужались... Плачутъ въ возкѣ...

— Что же будете теперь дѣлать?

— А вотъ мы съ Микиткой дорогу поищемъ, а вы подождите здѣсь — пускай кони немного отстоятся, — отвѣтилъ ямщикъ. — Эй, Микитка! садись на пристяжную и поѣдемъ!—крикнулъ онъ товарищу, копошившемуся возлѣ возка.

— Сичасъ, Федя, сичасъ! — послышался отвѣтный крикъ.

Николай Парфеновичъ, любопытствуя, пробрался между тѣмъ къ возку, сильно запорошенному снѣгомъ. Никита стоялъ у пріотворенныхъ дверецъ и что-то говорилъ сидѣвшимъ внутри возка.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. не смѣй уѣзжать! — послышался изъ возка свѣжій женскій голосъ, въ которомъ чувствовались слезы и испугъ.

— Не извольте, сударыня, сумлѣваться!.. Мы съ Федей, значитъ, съ другимъ ямщикомъ, дорогу поищемъ,—успокаивалъ Никита.

— Мы боимся остаться однѣ въ этомъ аду! — раздался изъ возка другой голосъ, рѣзкій и дребезжащій. По голосу легко можно было догадаться, что говорила старуха.

— Вы сударыня съ бариномъ останетесь!.. Тотъ самый, котораго Федя везетъ...

— Съ какимъ бариномъ?.. Кто такой?—послышался свѣжій, грудной голосъ.

— Богатѣющій купецъ иркутскій... Шаплыгинымъ звать,—поспѣшилъ ямщикъ удовлетворить женское любопытство, пересилившее даже страхъ къ бурану.—Баринъ хорошій—постоитъ за васъ... А мы поѣдемъ!.

— Поѣзжайте!—согласилась неизвѣстная проѣзжая, повидимому успокоенная.

Никита плотно закрылъ дверцы возка, проворно взлѣзъ на отпряженную пристяжную и вскорѣ присоединился къ товарищу, вполнѣ готовому отправиться на

трудные поиски потерянной дороги... Чрезъ короткое время, оба ямщика скрылись въ бушующемъ снѣжномъ вихрѣ. Николай Парфеновичъ забрался въ кибитку и, плотно закутавшись въ большой мѣховой коверъ, сталъ нетерпѣливо ждать ихъ возвращенія. Ему хотѣлось, какъ можно скорѣе познакомиться съ таинственной проѣзжей— обладательницей чуднаго голоса, такъ мелодично прозвучавшаго среди грознаго рева неукротимаго бурана...

III.

На почтовой станціи.

Измученный продолжительнымъ тревожнымъ ожиданіемъ ямщиковъ, Николай Парфеновичъ началъ засыпать, убаюкиваемый плачемъ вихря и сухимъ шелестомъ снѣга, неустанно крутившагося вокругъ кибитки. Закутанный въ даху и мѣховой коверъ, онъ не ощущалъ пронизывающаго холода; ему было въ кибиткѣ тепло и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ уютно, что онъ на время забылъ о стоявшемъ вблизи возкѣ... Неожиданныя попутчицы между тѣмъ не спали и съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ждали возвращенія ямщиковъ. Притаившись въ углу громаднаго возка, онѣ боялись сомкнуть глаза. Зловѣщій свистъ бурана приводилъ ихъ въ безотчетный ужасъ. Окружающая непроглядная мгла пугала и бросала въ нервный трепетъ. Неустанный, сухой шелестъ снѣга доводилъ ихъ до отчаянія. Имъ казалось, что буранъ постепенно погребаетъ возокъ, и скоро надъ нимъ будетъ выситься лишь громадный снѣжный сугробъ. Обѣ хранили глубокое молчаніе, словно опасаясь нарушить своимъ голосомъ адскую какофонію бурана. Минуты шли за минутами, мучительно, однообразно. Ничто, повидимому, не предвѣщало скораго и счастливаго выхода изъ крайне опаснаго положенія брошенныхъ среди необъятной степи. Безотчетное отчаяніе уже начинало охватывать незнакомокъ, какъ вдругъ дверцы съ подвѣтра осторожно прі-

отворились, и въ возокъ рванулся холодный, рѣзкій вѣтеръ. Этотъ неожиданный порывъ вьюги до такой степени испугалъ обѣихъ, что онѣ не могли воздержаться отъ пронзительнаго крика, невольно вырвавшагося изъ давно стѣсненной груди.

— Это я-съ, ямщикъ! — поспѣшилъ успокоить перепуганныхъ пассажировъ, только что вернувшійся Никита.— Деревню разыскали — близехонько... Сейчасъ тронемся... Плутали мы съ Федей, съ другимъ, значитъ, ямщикомъ, почитай цѣлый часъ, а станція рядомъ, — добавилъ Никита, припирая у возка дверцы и усаживаясь затѣмъ на облучкѣ.

— Слава Богу! невольно вырвалось у незнакомокъ радостное восклицаніе и обѣ набожно перекрестились. Имъ казалось, что съ сердца свалился тяжелый камень, такъ стало имъ вдругъ легко и вмѣстѣ съ тѣмъ весело. Ихъ начала манить теплая комната; онѣ съ восторгомъ стали мечтать о самоварѣ и отдыхѣ.

Вотъ возокъ покачнулся и заскрипѣлъ полозьями.

— Федя, трогай за мной!.. Не отставай! крикнулъ Никита, поворачивая возокъ совершенно по вѣтру, такъ какъ въ этомъ направленіи ямщикамъ удалось отыскать деревню.

— Ладно!.. Трогай шагомъ! пронесся едва слышный отвѣтъ, и Федоръ сталъ поворачивать кибитку за возкомъ, стараясь держаться къ послѣднему возможно ближе, чтобы не разъѣхаться.

Кибитка заколыхалась, переваливаясь съ сугроба на сугробъ. Николай Парфеновичъ проснулся отъ этой качки и съ недоумѣніемъ сталъ собираться съ мыслями.

„Навѣрное, дорогу нашли!“ мелькнуло у него въ головѣ и онъ съ облегченіемъ вздохнулъ...

Откинувъ немного полость, Шаплыгинъ началъ всматриваться во мглу, стараясь разглядѣть давно желанную почтовую станцію. Впереди едва чернѣлъ лишь громадный кузовъ возка, и больше ничего...

Вдругъ его ямщикъ осадилъ лошадей разомъ набѣжавшихъ на остановившійся возокъ.

— Что такое? спросилъ встревоженный Шаплыгинъ.

— Пріѣхали, баринъ! — радостно крикнулъ Федоръ.

— Какъ пріѣхали!? — удивился Николай Парфеновичъ. Гдѣ же станція?..

— Тутъ и станція... Возлѣ самой стоимъ... Извольте вылѣзать!.. проговорилъ ямщикъ, слѣзая съ облучка и откидывая затѣмъ полость.

Шаплыгинъ вылѣзъ изъ кибитки и съ удивленіемъ сталъ оглядываться, не видя передъ собой ничего похожаго на жилье. Только немного въ сторонѣ громоздился какой-то высочайшій снѣжный сугробъ.

— Пожалуйте сюды, съ задняго крыльца, — промолвилъ ямщикъ, предупредительно поддерживая Николая Парфеновича подъ локоть... — Вишь какъ буранъ переднее крыльцо занесъ... по самую крышу, значитъ, — продолжалъ словоохотливый ямщикъ... — Это у насъ при буранахъ завсегда бываетъ... Завтра придется разгребать снѣгъ-то...

Утопая по колѣна въ сугробахъ, Шаплыгинъ съ трудомъ пробрался черезъ дворъ на заднее крыльцо почтовой станціи и, отряхнувъ съ дахи снѣгъ, вошелъ въ темныя сѣни.

— Куда идти? — спросилъ онъ, останавливаясь въ недоумѣніи.

— Сюда пожалуйте, сюда, — отвѣтилъ кто-то въ потемкахъ и потащилъ Николая Парфеновича за рукавъ дахи, въ глубь сѣней. Покорно подчиняясь новому проводнику, онъ ощупью послѣдовалъ за нимъ, спотыкаясь въ темнотѣ о какія то кадушки, полѣнницы дровъ, помойные ушаты и т. п. непривлекательные предметы задняго крыльца... Но вотъ распахнулась дверь и Шаплыгинъ вошелъ въ просторную комнату «для проѣзжающихъ обоего пола», тускло освѣщенную нагорѣвшей сальной свѣчей. Пока онъ старался оглядѣться въ окружающемъ полусвѣтѣ, чьи-то услужливыя руки стащили съ него даху,

— Не угодно-ли самоварчикъ? — заискивающимъ тономъ спросилъ невзрачный, сѣденькій старичекъ, въ фор-

менномъ, но сильно потертомъ и засаленномъ вицъ-мундирѣ, стряхивая съ боброваго воротника, только что снятой дахи, послѣднія кое-гдѣ застрявшія снѣжинки. Это былъ станціонный смотритель казеннаго тракта, кое-гдѣ еще сохранившагося въ одной только обширной Сибири.

— Подай самоварчикъ,—согласился Николай Парфеновичъ, продолжая пристально всматриваться въ полусвѣтъ обширной горницы, оклеенной чистенькими, дешевыми обоями и украшенной многочисленными разнообразнѣйшими произведеніями лубочной живописи. Вдоль стѣнъ были разставлены, въ строгомъ порядкѣ, простенькіе стулья и два деревянныхъ дивана безъ обивки; передъ послѣдними красовались старинные краснаго дерева, овальные столы, накрытые красными, потертыми салфетками. На одномъ уже изъ столовъ шипѣлъ большой, начищенный самоваръ, около котораго возилась неизвѣстная пожилая женщина въ большемъ уродливомъ капорѣ и въ не менѣе уродливой заячьей кофтѣ. На диванѣ въ тѣни пузатаго самовара, сидѣлъ какой-то мужчина въ щегольскомъ романовскомъ полушубкѣ; рядомъ съ нимъ лежала только сброшенная соболья шуба и бобровая шапка.

„Навѣрное мои попутчики“, подумалъ Николай Парфеновичъ, но тотчасъ же началъ сомнѣваться.—„Вѣдь ямщикъ говорилъ, что везетъ двухъ барынь“...

Не успѣлъ онъ еще хорошенько разобраться въ возникшихъ сомнѣніяхъ, какъ мужчина приподнялся съ дивана и привѣтливо предложилъ:

— Не угодно-ли выпить съ нами чаю?.. Кажется, вмѣстѣ бѣдствовали среди бурана?..

— Да, вмѣстѣ,—поспѣшилъ отвѣтить Шаплыгинъ неловко шагая къ незнакомцу въ своихъ тяжелыхъ медвѣжьихъ сапогахъ.—Очень пріятно познакомиться. Имѣю честь представиться: Николай Парф...

Обычная фраза вдругъ замерла на языкѣ Шаплыгина и онъ остановился очарованный, пораженный, широко

раскрывъ глаза... Ему казалось, что онъ видитъ во снѣ чудное, божественное видѣніе!.. Передъ нимъ стояла Норова, едва освѣщенная тусклымъ пламенемъ сальной свѣчи, но не та Норова, которою онъ когда-то увлекся, первый разъ въ пикантномъ костюмѣ периколы, а другая, значительно похорошевшая и еще болѣе увлекательная въ мужскомъ костюмѣ. Щегольскій полушубокъ плотно обхватывалъ ея стройную, гибкую талью, стянутую широкимъ кушакомъ. Роскошные, бѣлокурые, волнистые волоса, кокетливо подобранные, красиво обрамляли оживленное, восхитительно-прекрасное лицо, на которомъ играла лукавая улыбка, полная неизъяснимой прелести. Большіе темные, чудные глаза ободряли и ласкали.

Красавица продолжала непринужденно стоять около дивана, довольная, повидимому произведеннымъ на молодого человѣка впечатлѣніемъ и наслаждаясь его замѣшательствомъ, которое она объяснила неотразимымъ эффектомъ своей обаятельной красоты.

— Николай Парфеновичъ Шаплыгинъ! — наконецъ договорилъ молодой человѣкъ рекомендательную фразу, не сводя глазъ съ прекраснаго лица Норовой. Въ головѣ его разомъ воспрянули былыя воспоминанія; сердце вновь закипѣло безумною страстью къ женщинѣ, съумѣвшей, два года тому назадъ, привлечь къ себѣ всѣ его чувства первой любви, самыя дорогія по своей дивной непорочности, свѣжести и обаянію.

— Рада познакомиться! — гармонично проговорила красавица. — Присядьте и составьте намъ компанію... Въ свою очередь рекомендуюсь: Надежда Павловна Боданина, а это — моя компаньонка, Анна Ивановна Кальдеръ, — добавила она, указывая на старуху въ уродливомъ капорѣ.

— Позвольте, развѣ вы не госпожа Норова! — перебилъ совершенно растерявшійся Николай Парфеновичъ, забывъ даже раскланяться со старухой, продолжавшей хладнокровно и безучастно устанавливать столъ разными бутербродами и закусками.

— Ха, ха, ха! — весело расхохоталась Надежда Пав-

ловна.—Вотъ чудакъ какой!.. Я рекомендуюсь—Боданина, а вы вдругъ задаете мнѣ неожиданный, отчасти даже дерзкій вопросъ: не Норова-ли я!?.. Съ чего вы вздумали задать этотъ вопросъ?.. Развѣ вы знали какую-нибудь Норову, похожую на меня?.. Гдѣ вы ее видѣли?.. Когда?..—забросала Надежда Павловна, Шаплыгина быстрыми вопросами, пытливо всматриваясь въ его красивое мужественное лицо обросшее за послѣдніе два года роскошной черной бородой.

— Прошу извиненія за мой нескромный вопросъ,—съ замѣшательствомъ промолвилъ Николай Парфеновичъ.—Тѣмъ не менѣе я положительно убѣжденъ, что встрѣчался съ вами раньше... Я не могу ошибаться! Такого поразительнаго сходства рѣшительно не можетъ существовать!..

— Гдѣ же, гдѣ же вы меня видѣли?—перебила Надежда Павловна, продолжая глядѣть на растерявшагося Шаплыгина съ тою же лукавою, обольстительною улыбкою.

— Два года назадъ, въ Петербургѣ, въ театрѣ Аркадія, первый разъ въ роли „Периколлы"!—отчеканилъ Николай Парфеновичъ.—О, какъ вы были дивно прекрасны въ этой роли!—восторженно добавилъ онъ, подъ впечатлѣніемъ недавнихъ воспоминаній.

— Боже мой, какую старину вспомнили! протянула Боданина, лукаво прищуривая глаза.—Да, да, дѣйствительно, я дебютировала въ Аркадіи но это было такъ давно... Сознаюсь вы правы; но все таки я не Норова—это мой театральный псевдонимъ. Настоящая фамилія именно та, которую я вамъ только что сказала...—Позвольте, въ свою очередь, спросить васъ,—продолжала Надежда Павловна оживленно:—неужели вы тотъ восторженный студентъ, который чуть не ежедневно забрасывалъ меня цвѣтами?..

— Да,—лаконически подтвердилъ Шаплыгинъ, не спуская пылающихъ глазъ съ изящной фигуры Боданиной.

— Вы очень перемѣнились,—возразила Надежда Павловна:—вы были тогда безбородый юноша, а теперь...

— Я отпустилъ бороду и возмужалъ,—съ улыбкой добавилъ Николай Парфеновичъ, начиная постепенно овладѣвать собою.

— Я очень рада нашей неожиданной встрѣчѣ, правда, мало поэтичной, но тѣмъ не менѣе счастливой, такъ какъ отчасти благодаря этой встрѣчѣ, я сижу теперь въ теплой комнатѣ, а не мерзну среди безграничной степи. Вы не повѣрите, какъ я страшно перепугалась когда ямщикъ заявилъ, что сбился съ дороги... Я плакала, какъ ребенокъ. Меня невыразимо пугала окружающая мгла и невыносимо-ноющій плачъ этого гадкаго бурана...

— Да, погода скверная, но, тѣмъ не менѣе я благословляю ее,—неожиданно для самого себя выговорилъ Шаплыгинъ и сильно покраснѣлъ.

— Что же мы, однако, стоимъ,—перебила Надежда Павловна, усаживаясь на диванъ.—Сбросьте мою шубу на полъ и садитесь рядомъ: мѣста довольно... Напьемся чаю и поговоримъ... Какъ пріятно поболтать съ кѣмъ-нибудь послѣ такой скучной, тяжелой дороги... Я просто проклинаю тотъ день, когда рѣшилась ѣхать въ Иркутскъ.

— Вы ѣдете въ Иркутскъ!?.. Зачѣмъ? — радостно воскликнулъ Шаплыгинъ...

— Да, въ Иркутскъ,—подтвердила Надежда Павловна.—Я вѣдь уже не пѣвица, а драматическая актриса и получила ангажементъ въ Иркутскій театръ. Васъ это удивляетъ?

— Нисколько!.. Я радуюсь вашей поѣздкѣ въ Иркутскъ, потому что самъ туда ѣду. Тамъ мое мѣстопребываніе.

— Отлично, вы будете моимъ попутчикомъ,—рѣшительно заявила Боданина.—Мнѣ ужасно скучно ѣхать въ громадномъ возкѣ, не перебрасываясь ни съ кѣмъ словомъ. Съ Анной Ивановной я переговорила уже обо всемъ и мнѣ необходимы другія впечатлѣнія. И такъ, съ этой станціи вы ѣдете съ нами... Согласны?—лукаво спросила Надежда Павловна, будучи увѣрена, что отказа не послѣдуетъ.

— Конечно! — воскликнулъ очарованный Шаплыгинъ.—Я такъ счастливъ!..

— О счастьѣ будемъ говорить послѣ,—задорно перебила Боданина,—а теперь приступимъ къ чаю. Анна Ивановна, наливайте скорѣй!..

— Сейчасъ, сейчасъ, только настоится,—прошамкала компаньонка, сердито поглядывая на неожиданнаго спутника.

— Наливайте какой есть... Вы знаете, что я крѣпкаго чая не пью... А вы?—обратилась Боданина къ Николаю Парфеновичу.

— Я буду стараться приноравливаться ко вкусу моей попутчицы,—уклонился тотъ отъ прямого отвѣта.

— Посмотримъ!.. всегда-ли вы будете такъ любезны!—проговорила Надежда Павловна.—Вотъ и вашъ чай—пейте,—добавила она, ставя передъ молодымъ человѣкомъ только что налитый стаканъ.

— Позвольте это не по-сибирскому—надо прежде поужинать. Я угощу васъ сейчасъ замороженными щами и пельменями...

— Замороженными щами?—съ удивленіемъ воскликнула Надежда Павловна.

— Да, именно замороженными щами,—подтвердилъ Николай Парфеновичъ.—Послушайте, обратился онъ къ станціонному смотрителю, собственноручно внесшему въ комнату другой самоваръ, такой-же грязный и пузатый.

— Что прикажете-съ? — подобострастно спросилъ смотритель, уже разузнавшій отъ ямщика о достаткѣ проѣзжаго и считавшій потому необходимымъ быть съ послѣднимъ какъ можно предупредительнѣе.

— Прикажите принести изъ кибитки мой дорожный сундучекъ и мѣшечки съ провизіей—распорядился Шаплыгинъ.

— Слушаю-съ буркнулъ станціонный смотритель и, охваченный порывомъ примѣрнаго усердія, стремительно выскочилъ въ сѣни, отчаянно размахивая засаленными, дырявыми фалдами вицъ-мундира.

— Сибиряки всегда возятъ съ собой цѣлые запасы съѣдобнаго, — началъ объяснять Николай Парфеновичъ. — Дорога длинная; на почтовыхъ станціяхъ трудно достать что-либо порядочное. На этомъ основаніи, мы сибиряки, и веземъ съ собой замороженные щи, пельмени, разную дичь. Стоитъ положить кусокъ такихъ щей въ кастрюльку, разогрѣть на спиртовой лампочкѣ и получится превкусное блюдо.

— Да, сибиряки народъ практичный, — промолвила Боданина. — Я съ удовольствіемъ попробую вашихъ замороженныхъ щей и пельменей.

— Вотъ и мои продукты, — проговорилъ Шаплыгинъ, увидя ямщика, внесшаго въ комнату большой дорожный сундукъ и нѣсколько холщевыхъ мѣшечковъ. — Сейчасъ полный обѣдъ будетъ готовъ.

— Позвольте, я стану помогать вамъ, — кокетливо предложила Надежда Павловна, не дожидаясь отвѣта, встала съ дивана, сбросила полушубокъ и присоединилась къ Шаплыгину, уже вскрывшему сундукъ съ многочисленными подраздѣленіями. Привычными руками начала она выбирать изъ сундука спиртовую лампочку, кострюли, ножи, вилки, ложки и даже дорожныя тарелки. — Анна Ивановна, накрывайте живо на столъ: вонъ стоитъ свободный, — весело распорядилась Надежда Павловна, продолжая рыться въ сундукѣ и добывая оттуда салфетки, фляги съ разными напитками, дорожные стаканы и т. п. вещи.

— Боже мой, сколько у васъ тутъ наложено! — обратилась она къ Шаплыгину, насыпавшему въ одну изъ кострюль крѣпкія, какъ камень, пельмени, а въ другую — кусочки замороженныхъ щей. Въ тоже время, онъ не переставалъ любоваться изящной фигурой Надежды Павловны. Какъ была она хороша въ шелковой красной рубахѣ и бархатныхъ шароварахъ. Какъ шелъ этотъ нарядъ!..

Наконецъ, всѣ приготовленія были закончены. Весело и дружно болтая, приступили къ самой стряпнѣ. Черезъ полчаса, сидѣли уже за столомъ и съ большимъ аппе-

титомъ уничтожали превосходные щи и вкусные пельмени. Надежда Павловна очаровывала Шаплыгина все больше и больше. Кокетливая, веселая, она быстро влекла къ себѣ всѣ его чувства и безвозвратно овладѣвала ими. Къ концу обѣда, Николай Парфеновичъ уже сталъ покорнымъ рабомъ всѣхъ ея желаній. Онъ увлекся безъ размышленія о томъ, насколько его чувства будутъ удовлетворены, насколько предметъ обожанія окажется достойнымъ его святого огня первой любви, которую онъ таилъ въ своемъ сердцѣ болѣе двухъ лѣтъ...

IV.

Объясненіе.

Обѣдъ прошелъ оживленно. Впрочемъ, этому оживленію отдались только Надежда Павловна и Николай Парфеновичъ. Что касается Анны Ивановны, то она не промолвила, въ теченіе всего обѣда, ни слова, хорошо, повидимому, изучивъ роль безгласной компаньонки, ничего, какъ будто, не слышащей и не видящей. Шаплыгинъ между тѣмъ увлекся до такой степени, что совершенно забылъ о неудачной поѣздкѣ въ Ирбитъ, а также о возможномъ гнѣвѣ отца; забылъ даже, что онъ въ дорогѣ, на глухой почтовой станціи, почти занесенной все еще ревущимъ бураномъ. Объ этомъ реальномъ положеніи заставилъ его вспомнить станціонный смотритель, явившійся за приказаніями.

— Когда изволите ѣхать? - подобострастно спросилъ онъ, хитро оглядывая дружно бесѣдующихъ молодыхъ людей и нисколько, повидимому, не удивляясь ихъ быстрому знакомству.

Николай Парфеновичъ вопросительно взглянулъ на Надежду Павловну, ожидая ея рѣшенія.

— Я очень устала: хочу отдохнуть, — поспѣшила она отвѣтить на нѣмой вопросъ. — Да при томъ на дворѣ ночь и буранъ реветъ... Страшно!..

— Поѣдемъ завтра утромъ, если погода стихнетъ,— распорядился Николай Парфеновичъ, внутренно радуясь желанію Надежды Павловны переждать буранъ.

Станціонный смотритель безмолвно удалился, привыкнувъ, повидимому, ко всѣмъ разнообразнымъ прихотямъ и капризамъ проѣзжающихъ. Между тѣмъ, Анна Ивановна услышавъ рѣшеніе остаться на почтовой станціи до утра, тотчасъ-же добыла изъ возка цѣлый ворохъ подушекъ и удобно расположилась на одномъ изъ дивановъ, нисколько не интересуясь безконечной, повидимому, болтовней молодыхъ людей, забывшихъ сонъ и усталость. Время у послѣднихъ шло незамѣтно. Главной тэмой ихъ разговора служили воспоминанія о прошломъ, о томъ таинственномъ прошломъ пѣвицы Норовой, съ которымъ такъ страстно желалъ ознакомиться Шаплыгинъ. Надежда Павловна видимо уклонялась отъ этихъ воспоминаній, ловко переводя разговоръ на другой предметъ, но Николай Парфеновичъ каждый разъ удачно возобновлялъ прерванную тэму, настойчиво преслѣдуя свою цѣль.

— Какъ я былъ огорченъ, когда услышалъ печальную новость о вашемъ неожиданномъ отъѣздѣ, — продолжалъ Шаплыгинъ, возвращаясь вновь къ прерванной тэмѣ разговора.—Что васъ понудило оставить блестяще начатую сценическую карьеру?

Надежда Павловна задорно взглянула прямо въ лицо своему собесѣднику и шаловливо погрозила пальцемъ:

— Какой любопытный!.. Вы начинаете вторгаться въ мои исключительно семейныя отношенія.

— Нисколько!.. Если вопросъ мой безтактенъ, прошу извинить меня... Я никакъ не предполагалъ, что отвѣтъ на него долженъ приподнять край таинственной завѣсы.

Надежда Павловна вспыхнула:

— Я начинаю сердиться на васъ!.. Вы говорите о какой-то таинственности, когда вся моя жизнь прошла какъ на ладони... Во всякомъ случаѣ, буду съ вами откровенна, такъ какъ желаю видѣть въ васъ друга, давно

мнѣ симпатизирующаго... Не правда-ли?—съ обольстительною улыбкою спросила Боданина.

— О да, будьте увѣрены въ этомъ. Мои искреннѣйшія симпатіи принадлежали вамъ и будутъ принадлежать всегда,—съ жаромъ проговорилъ Шаплыгинъ.—Въ васъ, Надежда Павловна продолжалъ онъ порывисто,—я встрѣтилъ первую женщину, которая успѣла всецѣло овладѣть моими чувствами. Преданность моя вамъ безгранична!..

— Какая восхитительная прелюдія къ объясненію въ любви! — неожиданно прервала Боданина Николая Парфеновича, лукаво посматривая въ его пылающіе глаза. — Это въ высшей степени оригинально!.. Представьте себѣ картину: почтовая станція и сальная свѣча... Буранъ воетъ... Анна Ивановна храпитъ... На деревянномъ диванѣ сидитъ современная Джульетта, а возлѣ нея—такой-же Ромео... Кругомъ ямщики, которые каждую минуту могутъ нарушить ихъ сладостное tête-à-tête. . Ха, ха, ха! какая смѣшная картинка!.. — вдругъ расхохоталась Надежда Павловна.

Николай Парфеновичъ съ замѣшательствомъ взглянулъ на „современную Джульетту", разомъ охлажденный этимъ безпричиннымъ смѣхомъ, словно ушатомъ холодной воды, неожиданно вылитымъ на голову.

— Не обижайтесь на меня,—продолжала Боданина болѣе серьезно, но все еще съ лукавою улыбкою на губахъ.—Я ужасно странная. Меня вдругъ разсмѣшило дѣйствительно оригинальное наше положеніе гдѣ-то въ степи, вдали отъ людей... Мы не спимъ, точно влюбленная парочка, а въ сущности стараемся только убить скучное время...

— Вы ошибаетесь, Надежда Павловна, по крайней мѣрѣ въ отношеніи меня, — горячо перебилъ Шаплыгинъ.—Мои чувства слишкомъ искренни, чтобы можно ихъ ставить на такую низкую почву. Вы жестоко ошиблись во мнѣ!..

— Что покажетъ будущее, когда вы возвратитесь въ Иркутскъ? грустно проговорила Надежда Павловна.—

Вы разомъ забудете какую-то бѣдную актрису, доставлявшую вамъ развлеченіе только во время скучной дороги. Мнѣ вѣдь хорошо извѣстно, какъ смотрятъ мужчины на одинокую женщину, заброшенную злою судьбою въ глухое захолустье.

— Остановитесь!.. Ни слова больше!.. воскликнулъ глубоко оскорбленный Николай Парфеновичъ, подымаясь съ дивана.

Надежда Павловна поспѣшила изгладить тяжелое впечатлѣніе своихъ нѣсколько грубыхъ, подозрительныхъ словъ.

— Не сердитесь, Николай Парфеновичъ, я васъ теперь хорошо понимаю. Останемся друзьями... Дружбу эту я подкрѣплю своею откровенностью о прошлой моей жизни, съ которою вы такъ настойчиво желаете ознакомиться... Сядьте! — прибавила она властно и вмѣстѣ съ тѣмъ ласково.

Николай Парфеновичъ покорно занялъ свое мѣсто.

— Вы увидѣли меня въ первый разъ въ роли „Периколлы" на подмосткахъ загороднаго театра, — начала Надежда Павловна свои признанія. —Какъ я попала въ опереточныя пѣвицы — это не интересно, да вы сами не выразили желанія знать это. Однимъ словомъ, былъ голосъ, учились и попала... Васъ собственно, интересуетъ только причина моего неожиданнаго (прибавлю для васъ) исчезновенія съ аркадійской сцены и затѣмъ, гдѣ я скиталась послѣдніе два года. Во-первыхъ, я оставила карьеру опереточной пѣвицы исключительно вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ: умирала родная моя тетка единственная родственница и при томъ старая, престарая. Тетка пожелала видѣть меня немедленно, чтобы передать мнѣ кое-какое наслѣдство; она жила въ Рязани, куда я и поѣхала...

— Простите, Надежда Павловна, — вѣжливо перебилъ Николай Парфеновичъ, — но я нахожу нужнымъ предупредить васъ, что, послѣ вашего отъѣзда, я наводилъ тщательныя справки, по которымъ оказалось, что вы выѣхали за-границу, а не въ Рязань.

Боданина вспыхнула, но тотчасъ-же овладѣла своимъ мимолетнымъ замѣшательствомъ:

— Вы, отчасти, правы, я дѣйствительно выѣхала заграницу, на самое непродолжительное время, но затѣмъ все-таки поспѣшила въ Рязань, куда звала тетка... Я хорошо знаю, что про меня ходили кое-какія сплетни, но я стою выше ихъ. Въ этомъ злословіи нѣтъ ни капли правды... Я начинаю удивляться вамъ, Николай Парфеновичъ, что вы, въ свою очередь, позволяете сомнѣваться въ правдивости моихъ словъ. Я не заслужила подобнаго оскорбительнаго отношенія! — закончила Надежда Павловна свою тираду взволнованнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ.

— Я не хотѣлъ васъ обидѣть, дорогая Надежда Павловна, — испугался Шаплыгинъ. — Простите меня, если моя ничтожная поправка оскорбила васъ. Увѣряю, что я никогда не осмѣлюсь сомнѣваться въ правдивости вашихъ словъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что ходившія о васъ сплетни не имѣли подъ собой никакой почвы: это было лишь дерзкое злословіе, жестокая ложь безчестныхъ людей. Простите меня! — умолялъ Николай Парфеновичъ, цѣлуя Надеждѣ Павловнѣ руки и съ тревогой всматриваясь въ ея нахмуренное лицо.

— Вы меня обидѣли, пользуясь моею беззащитностью! — нервно прошептала Бодаіина, глотая слезы. — Это непростительно!

— Надежда Павловна, я не могу выносить вашего гнѣва, — горячо проговорилъ Шаплыгинъ. — Поймите, наконецъ, что я васъ люблю, люблю беззавѣтно, безгранично... Жизнь моя принадлежитъ вамъ. Вы — моя первая любовь... Два года слишкомъ я таилъ въ своемъ сердцѣ это святое чувство и теперь, у вашихъ ногъ, умоляю осчастливить меня хотя привѣтомъ добраго друга. Я знаю, что я вамъ совершенно чужой, что ваше сердцѣ не бьется въ тактъ съ моимъ, но вѣдь я прошу только дружбы, не смѣя просить о взаимности...

Надежда Павловна слушала страстное признаніе Ша-

плыгина молча, склонивъ на грудь граціозную головку и не отнимая своихъ рукъ, которыя тотъ цѣловалъ чуть-ли не на каждомъ словѣ. Лицо ея постепенно свѣтлѣло; на губахъ начала заигрываться лукавая улыбка.

— Вы молчите,—продолжалъ Николай Парфеновичъ съ тѣмъ-же жаромъ, — вы, какъ будто, не вѣрите въ искренность моихъ чувствъ!?.

— Нѣтъ, вѣрю,—прошептала Надежда Павловна и подняла свои лучистые глаза на Шаплыгина. Тотъ затрепеталъ подъ неотразимымъ обаяніемъ этого обольстительнаго взгляда. Ему показалось, что вдругъ его обдало небеснымъ свѣтомъ, нѣжащимъ, радостнымъ, ласкающимъ... Сердце его замерло въ какъ-то сладостномъ томленіи. Кровь хлынула въ голову; въ вискахъ застучало... Николай Парфеновичъ, не отдавая себѣ отчета, стремительно обнялъ Надежду Павловну и привлекъ ее къ себѣ.

— Николай Парфеновичъ, что съ вами? Успокойтесь! — укоризненно проговорила Боданина, высвобождаясь изъ объятій Шаплыгина. — Вы, кажется, забыли, что мы здѣсь не одни,—добавила она, указывая глазами на спящую компаньонку.

— Надежда Павловна, согласитесь быть моей женой!—вдругъ, почти простоналъ молодой человѣкъ.

— Возможно-ли это!? Подумайте, что вы говорите!.. Такъ скоро!.. Позволитъ-ли вашъ отецъ?..—воскликнула Надежда Павловна.

— Я брошусь ему въ ноги и упрошу его!

— Онъ можетъ не согласиться!

— Тогда я женюсь на васъ безъ его разрѣшенія!— рѣшительно заявилъ Николай Парфеновичъ.

— Это, конечно, возможно, — согласилась Надежда Павловна,—но тогда отецъ лишитъ васъ наслѣдства за неповиновеніе его волѣ.

— Что-жъ такое!? Развѣ въ деньгахъ счастіе! — съ увлеченіемъ проговорилъ Николай Парфеновичъ.—Я съ радостью откажусь отъ этихъ милліоновъ, чтобы только

быть съ вами... Мы не пропадемъ. Я получилъ хорошее образованіе, могу служить.

— Какой вы еще восторженный юноша,—перебила насмѣшливо Надежда Павловна.—Помните, что въ наше время поэзія не должна поглощать прозу жизни. Я не признаю мѣщанскаго счастья со всевозможными лишеніями и тревогами. Я буду вашею женою только при условіи, если отецъ вашъ дастъ на бракъ полное согласіе,—добавила она рѣшительно.

— Отецъ дастъ свое согласіе—я увѣренъ. Вѣдь я у него единственный сынъ; онъ не захочетъ погубить мою молодость! — съ глубокимъ убѣжденіемъ проговорилъ Шаплыгинъ.

— Прекрасно, а теперь ступайте спать! — властно проговорила Надежда Павловна.—Я страшно устала и желаю отдохнуть. Завтра наговоримся вдосталь.

— Не смѣю ослушаться васъ. Покойной ночи,—прошепталъ Николай Парфеновичъ и, накинувъ даху, покорно вышелъ изъ комнаты—просить станціоннаго смотрителя удѣлить уголокъ на своей половинѣ.

Старикъ смотритель, повидимому, очень удивился этой просьбѣ, но, тѣмъ не менѣе, съ большою любезностью уступилъ Шаплыгину свою кровать а самъ перебрался въ ямщицкую.

Николай Парфеновичъ долго не могъ уснуть. Лежа съ открытыми глазами, онъ грезилъ о неожиданномъ счастьѣ... Передъ нимъ мелькалъ образъ Надежды Павловны. Что это? Вотъ она склонила къ нему свою прелестную головку, склонила такъ близко, на ея губахъ запечатлѣлся продолжительный поцѣлуй... Вдругъ она обхватила его руками и взлетѣла съ нимъ куда-то, въ безпросвѣтное пространство. Тучи снѣга несутся вслѣдъ за ними съ какою-то демонскою быстротою. Вьюга воетъ и стонетъ. Но они несутся выше и выше, съ какою-то лихорадочною поспѣшностью. „Смотри!"—вдругъ шепчетъ она съ ужасомъ. Онъ оглянулся и затрепеталъ. За ними несся сѣдой, страшный старикъ, окутанный тучами

снѣжнаго вихря. Ближе и ближе... Напрасно Надежда Павловна сильно взмахиваетъ выросшими вдругъ крыльями, напрасно силится удалиться отъ страшнаго призрака. Боже мой, онъ совсѣмъ близко... Уже ясно можно разглядѣть его свирѣпое, обозленное лицо. „Да это отецъ мой!—съ ужасомъ прошепталъ Николай Парфеновичъ.— Скорѣй, скорѣй, дорогая!" Напрасно! Ураганомъ налетѣлъ грозный старикъ и взмахнулъ мощной рукой. Надежда Павловна вдругъ безсильно сложила свои лучезарныя крылья и стремглавъ полетѣла въ бездонную пропасть, увлекая за собой Николая Парфеновича. „Падай одна, оставь сына!" крикнулъ старикъ и злобно вырвалъ его изъ ея ослабѣвшихъ рукъ. „Коля, гдѣ твои ноги? У тебя нѣтъ ногъ!"—вдругъ застоналъ отецъ, крѣпко держа его за плечи. „Попробуй встать! Вставай же, пора!" Николай Парфеновичъ силится встать, но не можетъ. „Вставай-же, вставай-же!" упорно настаиваетъ отецъ, тряся его за плечи.—„Не могу, не могу!"—застоналъ Николай Парфеновичъ и... проснулся... Передъ кроватью стоялъ станціонный смотритель и почтительно твердилъ:

— Вставайте, сударь, вставайте. Лошади уже запряжены! Совсѣмъ стихло.

Шаплыгинъ съ трудомъ вскочилъ на сильно затекшія ноги и съ недоумѣніемъ оглядѣлся, находясь еще подъ впечатлѣніемъ только что видѣннаго сна.

— Какой скверный сонъ видѣлъ!—проворчалъ онъ, потягиваясь.

— Это вѣрно-съ,—поддакнулъ станціонный смотритель.—Когда я будилъ васъ, такъ вы изволили очень сильно стонать.

— Барыни встали?—перебилъ Шаплыгинъ, разминая затекшія ноги.

— Изволятъ чай пить,—отвѣтилъ смотритель.—Пожалуйте-съ въ горницу, васъ ожидаютъ-съ,—добавилъ онъ подобострастно, вытаскивая изъ задняго кармана вицъ-мундира табакерку и постукивая по ней костлявыми пальцами...

V.

Въ дорогѣ.

Николай Парфеновичъ наскоро вымылся и вышелъ затѣмъ въ комнату „для пріѣзжающихъ". Анна Ивановна разливала чай. Надежда Павловна полулежала на диванѣ, еще нѣжась послѣ сна. Замѣтивъ вошедшаго Шапльгина, она приподнялась и весело проговорила:

— Вотъ и соня нашъ! Какъ вамъ не совѣстно: уже девятый часъ, а васъ насилу, кажется, добудились. Ждемъ съ чаемъ уже съ полчаса.

— Простите, — извинился Николай Парфеновичъ, пожимая руку Надеждѣ Павловнѣ.—Я вчера никакъ не могъ уснуть, подъ впечатлѣніемъ неожиданной встрѣчи съ вами и...

— Садитесь и... пейте чай, —лукаво перебила Надежда Павловна, очищая мѣсто возлѣ себя, на диванѣ.

— Какой я страшный сонъ видѣлъ! — вспомнилъ Николай Парфеновичъ, садясь за столъ.

— А вы вѣрите снамъ?—засмѣялась Надежда Павловна.—Придаете имъ какое-либо значеніе?

— Нисколько! поспѣшилъ отвѣтить Шапльгинъ и покраснѣлъ, такъ какъ только что старался дать ночнымъ видѣніямъ какое-нибудь реальное объясненіе.

— Что касается меня, я проспала какъ убитая, безъ сновъ,—проговорила Боданина. Этотъ жесткій диванъ показался мнѣ сегодня мягче пуховой перины. Вотъ что значитъ усталость!

— Анна Ивановна, обратилась она къ компаньонкѣ, собирайте-ка наши пожитки, пора ѣхать... Вы поѣдете въ кибиткѣ Николая Парфеновича, а я съ нимъ—въ возкѣ: все-таки мнѣ будетъ веселѣе коротать длинный путь до Иркутска. Слышите, Анна Ивановна?

Слышу, слышу, хорошо! - безпрекословно согласилась Кильдеръ, искоса поглядывая на молодыхъ лю-

дей, такъ неожиданно, по ея мнѣнію, сдружившихся. Она и не догадывалась, что они были уже отчасти знакомы два года назадъ.

— Помогите же мнѣ одѣться,—кокетливо попросила Надежда Павловна Шаплыгина, который и поспѣшилъ подать ей легкій полушубокъ.

— Скажите, Надежда Павловна, что означаетъ этотъ маскарадъ?—спросилъ онъ.

— Вотъ мило! — засмѣялась Бодашина, ловко застегивая полушубокъ. — Вы, опытный сибирякъ, задаете мнѣ такой наивный вопросъ... Да развѣ вамъ не извѣстно, какъ удобно въ мужскомъ костюмѣ дѣлать длинныя путешествія? Ну, представьте меня въ юбкахъ и платьѣ. Да вѣдь я-бы измучилась, вылѣзая и влѣзая десятки разъ на дню въ этотъ противный возокъ и изъ возка. Скажите теперь: практично я сдѣлала, одѣвшись въ дорогу мужчиной?—съ вызывающею улыбкою закончила она свое объясненіе.

— Не только практично, но и въ высшей степени мило,—согласился Николай Парфеновичъ. — Это такъ идетъ къ вамъ.

— Вы находите? — со смѣхомъ проговорила Бодашина, накидывая соболью шубу и выходя въ сѣни.

У расчищеннаго отъ снѣга крыльца почтовой станціи уже стоялъ возокъ, запряженный, по приказанію Шаплыгина, четверкой лихихъ лошадей. Станціонный смотритель суетился и видимо старался, чтобы богатый купецъ остался всѣмъ доволенъ. Сѣли. Смотритель еще разъ осмотрѣлъ опытнымъ глазомъ лошадей и наставительно шепнулъ ямщику:

— Ты, Петруша, лошадей-то не жалѣй, гони во всю: господа очень хорошіе... Ну, трогай съ Богомъ!..

— Не извольте безпокоиться, Афанасій Ивановичъ, не ударю лицомъ въ грязь, — отвѣтилъ ямщикъ, плотнѣе усаживаясь на облучкѣ. — Эй, вы, милые, не выдайте! —крикнулъ онъ на лошадей, лихо взмахнувъ вожжами. Лошади рванулись и съ мѣста понеслись въ

карьеръ по рыхлой дорогѣ, взметая копытами тучи сухого снѣга, сверкавшаго на солнцѣ разноцвѣтными огнями. Замелькали мимо возка избы селенія, занесенныя бураномъ до дымовыхъ трубъ, телеграфные столбы и, наконецъ, одинокія березовыя рощи, разбросанныя по степи. Не успѣли молодые люди разговориться, какъ уже подкатили къ слѣдующей станціи. Ямщики засуетились, провѣдавъ отъ прибывшаго товарища, что ѣдутъ господа богатые, щедрые, мигомъ выпрягли изъ возка и кибитки взмыленныхъ лошадей и запрягли свѣжихъ. Черезъ пять минутъ наши путники уже неслись дальше. Ямщики, подбодряемые рублевками „на чай", не жалѣли лошадей и лихо доставляли щедрыхъ господъ отъ станціи къ станціи. Первое время, у Надежды Павловны замирало сердце отъ такой головокружительно-быстрой ѣзды, но вскорѣ, постепенно освоившись, она начала жаждать подобной ѣзды, находя въ ней какое-то неизвѣданное еще блаженство.

Боже мой, какъ дивно хорошо нестись по гладкой скатерти зимней дороги!—шептала она, прижимаясь къ плечу Николая Парфеновича.—Какое испытываешь блаженство! Вамъ нравится эта быстрая ѣзда?

— Мнѣ нравится то, дорогая Надежда Павловна, что я съ вами,—восторженно отвѣтилъ Шаплыгинъ.— Я, кромѣ этого, ничего не сознаю и не помню!

— И вы всегда будете такъ любить меня, ваше чувство ко мнѣ не охладится?—кокетливо спросила Надежда Павловна.

— Клянусь, дорогая, любить васъ до конца моихъ дней!—съ жаромъ воскликнулъ Николай Парфеновичъ.

— Я вѣрю,—проговорила она серьезно, — но вашъ отецъ...

— Ахъ, Боже мой, да забудьте о немъ!.. Я уже вчера сказалъ, что отецъ согласится на нашу свадьбу. Вѣдь онъ-же не извергъ, чтобы встать поперегъ счастья единственнаго сына!

— Дай Господи, чтобы это было такъ,—прошептала

Надежда Павловна. —Хотите послушать моего совѣта?—спросила она послѣ короткой паузы.

— Вашъ совѣтъ для меня—законъ.

— Черезъ двѣ недѣли, какъ вы говорили, мы будемъ въ Иркутскѣ. Что вы думаете дѣлать по пріѣздѣ?

Мы прямо поѣдемъ къ отцу, бросимся въ ноги и станемъ умолять благословить насъ, — горячо проговорилъ Николай Парфеновичъ.

— Какъ это будетъ глупо! — съ неудовольствіемъ воскликнула Надежда Павловна. — Еще разъ повторяю: вы восторженный юноша, между тѣмъ вамъ уже двадцать-шесть лѣтъ. Надо, наконецъ, быть разсудительнымъ мужчиной. Я, дѣвушка двадцати-двухъ лѣтъ, болѣе опытна въ жизни, чѣмъ вы... Обсудите-ка хорошенько вашу наивную мысль! Мы пріѣзжаемъ къ вашему отцу, къ человѣку со стариннымъ складомъ ума (я сужу о немъ по вашимъ словамъ), къ старику, который недоброжелательно относится ко всякимъ новшествамъ. Во-первыхъ, какъ онъ отнесется къ моему маскарадному костюму? Я убѣждена, что онъ, не говоря ни слова, выгонитъ васъ и меня... Затѣмъ, какъ вы объясните ему вашу любовь ко мнѣ? Для него эта любовь будетъ непріятной неожиданностью, я въ этомъ увѣрена. Онъ послалъ васъ въ Ирбитъ по коммерческимъ дѣламъ, а не искать себѣ невѣсту. Разсказать-же ему, что мы съ вами знакомы давно, но случайно только встрѣтились въ дорогѣ, будетъ неудобно. Онъ непремѣнно начнетъ допытываться гдѣ и какъ мы познакомились и, пожалуй, ему придется разсказать, какъ сынъ-студентъ, вмѣсто того, чтобы учиться, увлекся опереточной пѣвицей. Старикъ не станетъ вникать, каковы нравственныя качества этой пѣвицы. Я не ошибусь, если скажу, что, въ его глазахъ, каждая опереточная пѣвица—погибшее существо.

Николай Парфеновичъ молча слушалъ Надежду Павловну, невольно находя въ ея словахъ правду.

— И вы хотите, при такихъ условіяхъ, везти меня прямо къ отцу! — продолжала она. — Вы сами невольно

погубите въ зачаткѣ наше счастье, погубите навсегда.

— Что-же дѣлать! — съ тоской спросилъ Николай Парфеновичъ.

— Вы обѣщали слѣдовать моему совѣту, — отвѣтила рѣшительно Надежда Павловна, — такъ слушайте: по пріѣздѣ въ Иркутскъ, вы оставите меня въ гостиницѣ, а сами поѣдете къ отцу докладывать о своей поѣздкѣ въ Ирбитъ... Ни слова обо мнѣ!.. Я, между тѣмъ, при вашей помощи, найму квартирку, устроюсь, займусь театральнымъ дѣломъ. Затѣмъ, надо постепенно освоить старика съ мыслью о вашей женитьбѣ. Это уже ваше личное дѣло, въ которое я не стану вмѣшиваться, чтобы не скомпрометировать себя среди Иркутскаго общества, которое можетъ подумать, что я пріѣхала въ Иркутскъ съ спеціальною цѣлью поймать богатаго жениха...

— Вашъ совѣтъ практиченъ, — замѣтилъ Николай Парфеновичъ, — но чтобы исполнить его, я долженъ обманывать отца: это для меня чрезвычайно тяжело...

— Въ такихъ обстоятельствахъ малый обманъ необходимъ, разъ устраивается человѣческое счастіе, — перебила Надежда Павловна, ласково засматривая въ глаза Шаплыгину.

Николай Парфеновичъ затрепеталъ, очарованный этимъ взглядомъ. Онъ порывисто склонился къ рукѣ Надежды Павловны и покрылъ ее поцѣлуями.

— Все, все исполню, какъ вы желаете; — лихорадочно шепталъ онъ. — Моя царица, моя радость!.. О, какъ я благословляю буранъ, который принесъ въ своемъ вихрѣ мое счастье!.. Огнынѣ, вы — мой буранъ, мой властный буранъ!.. Несите меня куда хотите...

VI.

Дома.

Двѣ недѣли прошли для Николая Парфеновича, какъ одно мгновенье. Въ эти дни онъ до такой степени сблизился съ Надеждй Павловной, что ему казалось, будто

любитъ ее и любимъ ею уже многіе годы. Она постепенно довела его до того рокового рубежа беззавѣтной любви, когда влюбленному кажется, что весь міръ сосредоточенъ въ любимой женщинѣ, что внѣ ея нѣтъ жизни, нѣтъ ничего.

Наши путники въѣхали въ Иркутскъ уже съ сумерками, съ цѣлью избѣжать назойливаго любопытства разныхъ кумушекъ, всегда старающихся добыть необходимыя свѣдѣнія о пріѣзжающихъ, чтобы во время разнести о нихъ по городу добрую, либо худую молву.

Помѣстивъ Надежду Павловну съ компаньонкой въ лучшей гостинницѣ, Николай Парфеновичъ тотчасъ же пересѣлъ въ свою кибитку и поспѣшилъ домой. Не прошло и получаса, какъ кибитка въѣхала во дворъ каменнаго, двухъэтажнаго, стариннаго дома-особняка и остановилась передъ вычурнымъ подъѣздомъ, по обѣимъ сторонамъ котораго лежали какія-то изваянія, не то львы, не то собаки, и держали въ пасти по золоченому шару. Едва тройка остановилась, изъ подъѣзда выскочилъ мужикъ въ длиннополомъ кафтанѣ; быстро отстегнулъ онъ полость и предупредительно началъ высаживать Шаплыгина изъ кибитки.

— Батюшка, Николай Парфеновичъ, здравствуйте!.. Какъ доѣхали? Благополучно-ли? — радостно говорилъ мужикъ, отворяя двери.

— Здравствуй Софронычъ, здравствуй,—ласково поздоровался Шаплыгинъ.—Какъ здоровье отца?

— Здоровъ нашъ батюшка, Парфенъ Петровичъ, здоровъ, Слава Богу... Изволятъ ожидать васъ въ кабинетѣ: они уже провѣдали, что вы пріѣхали—изъ окошечка увидѣли,—доложилъ Софронычъ.

Николай Парфеновичъ вошелъ въ просторныя сѣни, сбросилъ даху и съ замираніемъ сердца переступилъ порогъ обширнаго кабинета отца, уставленнаго старинною дубовою мебелью. Едва онъ вошелъ, изъ-за стола заваленнаго разными счетами, поднялся высокій, плотный, лысый старикъ, съ окладистой сѣдой бородой. Изъ

подъ густыхъ, нависшихъ бровей глядѣли проницательные, глубоко ввалившіеся глаза. Одѣтъ былъ старикъ въ длиннополый кафтанъ, какой обыкновенно носятъ купцы стараго склада.

— Здравствуйте, батюшка! поздоровался Николай Парфеновичъ, быстро подходя къ отцу.

— Здравствуй, Колюша, здравствуй! Какъ Богъ тебя хранилъ?—ласково проговорилъ старикъ, обнимая сына.— Усталъ, небось, съ дороги-то?.. Ну, отдохни, присядь, а я прикажу сейчасъ ужинъ тебѣ подать... Эй, Софронычъ, живо самоваръ и ужинъ!—громко приказалъ Парфенъ Петровичъ.

— Слава Богу, что благополучно пріѣхалъ, —продолжалъ старикъ взволнованнымъ голосомъ.—Разскажи, какъ и что?.. Впрочемъ, ступай прежде въ свою комнату, вымойся, сбрось дорожное платье и приходи въ столовую — тамъ побесѣдуемъ.. Вѣдь, давненько ты уѣхалъ!..

— Да, батюшка, давно: уже четвертый мѣсяцъ пошелъ,—почтительно отвѣтилъ Николай Парфеновичъ.

— Ну, ступай переодѣваться и приходи въ столовую,—промолвилъ старикъ, ласково выпроваживая сына изъ кабинета...

Черезъ полчаса, отецъ съ сыномъ уже сидѣли въ столовой, около большого обѣденнаго стола, уставленнаго всевозможными закусками, а также домашними настойками и наливками. На отдѣльномъ мраморномъ столикѣ стоялъ громадный, ярко вычищенный томпаковый самоваръ, возлѣ котораго возилась пожилая, но хорошо еще сохранившаяся, красивая женщина — ключница Парфена Петровича, Акулина Семеновна, служившая въ домѣ еще при покойной женѣ и безотчетно ведшая все обширное хозяйство.

Въ городѣ ходили про эту ключницу - красавицу слухи, что она уже давно забрала старика въ руки и ворочаетъ имъ по усмотрѣнію. При этомъ даже прибавляли, что, будто бы, она была причиной неожиданной

смерти жены Парфена Петровича. Къ Акулинѣ Семеновнѣ молодой Шаплыгинъ всегда чувствовалъ какое-то инстинктивное нерасположеніе, несмотря даже на то, что ключница относилась къ нему постоянно въ высшей степени любезно и внимательно, стараясь предупредить каждое его желаніе.

— Ну, Колюша, разсказывай, какъ дѣла справилъ?— обратился старикъ къ сыну, какъ только тотъ удовлетворилъ свой первый аппетитъ. Николай Парфеновичъ смутился отъ этого прямого, хотя и давно ожидаемаго вопроса и съ замѣшательствомъ отвѣчалъ:

— Плохо, батюшка...

— Отчего-же плохо, когда до сей поры дѣла шли у меня, благодаря Бога, хорошо?.. Можетъ вновѣ наше коммерческое дѣло показалось, такъ запутался, либо промахнулся малость?—началъ свой допросъ старикъ.

— Да, батюшка, промахнулся, — сознался Николай Парфеновичъ, покраснѣвъ.—Продешевилъ очень бѣлку, да и на соболяхъ прогадалъ... Другіе мѣхопромышленники очень остались недовольны, что я сбилъ цѣну...

— Отчего-же не спѣлся съ ними раньше?

— Неловко, батюшка... Они стакнулись между собой на высокой цѣнѣ, да мнѣ совѣстно было присоединиться къ нимъ... Не хорошо это, не честно, — съ замѣшательствомъ оправдывался Николай Парфеновичъ.

— Въ торговомъ дѣлѣ все для нашего брата-купца честно и хорошо,—сурово перебилъ старикъ.—Начнешь честно торговать, такъ живо въ трубу вылетишь; каждый тебя-же надуетъ, да обойдетъ... Пора-бы, братецъ бросить тебѣ разныя тамъ свои питерскія фанаберіи, прогоришь съ ними, по міру пойдешь!

— Не могу батюшка...

— Пустяки говоришь,—разсердился старикъ. — Зададилъ одно—не могу. — да и сталъ пнемъ... Вѣдь на то и голова тебѣ въ плечи ввинчена, чтобы ко всякому дѣлу могъ принаровиться, а тѣмъ болѣе къ отцовскому... Кажись, я не хуже тебя, а вотъ уже тридцать годовъ

безъ малаго коммерсанствую и отъ всѣхъ одинъ почетъ вижу: самъ губернаторъ уваженіе имѣетъ и не говоритъ, что дѣла свои нечестно веду, а родной сынъ осмѣлился отца судить: не честно то, да не хорошо это!..

— Простите, батюшка, я совсѣмъ не думалъ обидѣть васъ: случайно съ языка сорвалось, — началъ оправдываться Николай Парфеновичъ, сильно испугавшись отцовскаго гнѣва. — „Прогоритъ моя женитьба на Надѣ, если стану сердить отца“, — подумалъ онъ и тотчасъже прибавилъ вслухъ:

— Я постараюсь, батюшка, привыкнуть къ дѣлу...

— Привыкай, Колюша, привыкай, — разомъ смягчился старикъ... Ошибка въ фальшъ не ставится, въ другой и поумнѣе дѣло справишь... А какова дорога стоитъ, хорошо-ли караванамъ итти будетъ? — перемѣнилъ онъ разговоръ.

— Дорога отличная, словно скатерть.

— А снѣгу много? — спросилъ старикъ и, не ожидая отвѣта, приказалъ ключницѣ: — Акулина Семеновна, налейка намъ чайку, мы уже подзакусили маленько... Такъ снѣгу много? — повторилъ свой вопросъ Парфенъ Петровичъ.

— Недавно навалило въ Барабѣ на полсажени... Сильный буранъ былъ, — отвѣтилъ Николай Парфеновичъ и запнулся. Въ головѣ его вдругъ мелькнулъ обворожительный образъ Надежды Павловны, которую онъ отождествлялъ, въ пылу страсти, съ грознымъ степнымъ ураганомъ.

— Самъ-то не попалъ въ буранъ? — полюбопытствовалъ Парфенъ Петровичъ, отхлебывая чай изъ громаднаго стакана, вставленнаго въ массивный серебряный подстаканникъ.

— Попалъ, батюшка, но благополучно выбрался, — отвѣтилъ молодой человѣкъ и сильно покраснѣлъ, вспомнивъ это дивное, блаженное благополучіе.

— Безъ попутчиковъ ѣхалъ? — продолжалъ интересоваться старикъ путешествіемъ сына.

Этотъ неожиданный вопросъ, сдѣланный безъ всякой задней мысли, до такой степени ошеломилъ Николая Парфеновича, что онъ испуганно вскинулъ глаза на отца и замеръ безъ отвѣта: ему вдругъ показалось, что старику все уже извѣстно и вопросъ заданъ не спроста.

— Одинъ ѣхалъ,—съ трудомъ обманулъ наконецъ молодой человѣкъ послѣ продолжительной паузы и тотчасъ же спряталъ глаза въ стаканъ съ чаемъ, точно испугавшись, что отецъ сейчасъ же прочтетъ въ нихъ первую ложь, на которую Николай Парфеновичъ рѣшился, вспомнивъ властныя слова Надежды Павловны: „Ни слова обо мнѣ... Незначительный обманъ необходимъ, разъ онъ устраиваетъ человѣческое счастье".

„Боже мой, — мелькнуло у него въ головѣ, — всѣ учатъ только обманывать: Надя ради нашего счастья, отецъ—ради успѣха своего коммерческаго предпріятія, которое тоже составляетъ, по крайней мѣрѣ для него, крупную часть человѣческаго счастья. Оба правы съ своей точки зрѣнія".

— Слѣдовало бы попутчика взять, все-таки дорога дешевле стоила бы, — перебилъ разсчетливый старикъ размышленія сына.

— И радъ бы, батюшка да не было подходящаго попутчика,—подумалъ онъ въ тоже время,—отецъ потребуетъ отчета въ выданныхъ деньгахъ, а я съ Ломовой станціи началъ платить, вмѣсто тройки, за семь лошадей, да въ гостинницѣ уплатилъ за недѣлю впередъ. Все это непредвидѣнные расходы. Придется, значитъ, опять обмануть отца. Обманы безъ конца. Какъ это тяжело!

„Ты обманываешь ради своей возлюбленной Нади, ради достиженія своего счастья", — шепнулъ ему тайный голосъ, который мгновенно разсѣялъ всѣ, только что созрѣвшія въ Николаѣ Парфеновичѣ сомнѣнія.

— Ты, кажется, очень усталъ,—замѣтилъ старикъ, обративъ вниманіе на необычайно возбужденное состоя-

ніе сына и пристально всматриваясь въ его встревоженное лицо, которое то блѣднѣло, то покрывалось вдругъ яркой краской.— Ступай-ка, отдохни: утро вечера мудренѣе. Завтра уже покончимъ наши дѣла... Господи, спаси и помилуй тебя! — перекрестилъ сына Парфенъ Петровичъ по привычкѣ, которой онъ придерживался съ перваго дня рожденія Николая Парфеновича. Послѣдній молча поцѣловалъ руку отца, вышелъ изъ столовой и направился въ свою комнату, находившуюся во второмъ этажѣ, рядомъ съ парадными аппартаментами.

„Слава Богу, что отецъ ничего не замѣтилъ, — думалъ молодой человѣкъ, подымаясь по лѣстницѣ.—А вѣдь едва не выдалъ себя съ головой. Какое непростительное малодушіе! Вѣдь все наше счастье могло разлетѣться въ прахъ отъ какого-нибудь опрометчиваго слова. Да, съ отцомъ шутки плохи: старикъ онъ донельзя суровый. Скажи ему сейчасъ правду, онъ подыметъ такую кутерьму, что не радъ будешь дню своего рожденія. Онъ самъ вынуждаетъ на обманъ“,—пришелъ къ окончательному заключенію молодой Шаплыгинъ, входя въ свою комнату.

— Постельку вашу приготовилъ, пожалуйте, встрѣтилъ его Софронычъ съ низкими поклонами. Софронычъ исполнялъ при домѣ одновременно разныя обязанности: дворника, швейцара, лакея и даже кучера, когда старикъ Шаплыгинъ вздумывалъ выѣзжать куда-нибудь.

— Спасибо, Софронычъ, поблагодарилъ Николай Парфеновичъ, внимательно оглядывая комнату, пустовавшую болѣе трехъ мѣсяцевъ. Все оказалось въ безупречномъ порядкѣ; каждая вещь осталась на своемъ мѣстѣ. Передъ окнами, въ простѣнкѣ, стоялъ по прежнему письменный столъ, уставленный всевозможными бездѣлушками; кожанное универсальное кресло глядѣло въ пылающій каминъ на этомъ креслѣ любилъ мечтать Николай Парфеновичъ, любуясь переливами каминнаго пламени; рядъ дубовыхъ стульевъ, обитыхъ шагреномъ,

тянулся вдоль длинной стѣны, увѣшанной картинами лучшихъ русскихъ художниковъ; кушетка и нѣсколько изящныхъ столиковъ симметрично стояли между стульями и около камина. За штофной драпри виднѣлись: кровать, мраморный умывальникъ и туалетъ. Надъ кроватью, на стѣнѣ, красовалось разнообразное оружіе: магазинныя винтовки, охотничьи ружья всевозможныхъ системъ, револьверы, ножи, турецкіе ятаганы и казацкія шашки. Мягкій, персидскій коверъ покрывалъ весь полъ обширной комнаты, сверкая, подъ яркимъ свѣтомъ лампъ, разнообразными узорами своей пушистой ткани.

Ступай, Софронычъ, я раздѣнусь самъ, — отпустилъ слугу Николай Парфеновичъ, усаживаясь въ любимое кресло и мечтательно поглядывая на веселыя змѣйки каминнаго пламени.

Софронычъ безпрекословно вышелъ, осторожно ступая смазными сапожищами по богатому ковру. Оставшись одинъ, Николай Парфеновичъ началъ мечтать и вспоминать мельчайшія подробности волшебныхъ дней, проведенныхъ неразлучно съ Надею. Онъ переживалъ вновь каждую счастливую минуту, припоминалъ каждое привѣтливое слово, сказанное обожаемою дѣвушкою. Милый образъ ея виталъ въ его воображеніи, ежеминутно принимая все болѣе ясныя, обольстительныя очертанія.

VII.

Рѣшительныя объясненія.

Прошло около мѣсяца. Надежда Павловна уже устроилась въ довольно большой, красивой квартирѣ богато отдѣланной Николаемъ Парфеновичемъ, настойчиво принимавшимъ на себя всѣ расходы, касающіеся обожаемой дѣвушки. Тысячи рублей летѣли за тысячами безъ сожалѣнія. Кромѣ квартиры, понадобилось завести лошадей, выписать изъ Парижа разнообразнѣй-

ніе костюмы, пріобрѣсти брилліанты и драгоцѣнныя бездѣлушки, сервизы, картины, бронзу и т. д. и т. д. При всѣхъ этихъ громадныхъ расходахъ, всегда какъ-то случалось такъ, что Надежда Павловна, высказавъ какъ бы случайно, вскользь, извѣстную прихоть, старалась отклонить ту или другую покупку, постоянно и шаблонно утверждая, что все это лишнее, что она положительно не желаетъ принимать что-либо отъ Николая Парфеновича раньше, чѣмъ будетъ его женою. Это неожиданное упорство еще болѣе распаляло въ молодомъ человѣкѣ желаніе угодить ей во что бы то ни стало, противъ ея воли. Въ результатѣ, подарки принимались только какъ бы вслѣдствіе нѣжной настойчивости влюбленнаго, въ угоду ему. Онъ же, осчастливленный поцѣлуемъ или ласковымъ словомъ, вновь старался ловить какую-нибудь капризную прихоть Надежды Павловны, чтобы немедленно удовлетворить ее какою бы то ни было цѣною. Въ этомъ безконечномъ угожденіи онъ находилъ свое счастье, наслаждаясь радостнымъ оживленіемъ дорогой дѣвушки, съ которымъ та разглядывала ту или другую драгоцѣнную бездѣлушку. Расходами Николай Парфеновичъ не стѣснялся. Какъ единственный наслѣдникъ милліонера, онъ всюду пользовался неограниченнымъ кредитомъ. Такимъ образомъ блестяще обставленная, Надежда Павловна выступила на сценѣ городского театра, какъ звѣзда первой величины; хорошенькая, всегда со вкусомъ и нарядно одѣтая, она производила фуроръ, несмотря на свой микроскопическій талантъ. Немедленно явились сотни поклонниковъ, старавшихся познакомиться съ театральной „звѣздою". Къ общему ихъ сожалѣнію и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленію, она отклонялась отъ всякихъ знакомствъ, проводя свободное отъ искусства время дома, съ Николаемъ Парфеновичемъ. Послѣдній, несмотря на страстное желаніе быть съ ней неразлучно, долженъ былъ ограничивать свои посѣщенія, чтобы не возбудить опасныхъ подозрѣній отца. Онъ бывалъ у Надежды Павловны

тайкомъ, стараясь скрыть тайну своей безумной любви отъ цѣлаго города. Первое время никто не замѣчалъ этихъ таинственныхъ посѣщеній, но, постепенно, въ городѣ начали поговаривать, что странное затворничество артистки Боданиной имѣетъ какую-то романическую подкладку. Разъ появился такой слухъ, — тотчасъ же нашлись охотники разгадать тайну. Начались выслѣживанія, подсматриванія черезъ щели плотно затворенныхъ ставень, выспрашиванія у прислуги... Долгое время бились любители чужихъ тайнъ и наконецъ ихъ рвеніе увѣнчалось полнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неожиданнымъ успѣхомъ: они узнали правду. Новость эта поразила положительно всѣхъ. Николай Парфеновичь считался, въ глазахъ городской „интелигенціи", красной дѣвушкой, и вдругъ этотъ скромный, цѣломудренный молодой человѣкъ рѣшился связать свою судьбу съ какою-то актрисою... Стоглавая сплетня подняла голову. — Это ужасно! — съ притворнымъ негодованіемъ восклицали особы солидныхъ лѣтъ.

— Подобное поведеніе оскорбляетъ общественную нравственность! — съ пафосомъ вторили имъ молодыя дамы, изъ которыхъ многія были далеко не безупречны.

— Экій счастливецъ этотъ Шаплыгинъ! — перешептывались въ то же время мужчины всѣхъ возрастовъ, глубоко сожалѣя, что Боданина, эта „восхитительная сирена", не ихъ именно осчастливила своимъ вниманіемъ. Во всякомъ случаѣ, любовь Шаплыгина стала притчей во языцѣхъ. Между тѣмъ, онъ все откладывалъ и откладывалъ рѣшительныя объясненія съ отцомъ, пугаясь одной мысли объявить свою сердечную тайну суровому старику. Надежда Павловна не настаивала съ своей стороны на этихъ объясненіяхъ, предчувствуя, что они не дадутъ пока благопріятныхъ результатовъ. Она терпѣливо ждала какихъ-либо счастливыхъ случайностей, которыя наконецъ позволили бы ей стать женой милліонера. Она особенно разсчитывала на очень преклонные года Парфена Петровича, котораго справедливо

считала грозной помѣхой для достиженія своей цѣли.

Откладывая объясненія съ отцомъ на неопредѣленное время, Николай Парфеновичъ не подозрѣвалъ, что онъ находится наканунѣ этихъ рѣшительныхъ объясненій, что они наступятъ совершенно для него неожиданно и разразятся надъ его головою страшнымъ, неотразимымъ громовымъ ударомъ.

Разъ, за обѣдомъ, послѣ продолжительнаго, тягостнаго молчанія, старикъ Шаплыгинъ озадачилъ сына суровой фразой:

— Дошло до меня, что ты пошаливать началъ: съ актеркой шашни завелъ!.. Я этого не потерплю!.. Тебѣ, я вижу, пора жениться—у меня кстати и невѣста уже есть на примѣтѣ!..

— Кто такая!? — невольно вырвался болѣзненный, нервный крикъ изъ груди Николая Парфеновича, совершенно похолодѣвшаго отъ словъ отца.

— Анна Ильинишна, дочь Ильи Афанасьевича Гордяева. Невѣста первостатейная; полъ-милліона чистоганомъ, золотой пріискъ, заводъ и два каменныхъ дома.

— Я не люблю Анны Ильинишны,—упавшимъ голосомъ проговорилъ Николай Парфеновичъ, сильно поблѣднѣвъ.

— Поживешь съ нею—полюбишь... Это дѣло коммерческое... Довольно ты баловалъ —надо теперь о дѣлахъ фирмы подумать, — продолжалъ старикъ въ томъ же суровомъ, рѣшительномъ тонѣ.

— Я ни за что не женюсь на Аннѣ Ильинишнѣ... Я люблю... другую!—замирающимъ голосомъ прошепталъ Николай Парфеновичъ, чувствуя, какъ комната вдругъ заходила подъ его ногами.

— Не актерку ли!? — съ раздражительнымъ пренебреженіемъ спросилъ старикъ, нахмуривъ сѣдыя брови и пытливо всматриваясь въ осунувшееся разомъ лицо сына.

— Я ни за что не женюсь на Аннѣ Ильинишнѣ!— полубезсознательно повторилъ Николай Парфеновичъ.

— Молчать!—властно крикнулъ Парфенъ Петровичъ, ударивъ кулакомъ по столу съ такою силою, что нѣсколько тарелокъ подпрыгнуло и со звономъ упало на полъ. Я твоего согласія не спрашиваю... Долженъ отцовскую волю исполнять безпрекословно!..

— Не могу, батюшка, не могу,—простоналъ молодой человѣкъ.

— Я хорошо понимаю, почему не можешь,—взбѣшеннымъ голосомъ прохрипѣлъ старикъ.—Ты любишь эту актерку, ты думаешь жениться на этой...

— Батюшка, остановитесь!.. Не смѣйте оскорблять ее!..—отчаянно крикнулъ Николай Парфеновичъ, вскочивъ со стула и стремительно бросаясь къ отцу. Тотъ даже отшатнулся отъ сына: такъ онъ былъ ужасенъ въ эту минуту. Первый разъ въ жизни, суровый старикъ, привыкшій деспотически властвовать въ семьѣ, почувствовалъ страхъ и къ кому? къ сыну... Онъ не ожидалъ со стороны послѣдняго такого, почти бѣшенаго отпора, не ожидалъ, что сынъ, всегда отличавшійся безусловною покорностью и даже безхарактерностью, можетъ такъ энергично стать въ защиту какой-то актерки. Старикъ испугался, что сынъ, доведенный до самозабвенія, подыметъ на него руку. Эта страшная мысль поразила его до такой степени, что онъ, всегда властный и упорный, вдругъ смолкъ и сумрачно насупилъ сѣдыя брови.

„Во всемъ виновата эта негодная женщина", злобно думалъ Парфенъ Петровичъ, стараясь не глядѣть на сына... „Надо отдѣлаться отъ нея, отдѣлаться во чтобы то ни стало"!..

Между тѣмъ, Николай Парфеновичъ продолжалъ стоять передъ отцемъ, безмолвный, будто изваянный, словно ожидая съ его стороны новыхъ жестокихъ нападокъ на обожаемую дѣвушку и въ то же время преисполненный безумнаго рѣшенія защищать ее хотя бы цѣною своей жизни. Но отецъ хранилъ мрачное молчаніе, низко опустивъ лысую голову. Молодой человѣкъ

простоялъ еще нѣсколько секундъ въ какомъ то необъяснимо томительномъ, мучительномъ ожиданіи чего-то страшнаго, и вдругъ быстро повернулся, точно его толкнула невидимая сила, и шатаясь, какъ пьяный, стремительно вышелъ изъ столовой... Старикъ ясно разслышалъ за дверью судорожныя рыданія сына, но не шелохнулся, продолжая, сурово насупившись, разсматривать узоры стоявшей передъ нимъ тарелки.

— Надо отдѣлаться отъ нея, отдѣлаться во что бы то ни стало!—шептали его побѣлѣвшія губы.—Она погубитъ сына, если во время не вырвать его изъ ея хищническихъ лапъ... Надо ему доказать, что́ эта женщина недостойна его!..

Николай Парфеновичъ съ трудомъ добрался до своей комнаты и безпомощно упалъ въ кресло, продолжая нервно рыдать, рыдать безсознательно, не отдавая яснаго отчета въ своихъ неудержимыхъ слезахъ.

— Матушка, дорогая матушка! вдругъ со стономъ вспомнилъ онъ свою мать, любящую нѣжную и ангельски кроткую. Съ болью въ сердцѣ онъ началъ вспоминать каждое ея баловство, каждую ласку. Ему теперь казалось, что будь мать жива, она навѣрное съумѣла бы отстоять его счастье, охранить сына отъ грубаго, жестокаго деспотизма отца, видѣвшаго человѣческое счастье только въ капиталахъ. Отчетливо вспомнились молодому человѣку послѣднія слова матери, когда та отпускала его, отчаянно рыдающаго, въ иркутскую гимназію... Мать горько плакала и, обнимая сына, судорожно шептала, терзаясь, повидимому, его рыданіями. Не плачь, Коля, успокойся милый,—шептали ея побѣлѣвшія губы.—Не разстраивай своими слезами моего наболѣвшаго, истерзаннаго сердца... Береги свои слезы—онѣ пригодятся тебѣ впереди. Жизнь наша слишкомъ печальна, чтобы прожить безъ слезъ и страданій... Вслушайся хорошенько, и ты услышишь, какъ земля стонетъ отъ всеобщаго плача... Нѣтъ въ мірѣ пылинки, несмоченной слезою!..

Слезы значительно облегчили сердечную муку Николая Парфеновича, и онъ началъ обдумывать свое положеніе болѣе спокойно.

— Надо немедленно предупредить обо всемъ Надю,—рѣшилъ онъ послѣ долгаго раздумья.

Не откладывая этого рѣшенія, Шаплыгинъ быстро одѣлся, скрытно вышелъ изъ дому и сѣлъ на перваго попавшагося извощика. Черезъ четверть часа онъ уже звонилъ у знакомаго подъѣзда. Отворившая дверь горничная молча пропустила его мимо себя, хорошо уже освоившись съ его постоянными посѣщеніями. Николай Парфеновичъ сбросилъ шубу и направился къ уютному будуару, въ которомъ онъ провелъ столько счастливыхъ часовъ. Надежда Павловна полулежала на софѣ и лѣниво просматривала новую роль. Услышавъ знакомые шаги, она кокетливо поправила нѣсколько капризныхъ прядей своихъ великолѣпныхъ волосъ и съ улыбкою, продолжая граціозно лежать на софѣ, поздоровалась:

— Здравствуй, Коля... — Она хотѣла еще сказать какое-то привѣтствіе, но, пораженная осунувшимся, поблѣднѣвшимъ лицомъ Николая Парфеновича, запнулась и быстро приподнялась съ софы.

— Что съ тобой, дорогой!?—испуганно вскрикнула она, торопливо приближаясь къ нему.

— Только что имѣлъ рѣшительное объясненіе съ отцомъ,—глухо проговорилъ Николай Парфеновичъ.

— Ну, и что же?—невольно какъ-то робѣя спросила Надежда Павловна.

— Отецъ откуда-то узналъ о нашихъ отношеніяхъ и рѣшительно потребовалъ, чтобы я порвалъ ихъ и женился на избранной имъ богатой невѣстѣ. Но я... отказался исполнить его волю, добавилъ Николай Парфеновичъ, опускаясь на софу и усаживая Надежду Павловну рядомъ.—Что теперь дѣлать—не знаю!?—съ отчаяніемъ прошепталъ онъ послѣ непродолжительнаго, тягостнаго молчанія.

— Не падать духомъ!—энергично ободрила Надя.—

Затѣмъ настаивать, и, въ результатѣ, отецъ твой долженъ будетъ покориться передъ неотразимо сложившимися обстоятельствами.

— Едва ли!.. Я вижу единственный исходъ—обвѣнчаемся тайно...

— Ты, кажется, съума, Коля, сошелъ,—разсердилась вдругъ Надежда Павловна, — развѣ возможно допустить подобную глупость? Ну, обвѣнчаемся, а потомъ что?

— Потомъ пріѣдемъ къ отцу и вымолимъ прощеніе...

— Боже мой какое рѣдкое непониманіе жизни! — воскликнула Надя съ сарказмомъ.—Если ужь и невѣста готова... твой отецъ никогда не проститъ меня... Я убѣждена, что онъ съ позоромъ выгонитъ насъ и лишитъ наслѣдства, а я этого вовсе не желаю...

— Что же тогда дѣлать?—съ отчаяніемъ повторилъ Николай Парфеновичъ. —Я сойду съума отъ этого безвыходно-мучительнаго положенія. Научи же, дорогая что дѣлать?

— Не падать духомъ, а затѣмъ настаивать и терпѣливо ждать,—снова повторила свое рѣшеніе Надежда Павловна.—Время терпитъ. Мы еще молоды... —продолжала она наставительно.

— А молва, молва! —съ горечью перебилъ Николай Парфеновичъ.—Вѣдь разъ отецъ знаетъ о нашей любви— знаетъ весь городъ. Вѣроятно, уже ходятъ по городу всевозможныя сплетни и пересуды, оскорбительные для насъ. Мнѣ тяжело за тебя, дорогая. Мнѣ невыносимо грустно тяготиться вѣчнымъ упрекомъ, что твоя честь страдаетъ по моей винѣ.

— Обо мнѣ не безпокойся—я съумѣю постоять за себя!—рѣшительно проговорила Надежда Павловна.— Что касается разныхъ сплетень, то я не боюсь ихъ и презираю поголовно всѣхъ городскихъ кумушекъ. Разъ совѣсть моя чиста, я стою выше этихъ сплетень, распускаемыхъ негодяями.

Долго еще бесѣдовали молодые люди. Твердый,

энергичный тонъ Надежды Павловны значительно ободрилъ Николая Парфеновича и онъ возвратился домой нѣсколько успокоенный, совершенно не подозрѣвая, что надъ его головой уже скопились грозныя тучи.

VIII.

День неожиданностей.

Парфенъ Петровичъ всталъ утромъ, послѣ бурнаго объясненія съ сыномъ, значительно раньше обыкновеннаго. Умывшись и горячо помолившись Богу онъ приказалъ заложить гнѣдого, лихого жеребца и куда-то уѣхалъ съ Софронычемъ. Старикъ возвратился домой только въ одиннадцатомъ часу утра и прямо прошелъ въ комнату сына. Тотъ еще лежалъ въ кровати, съ тоской вспоминая о тревогахъ прошлаго дня.

— Добраго утра, Колюша, -ласково поздоровался Парфенъ Петровичъ.

— Здравствуйте, батюшка! Простите, что застали въ кровати,—съ трепетомъ извинился Николай Парфеновичъ, поспѣшно вставая и одѣваясь. Онъ положительно недоумѣвалъ, чему приписать такую неожиданную перемѣну, происшедшую въ отцѣ за ночь... Вѣдь еще наканунѣ старикъ поразилъ его суровымъ деспотизмомъ и вдругъ... все какъ будто-бы забыто, какъ будто и не было бурныхъ объясненій.

„Неужели отецъ серьезно обдумалъ все, смиловался и созналъ свою ошибку!"—мелькнула у Николая Парфеновича радостная мысль.

— Я пришелъ побесѣдовать съ тобой, Колюша,— началъ старикъ, какъ-бы подтверждая необычайную и радостную мысль сына,—у насъ вышли кой-какія недоразумѣнія... Я виноватъ... Сознаюсь, что погорячился... Впрочемъ, дѣло еще поправимое... Не сердись на старика...

— Помилуйте, батюшка, смѣю-ли я сердиться на васъ! -въ радостномъ волненіи воскликнулъ Николай

Парфеновичъ, стремительно подходя къ отцу и крѣпко обнимая его. — Я самъ, батюшка, глубоко виноватъ передъ вами!

— Знаю, что сердце у тебя доброе, — промолвилъ Николай Парфеновичъ, усаживаясь въ кресло. —Погорячились мы оба немного...

— Простите, батюшка! — прошепталъ Николай Парфеновичъ, сильно покраснѣвъ: онъ вдругъ вспомнилъ свой бѣшенный порывъ и ему стало стыдно, что не сумѣлъ сдержать себя.

— Богъ проститъ, — добродушно проговорилъ старикъ.—Богъ проститъ,—повторилъ онъ, глубоко вздохнувъ.

— Я пришелъ къ тебѣ, Колюша, о дѣлѣ поговорить, — продолжалъ старикъ, пряча глаза въ бороду.—Видишь-ли, мнѣ крайне необходимо отправить Вавилѣ Яковлевичу Растеряеву сто тысячъ рублей: деньги эти ему нужны сегодня-же. Сто тысячъ — большой капиталъ: боязно съ чужимъ человѣкомъ послать... Не сможешь-ли ты свезти ихъ?.. До Лиственичной на хорошихъ лошадяхъ въ три часа докатишь, да назадъ столько-же... Къ вечеру и обратно будешь...

— Съ большимъ удовольствіемъ, батюшка, исполню ваше приказаніе! предупредительно проговорилъ Николай Парфеновичъ, обрадовавшись возможности услужить отцу.

— Ну, вотъ и отлично, — промолвилъ старикъ довольнымъ голосомъ.—А теперь, пойдемъ чайку испить.

Отецъ и сынъ, дружески бесѣдуя, спустились въ столовую. Напившись чаю, старикъ пригласилъ Николая Парфеновича въ кабинетъ, гдѣ и отсчиталъ изъ кассы процентныхъ бумагъ и билетовъ на сто тысячъ.

— Отправляйся съ Богомъ,—перекрестилъ онъ сына—. Тройка уже на дворѣ —съ утра приказалъ приготовить. Софронычъ съ тобой поѣдетъ...

Николай Парфеновичъ поцѣловалъ руку старика, сѣлъ въ кибиту и помчался въ Лиственичное, радостно

вспоминая о неожиданной, счастливой перемѣнѣ, происшедшей въ отцѣ вслѣдствіи какихъ-то трудно объяснимыхъ обстоятельствъ. Онъ даже и не силился вникнуть въ эти обстоятельства; онъ былъ счастливъ ласкою и привѣтомъ отца, блаженно мечтая, что тотъ преклонился передъ силою его любви къ Надѣ и теперь не станетъ уже препятствовать его браку съ обожаемой дѣвушкой, не станетъ мѣшать счастью единственнаго сына...

Старикъ, между тѣмъ, думалъ совершенно другое: не даромъ онъ не смыкалъ глазъ цѣлую ночь, стараясь найти исходъ изъ тягостнаго положенія оскорбленнаго отца, силясь изыскать средство избавленія сына изъ хищническихъ, по его мнѣнію, объятій обольстительной сирены, актерки Боданиной.

Едва Николай Парфеновичъ съѣхалъ со двора, старикъ тотчасъ-же вышелъ изъ дому и, тайкомъ пробираясь, направился, закрывшись воротникомъ шубы, въ Иннокентьевскую улицу, гдѣ жила ненавистная ему актерка Боданина. Черезъ полчаса, онъ уже звонилъ у подъѣзда ея квартиры. Горничная немедленно отворила дверь и, ожидая увидѣть знакомое лицо молодого Шапилигина, окаменѣла въ недоумѣніи, увидѣвъ передъ собой какого-то незнакомаго, суроваго старика, который насильно протискался въ полуотворенную дверь и властно приказалъ:

— Ступай, доложи барынѣ, что, молъ, пришелъ по очень важному дѣлу, а кто? — самъ скажу, когда приметъ.

Горничная поспѣшно скрылась, но тотчасъ-же возвратилась и пригласила:

— Пожалуйте въ гостиную: сейчасъ выйдутъ-съ.

Парфенъ Петровичъ снялъ шубу и смѣло вошелъ въ богато обставленную, большую комнату.

— Ишь ты, какъ живетъ богато! — проворчалъ старикъ, внимательно осматривая прекрасную, выписанную изъ Петербурга мебель; дорогіе ковры, бронзу и кар-

тины.—И все это, поди, на мои денежки завела!—добавилъ онъ злобно.

Между тѣмъ Надежда Павловна спѣшила закончить свой туалетъ, недоумѣвая, кто именно таинственный гость, такъ неожиданно удостоившій ее своимъ посѣщеніемъ, Черезъ четверть часа, она вышла въ гостиную, очень интересная въ своемъ утреннемъ костюмѣ. Увидѣвъ нетерпѣливо прохаживающаго по комнатѣ старика съ окладистою, сѣдою бородою, она разомъ догадалась, что неожиданный посѣтитель никто иной, какъ отецъ Николая Парфеновича, и невольно вздрогнула отъ тяжелаго предчувствія предстоящаго бурнаго объясненія. Осиливъ, однако, свое волненіе, Надежда Павловна величественно приблизилась къ Парфену Петровичу и улыбаясь проговорила:

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

— Парфенъ Петровъ Шаплыгинъ, сурово отрекомендовался старикъ.—А зачѣмъ пришелъ? сами, небось, догадались, —добавилъ онъ, стараясь не глядѣть на обольстительную женщину.—Ишь, какая красавица,- невольно засѣла у него въ головѣ неотвязчивая мысль.

— Прошу сѣсть,— хладнокровно и въ тоже время вѣжливо пригласила Надежда Павловна.

- Ничего-съ, постою! —рѣзко отказался Парфенъ Петровичъ и въ то-же время думалъ: сядешь, такъ сейчасъ, пожалуй, одурманитъ змѣя.

— Дѣло у меня есть, простое и короткое, — добавилъ онъ въ томъ-же суровомъ тонѣ.

— Къ вашимъ услугамъ, слушаю, холодно проговорила Надежда Павловна.

— Мой сынишко баловать сталъ, отъ торговаго дѣла совсѣмъ отбился,—началъ издалека Парфенъ Петровичъ.—А дѣло у меня милліонное, зоркій глазъ нуженъ... Окромя того, отцовскую волю въ грошъ не ставитъ... По моему мужицкому разумѣнію, виноватъ во всемъ этомъ не онъ, а...—Старикъ запнулся и сердито крякнулъ: едва не слетѣло съ языка злобное, обидное

слово, которое, пожалуй, все дѣло испортило-бы.— „Хорошо, что во время удержался“, — подумалъ онъ, теребя руками бобровую шапку.

— Мнѣ кажется, что во всемъ обвиняете меня,— вывела Надежда Павловна старика изъ затруднительнаго положенія.

— Да-съ, васъ, сударыня,—проворчалъ тотъ, искоса поглядывая на сирену, обворожившую его сына.

— Это обвиненіе несправедливо,—горячо проговорила Боданина.—Я люблю вашего сына и надѣюсь составить его счастье...

— Счастье-то ваше не подходяще къ нашему, вотъ въ чемъ дѣло,—рѣзко перебилъ старикъ.—Счастливьте другихъ, если вамъ такая охота, а сына моего прошу оставить: я ему другую невѣсту нашелъ—пускай остепенится...

— Но я люблю вашего сына,—нерѣшительно повторила Надежда Павловна.

— Полно, сударыня, лгать-то,—озадачилъ ее вдругъ Парфенъ Петровичъ.—Вѣдь вы сами себя надуваете и сына морочите... Я-съ, опытный старикъ, хорошо вижу, какъ вы его любите... Дѣло, впрочемъ, не въ этомъ... Я предлагаю вамъ полюбовную сдѣлку...

— Сдѣлку!? Мнѣ!?—возмутилась Надежда Павловна, вспыхнувъ.

— Вы, сударыня, не возмущайтесь,—хладнокровно продолжалъ старикъ, — а раньше выслушайте, можетъ быть сойдемся!

— Говорите, безпомощно прошептала Боданина, опускаясь въ кресло.

— Въ боковомъ карманѣ у меня лежитъ чекъ на Волжско-Камскій банкъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей... Хотите его получить, поѣзжайте немедля, сейчасъ-же, въ Петербургъ, — рѣшительно предложилъ Парфенъ Петровичъ.

— Не понимаю вашего предложенія, —смутилась Надежда Павловна.

— Я желаю, чтобы вы разстались съ моимъ сыномъ и за это плачу вамъ пятьдесятъ тысячъ рублей,— рѣзко пояснилъ старикъ.

— Я не могу на это согласиться,— попробовала оказать сопротивленіе Боданина.

— Вы должны согласиться! — властно проговорилъ Парфенъ Петровичъ. — Въ противномъ случаѣ, васъ вышлютъ изъ Иркутска.

— Но это, наконецъ, насиліе!—возмутилась Надежда Павловна, поблѣднѣвъ.

— И такъ, желаете покончить дѣло миролюбиво?— спросилъ старикъ.

— Позвольте, однако... Если я и соглашусь на сдѣлку, то не успѣю собраться въ дорогу такъ быстро, какъ вы желаете, — начала уступать Боданина. Мнѣ необходимо закончить свои дѣла, распродать обстановку, нарушить контрактъ съ антрепренеромъ...

— Я покупаю все за какую угодно цѣну и плачу за васъ неустойку, —рѣшительно заявилъ Парфенъ Петровичъ.—Затѣмъ, тройку я уже заказалъ: она можетъ быть здѣсь черезъ полчаса съ возкомъ, который отдаю въ полное ваше распоряженіе. Вамъ остается собрать носильное платье, свои драгоцѣнности и немедля ѣхать въ Петербургъ. Разъ согласны на это, вы получите чекъ, за который дадите честное слово въ томъ, что въ Иркутскъ не вернетесь.

— Хорошо, я ѣду, —согласилась побѣжденная Надежда Павловна,—но, конечно, вы позволите проститься съ Колей?

— Ни за что, лишняя комедія! Сына вы не должны видѣть, да его и нѣтъ въ Иркутскѣ: онъ уѣхалъ.

— Куда?—удивленно спросила Боданина.

— Излишнее съ вашей стороны любопытство, — сурово срѣзалъ старикъ. - А теперь, позвольте узнать, во что цѣните вашу обстановку?—саркастически освѣдомился Парфенъ Петровичъ.

— Въ тридцать тысячъ.—наобумъ заявила Надежда

Павловна, не зная точной стоимости всей обстановки, такъ какъ все заводилось по усмотрѣнію Николая Парфеновича, истратившаго свыше пятидесяти тысячъ рублей на устройство для своей возлюбленной роскошнѣйшаго гнѣзда.

— Вы ихъ получите, — презрительно проговорилъ старикъ Шаплыгинъ, хорошо сообразивъ, съ какой хищницей имѣетъ дѣло.

„А еще увѣряла, что сына любитъ, — мелькнуло у него въ головѣ... Понимаемъ!.. Мои милліоны возлюбила... Окрутила и сына ради этихъ милліоновъ... Э-эхъ, женщины“!..

— Пошлите-ка кого нибудь на почтовую станцію— пускай скажетъ, чтобы тройку прислали; тамъ знаютъ— я отъ вашего имени нанялъ,—сказалъ старикъ вслухъ.

— Распоряжайтесь, какъ знаете: вы теперь здѣсь хозяинъ, — заявила Надежда Павловна, поднимаясь съ кресла. — А я пойду собираться въ дорогу и пришлю къ вамъ свою прислугу—приказывайте сами.—И Боданина вышла изъ гостиной.

— Никакъ не ожидалъ, что дѣло такъ скоро сладится,—весело подумалъ старикъ, потирая руки.—Вотъ что деньги дѣлаютъ: вся сила ноиѣ въ нихъ. Все за деньги купить можно: и вещь, и совѣсть человѣческую, и любовь... все на свѣтѣ купить можно.

Вошедшая кухарка прервала нить его размышленій.

— Барыня прислала... Что прикажете? — спросила она, вытирая грязнымъ фартукомъ, не менѣе грязныя руки.

— Сходи живо на почтовую станцію и скажи, чтобы сію минуту прислали сюда тройку: тамъ уже знаютъ,— распорядился Парфенъ Петровичъ.—Да ты голубушка, не мѣшкай, поторопилъ онъ, сунувъ кухаркѣ въ руку рублевую бумажку. Кухарка удивленно взглянула на неожиданно полученную депозитку и молча выскочила изъ гостиной—исполнять приказаніе щедраго купца.

Между тѣмъ Надежда Павловна торопливо соби-

рала, при помощи компаньонки и горничной, нужныя вещи и набивала ими громадные чемоданы. Всѣ суетились, словно въ домѣ былъ пожаръ.

— Куда это мы, Надежда Павловна, собираемся? — полюбопытствовала Анна Ивановна, не стерпѣвъ.

— Въ Петербургъ!.. Надоѣло мнѣ здѣсь съ азіатами возиться! — весело отвѣтила Боданина, складывая въ небольшой саквояжъ свои брилліанты и драгоцѣнныя вещи.

— Вотъ и отлично, — обрадовалась компаньонка. — Въ столицѣ несравненно лучше будетъ, чѣмъ здѣсь... Иркутскъ — чистое захолустье...

Черезъ два часа, Надежда Павловна была уже готова. Тройка стояла на дворѣ и нетерпѣливо рыла копытами снѣгъ. Парфенъ Петровичъ вручилъ Бодаиной два чека, въ пятьдесятъ и тридцать тысячъ рублей, и лично усадилъ ее въ возокъ. Лошади рванули и понеслись по пустынной улицѣ. Старикъ возвратился въ квартиру „актерки“ и тотчасъ же щедро разсчиталъ кучера, горничную и кухарку.

— Вотъ вамъ по двадцати пяти рублей, — проговорилъ онъ женщинамъ, озадаченнымъ неожиданнымъ, быстрымъ исчезновеніемъ барыни. — Если хотите заработать еще столько же, то говорите каждому мало-мало знакомому, что барыня ваша укатила, молъ, во Владивостокъ, съ какимъ-то неизвѣстнымъ проѣзжимъ офицеромъ... Черезъ недѣлю и деньги обѣщанныя получите — явитеся только въ бакалейную лавку купца Гордяева... Знаете, гдѣ она находится?

— Знаемъ, батюшка, знаемъ, — дружно отвѣтили обѣ женщины, ослѣпленныя царскою, по ихъ мнѣнію, щедростью неизвѣстнаго купца. — Все исполнимъ, какъ ваша милость приказать изволили...

Женщины торопливо собрали свои пожитки и пошли разносить по городу удивительную новость о томъ, какъ уѣхала ихъ барыня съ однимъ проѣзжимъ офицеромъ во Владивостокъ.

„Молодецъ мужчина этотъ офицеръ, красавецъ, съ

большущими усами", разсказывала кухарка въ одномъ концѣ города.

„И доложу я вамъ", тараторила на другой окраинѣ горничная. „что за прекрасный мужчина подхватилъ нашу барыню... Пріѣхалъ онъ на тройкѣ, одна лошадь лучше другой, и былъ таковъ: только снѣгъ столбомъ поднялся... А барыня махнула мнѣ этакъ ручкой и сказала: кланяйся тому, кто раньше ко мнѣ ходилъ, и скажи, что лучшаго нашла... Вотъ такъ барыня"!..

IX.

Страшная вѣсть.

Николай Парфеновичъ лихо докатилъ до Лиственичной и остановился у дома Вавилы Яковлевича Растеряева. Тамъ, повидимому уже ждали его. Хозяинъ радушно встрѣтилъ и тотчасъ же увелъ его въ свой кабинетъ. Пошли распросы, толки о томъ, о семъ, длинныя разсужденія о разныхъ коммерческихъ дѣлахъ. Вавила Яковлевичъ, видимо, тянулъ время, стараясь задержать Николая Парфеновича у себя возможно дольше. Послѣ продолжительной бесѣды, хозяинъ повелъ его въ столовую -закусить. Время прошло незамѣтно, и короткій, зимній день сталъ уже склоняться къ концу. Николай Парфеновичъ заторопился домой и попросилъ заложить лошадей. Прошелъ еще часъ. Молодой человѣкъ уже началъ выказывать явное нетерпѣніе по поводу непонятной для него медлительности въ запряжкѣ лошадей. Вдругъ вошелъ въ комнату кучеръ Софронычъ и доложилъ.

— Батюшка, Николай Парфеновичъ, съ кореннымъ-то несчастіе случилось: на двѣ ноги расковался—запрягать нельзя...

— Что-жъ ты раньше думалъ!?—разсердился Шаплыгинъ.

— Не замѣтилъ, батюшка, Николай Парфеновичъ,—

началъ оправдываться Софронычъ,— а какъ сталъ запрягать—тутъ только и разглядѣлъ.

Досада какая!.. Вѣдь мнѣ крайне необходимо быть вечеромъ дома,—воскликнулъ молодой человѣкъ, нетерпѣливо прохаживаясь по комнатѣ.—Вавила Яковлевичъ, выручайте,—обратился онъ къ хозяину,—дайте своего коренника...

— Радъ бы услужить, голубчикъ, Николай Парфеновичъ, да усланы всѣ лошади,—съ сожалѣніемъ отвѣтилъ Растеряевъ.

— Такъ пошлите скорѣй на почтовую станцію...

— Вотъ это дѣло!.. Сейчасъ распоряжусь, сейчасъ,— засуетился хозяинъ.— Эй, Федька, поди сюда!— крикнулъ онъ въ переднюю.

Федька, здоровый дѣтина, немедленно явился на хозяйскій зовъ. Растеряевъ пошептался съ нимъ, и тотъ стремглавъ бросился вонъ изъ комнаты. Черезъ четверть часа, онъ возвратился и доложилъ:

— Лошадей на станціи нѣтъ — сейчасъ всѣ подъ почтой пошли... Страсть какая большая почта,— добавилъ онъ съ лукавою усмѣшкою.

— Вотъ видишь, голубчикъ, Николай Парфеновичъ, какое несчастье тебя преслѣдуетъ; тебѣ ужъ поневолѣ придется переночевать у меня,— гостепріимно предложилъ хозяинъ.—Къ утру лошадку твою подкуемъ, отправляйтесь тогда съ Богомъ...

— Да вѣдь отецъ станетъ меня ждать, безпокоиться начнетъ!—съ отчаяніемъ воскликнулъ Шапкыгинъ, думая совсѣмъ не объ отцѣ.

— Подождетъ и перестанетъ, а на всякій случай можно и телеграмку послать,— предложилъ Вавила Яковлевичъ.

Такимъ образомъ, Николаю Парфеновичу поневолѣ пришлось остаться ночевать въ Лиственичной. Онъ и не подозрѣвалъ, что всѣ были въ заговорѣ противъ него, исполняя желаніе отца, побывавшаго съ разсвѣтомъ у Растеряева и предупредившаго его, что надо сдѣлать,

ради избавленія сына отъ хищническихъ лапъ актерки-искусительницы.

Николай Парфеновичъ проснулся чуть свѣтъ и немедленно, не напившись даже чаю, помчался обратно въ Иркутскъ, угнетаемый необъяснимой тревогой и тоской. Онъ спѣшилъ домой, охваченный тяжелымъ предчувствіемъ какого-то неизвѣстнаго несчастія. Черезъ два съ половиною часа; онъ былъ уже дома. Отецъ бодрствовалъ и привѣтливо встрѣтилъ:

— Здраствуй, Колюша, здравствуй... Какъ деньги довезъ?

— Благополучно, батюшка; только пришлось переночевать у Вавилы Яковлевича, — отвѣчалъ Николай Парфеновичъ, цѣлуя отца.

— Что случилось? Почему такъ?—спросилъ старикъ, не моргнувъ даже бровью.

Николай Парфеновичъ разсказалъ о цѣломъ рядѣ непріятныхъ случайностей, невольно задержавшихъ его въ Лиственичной.

— Противъ рожна не попрешь!—добродушно замѣтилъ Парфенъ Петровичъ, выслушавъ безпорядочный разсказъ сына.—Чайку не хочешь-ли?—предложилъ онъ затѣмъ.

— Я уже пилъ,—поспѣшилъ солгать Николай Парфеновичъ, чтобы только возможно скорѣе урваться на свободу и летѣть къ обожаемой Надѣ, которая, думалось ему, навѣрно сильно безпокоится по поводу его продолжительнаго отсутствія.

— Какъ хочешь, а я пойду чайку напиться: мнѣ надо еще по дѣламъ поѣздить, — проговорилъ старикъ, удаляясь въ столовую.

Николай Парфеновичъ только того и ждалъ. Торопливо вышелъ онъ въ переднюю, накинулъ шубу и поспѣшилъ къ знакомому дому. Подойдя къ нему, онъ былъ крайне озадаченъ, увидя въ окнахъ какую-то странную пустоту: ни цвѣтовъ, ни шторъ, ни занавѣсъ...

„Чтобы это значило?—начала гнести его тревожная

мысль.—Впрочемъ, вѣроятно идетъ какая-нибудь уборка къ празднику", — поспѣшилъ Николай Парфеновичъ успокоить себя и нервно позвонилъ. Никто не отворилъ. Онъ позвонилъ сильнѣе. Колокольчикъ какъ-то печально брякнулъ въ пустой передней и смолкъ. Николай Парфеновичъ дернулъ за звонокъ въ третій разъ и съ какимъ-то необъяснимымъ озлобленіемъ и оборвалъ проволоку; послѣдняя глухо задребезжала за дверью и безсильно повисла. Шаплыгинъ началъ напряженно прислушиваться, съ болью въ сердцѣ и съ неясною, но мучительною тревогою въ головѣ. Ни шороха, ни звука, словно домъ вымеръ. Охваченный внезапнымъ сердечнымъ ужасомъ, Николай Парфеновичъ, съ дикимъ ожесточеніемъ, затрясъ дверью, будто намѣреваясь сорвать ее съ петель. Случайные прохожіе съ удивленіемъ глядѣли на молодого человѣка, потерявшаго самообладаніе и трясущаго дверь съ безумнымъ озлобленіемъ. Блѣдный, какъ окружающій снѣгъ, Шаплыгинъ былъ ужасенъ въ своей сердечной тревогѣ; бобровая шапка давно свалилась; шуба съѣхала съ плечъ; но онъ продолжалъ неистово трясти дверь съ какимъ-то нервнымъ трепетомъ и съ безумною настойчивостью.

„Что случилось!? Что случилось!? — засѣлъ у него въ мозгу неотвязчивый, мучительный вопросъ.

— Напрасно, баринъ, стучитесь: никого нѣтъ — всѣ уѣхали и вещи уже выбрали изъ квартиры, — предупредилъ вышедшій изъ ближайшей лавки прикащикъ, подозрительно всматриваясь въ растрепанную фигуру Шаплыгина. — „Ишь, какъ напился!" — подумалъ онъ про себя.

Услышавъ чужой голосъ, Николай Парфеновичъ растерянно посмотрѣлъ на прикащика, точно не схватывая мозгами истиннаго смысла словъ.

— Уѣхали, — повторилъ прикащикъ. — Напрасно стучитесь...

— Куда? — судорожно спросилъ Николай Парфеноновичъ, трясясь словно въ лихорадкѣ.

— Прислуга разсказываетъ — во Владивостокъ съ какимъ-то офицеромъ, — брякнулъ съ дуру приказчикъ.

— Врешь, негодяй!—дико взвизгнулъ Николай Парфеновичъ, бросаясь съ безумнымъ озлобленіемъ на злополучнаго вѣстника. Схвативъ его за грудь, онъ началъ трясти его и безсознательно повторять:—врешь, врешь, врешь!

Приказчикъ испугался и неистово, на всю улицу, закричалъ „караулъ"! Тотчасъ-же собралась толпа любопытныхъ; началась безобразная свалка; одни тянули приказчика, другіе—Шаплыгина, вцѣпившагося въ своего неожиданнаго врага руками и зубами... Полиція, по обыкновенію, прибыла на мѣсто происшествія позже всѣхъ. Съ трудомъ усадили Николая Парфеновича на извощика и повезли домой...

Парфенъ Петровичъ только что вышелъ изъ воротъ, какъ едва не былъ сшибленъ мчавшимся извощикомъ. Старикъ взглянулъ и обомлѣлъ: между двухъ городовыхъ сидѣлъ сынъ въ истерзанномъ видѣ и отбивался кулаками отъ полицейскихъ, продолжавшихъ крѣпко держать его привычными руками.

— Боже мой, что это такое?- упавшимъ голосомъ прошепталъ Шаплыгинъ, страшно испугавшись.

— Парфенъ Петровичъ, сынъ вашъ заболѣлъ, — крикнулъ одинъ изъ городовыхъ, хорошо знавшій милліонера.

Старикъ съ ужасомъ и недоумѣніемъ, бросился за извощикомъ во дворъ.

— Коля, Коля, что съ тобой!?—твердилъ онъ растерянно, суетясь около все еще бившагося сына. Тотъ разомъ стихъ, пристально взглянулъ страшно-расширенными глазами на окладистую, сѣдую бороду отца и вдругъ безумно забормоталъ:

— Буранъ... буранъ... Смотри, смотри, какъ крутитъ... Снѣгу-то сколько!.. Ничего не видно... Не тронь!.. Это возокъ... Надо спасти его... Конечно спасти... Тамъ вѣдь она сидитъ.—Скорѣй, скорѣй... Сейчасъ занесетъ...

Постой, оставь!.. Не надо!.. Смотри, два офицера съ нею!.. Брось ее, брось, брось!.. Ахъ, какой буранъ!.. У, какъ гудитъ!..

Старикъ отчаянно вслушивался въ безумную рѣчь сына. — „Совсѣмъ рехнулся“, — пронизала его мозгъ страшная мысль, отъ которой встали у него дыбомъ волоса и затряслись ноги.

Съ неимовѣрнымъ трудомъ привели Николая Парфеновича въ его комнату, раздѣли и уложили въ кровать, на которой пришлось его удерживать насильно. Прибывшій докторъ внимательно освидѣтельствовалъ больного и пришелъ къ заключенію, что молодой человѣкъ сошелъ съума, вслѣдствіи какого-нибудь чрезвычайно сильнаго и внезапнаго душевнаго потрясенія. Старикъ Шаплыгинъ, глубоко пораженный ужаснымъ заключеніемъ врача, не выдержалъ: ноги у него подкосились, и онъ, съ судорожными рыданіями, упалъ на колѣни передъ кроватью сына.

— Колюша, милый мой, прости, — стоналъ онъ колотясь головой объ полъ. — Я виноватъ, виноватъ... Прости старика.. Каюсь, передъ тобой... Прости душегубца!.. Тебя, окаянный, загубилъ... и мать твою... Душегубецъ, я, душегубецъ!..

Николай Парфеновичъ между тѣмъ, не слушая отца, продолжалъ безумно бормотать:

— Буранъ... буранъ... У-у, какъ реветъ .. Смотри, заноситъ ее... двухъ офицеровъ... Славно!.. У-у, какой буранъ!..

— Православные, вяжите меня! — вдругъ вскрикнулъ старикъ Шаплыгинъ, страшно потрясенный безумнымъ бормотаніемъ сына. — Вяжите, душегубецъ я!.. Жену убилъ!.. Видите, Богъ покаралъ уже меня за убивство — пускай люди теперь караютъ!.. Вяжите скорѣй, вяжите! — кричалъ Парфенъ Петровичъ, валяясь въ ногахъ доктора и Софроныча, совершенно растерявшихся.

— Неужели и старикъ рехнулся, — испугался Софронычъ, продолжая удерживать на кровати, все еще бившагося Николая Парфеновича.

— Парфенъ Петровичъ, не терзайтесь, придите въ себя, — успокоивалъ между тѣмъ докторъ старика. — Ступайте, отдохните...

— Душегубецъ я, Колюшенька, милый мой, душегубецъ! продолжалъ Шаплыгинъ кричать въ какомъ-то изступленіи. — Каюсь передъ православными, каюсь!.. Неладно жилъ съ покойницей — Акулина Семеновна, змѣя, обворожила... Уѣхалъ ты, Колюшенька, въ Иркутскъ учиться, а жена-то и дозналась... исповѣдывался Парфенъ Петровичъ, захлебываясь рыданіями.—Попрекать покойница стала... Я не стерпѣлъ попрековъ... ударилъ ее сгоряча, а она, голубушка, упала, головой о сундукъ... и духъ испустила. — Душегубецъ я, душегубецъ!..

X.

Монахъ.

Прошло три мѣсяца. Снѣгъ уже стаялъ подъ вліяніемъ жаркихъ, весеннихъ лучей. Земля стала покрываться нѣжною зеленью шелковистой, молодой травы. Древесныя почки налились и со дня на день можно было ожидать, что вотъ-вотъ совершится наконецъ ихъ дивная метаморфоза въ пучечки мелкихъ, сильно пахучихъ листьевъ. Наступили ясные весенніе дни. Съ горъ, окружающихъ озеро Байкалъ, забурлили ручьи и ручейки и понесли свои прозрачныя воды въ озеро, сверкающее на солнцѣ зеркальною поверхностью. Отовсюду вѣетъ животворною силою весны, постепенно охватывающей своими объятіями долины, мрачныя ущелья, горы, лѣсныя трущобы и необъятную тайгу. Темные лѣса, охватившіе озеро Байкалъ величественно прекраснымъ оваломъ, давно сбросили зимнюю одежду и начали расправлять свои ожившія, теперь уже гибкія, вѣтви. Воздухъ наполнился раздражающимъ, смолистымъ запахомъ распускающейся листвы. Лѣсныя трущобы, доселѣ мрачныя и безмолвныя, огласились звонкими голосами

птицъ, вернувшихся изъ теплыхъ краевъ на родныя мѣста... Отовсюду какъ-бы слышится сладостно-радостный шепотъ: „Весна пришла!.. Весна пришла“!..

На Лиственичной пароходной пристани кипитъ оживленіе пробуждающейся дѣятельности. Цѣлыя горы всевозможнаго товару, свезеннаго сюда еще зимой, переносятъ изъ деревянныхъ пакгаузовъ на пароходъ, уже готовый совершить свой первый рейсъ черезъ озеро Байкалъ. По пристани суетливо мечутся прикащики, рабочіе и пароходная прислуга; пассажиры торопятся занять мѣста поудобнѣе, что довольно затруднительно при общей тѣснотѣ. Офицеры, чиновники, купцы, изможденные длинной дорогой переселенцы, безпорядочно толкутся на грязной палубѣ парохода, загроможденной бочками, мѣшками, ящиками и тарантасами. Среди этой разнокалиберной толпы рѣзко выдѣляется высокій, худой старикъ въ монашескомъ одѣяніи. Сѣдая, окладистая борода ниспадаетъ почти до пояса, обрамляя утомленное, суровое лицо. Изъ подъ чернаго клобука торчатъ густыя, длинныя брови, нависшія надъ совершенно тусклыми, глубоко ввалившимися глазами. Старикъ стоитъ у борта и какъ-то безучастно смотритъ на разстилающуюся передъ его глазами зеркальную поверхность громаднаго озера. Солнечные лучи весело играютъ на серебристой бородѣ монаха, словно силясь вызвать на его блѣдныхъ, тонкихъ губахъ благодарную улыбку. Напрасныя усилія... Старикъ продолжаетъ мрачно глядѣть на озеро, не обращая вниманія на окружающее оживленіе и шумъ. Пассажиры почтительно сторонятся отъ него, невольно пораженные его величественною, неподвижною фигурою, а также странно изможденнымъ лицомъ, преисполненнымъ какою-то затаенною, неотразимо-мучительною душевною тоскою...

— Скажите пожалуйста, кто этотъ монахъ? — полюбопытствовалъ одинъ изъ пассажировъ морской офицеръ, отправляющійся на службу во Владивостокъ, обращаясь къ рядомъ сидѣвшему тучному купцу.

— Вы, вѣроятно, не здѣшній — спросилъ, въ свою очередь, купецъ, оглядывая любопытнаго пассажира.

— Нѣтъ, не здѣшній: изъ Петербурга во Владивостокъ ѣду...

Понимаемъ-съ...— проговорилъ толстякъ.— Я къ тому, сударь, спросилъ васъ — здѣшній-ли вы, — продолжалъ онъ послѣ тяжелой передышки,—что этого монаха вся Сибирь знаетъ...

— Кто же онъ такой?—повторилъ свой вопросъ заинтересованный морякъ.

— Милліонеръ, иркутскій купецъ Парфенъ Петровъ Шаплыгинъ,—самодовольно отвѣтилъ толстякъ, видимо наслаждаясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ на проѣзжаго сенсаціоннымъ отвѣтомъ.

— Милліонеръ!?—удивился морякъ. Зачѣмъ же онъ въ монахи пошелъ?..

— Длинная исторія, сударь, — нехотя проговорилъ купецъ, тяжело вздохнувъ.

— Разскажите, пожалуйста: это крайне любопытно.— настаивалъ проѣзжій, придвигаясь къ толстяку и засматривая ему въ глаза.

— Отчего не разсказать — съ удовольствіемъ разскажу, если охота вамъ послушать,— началъ купецъ, сдавшійся на просьбу моряка.—И такъ-съ, Шаплыгинъ былъ первымъ богачемъ въ Иркутскѣ, милліонами ворочалъ, дѣла свои на славу велъ... Единственнымъ наслѣдникомъ его состоялъ сынъ; примѣрный молодой человѣкъ былъ, пока въ Петербургѣ не побывалъ... Простите, сударь, не въ обиду вамъ скажу: Петербургъ чистый адъ для молодежи, скручивается она тамъ и пропадаетъ, — вставилъ толстякъ свое мнѣніе о современномъ Вавилонѣ.—Хорошо-съ,— продолжалъ купецъ, опять вздохнувъ,— побывалъ молодой человѣкъ въ Питерѣ, да и влюбился въ одну актерку... Возвратился онъ въ Иркутскъ, и актерка вскорѣ за нимъ пріѣхала... Завелись у нихъ шуры-муры. Актерка была баба умная и потащила изъ кармана Шаплыгинскаго сынишки тыщи.

Тотъ сыпалъ деньжищами, сыпалъ безъ удержу, точно въ бездонную пропасть. Узналъ объ этомъ старикъ Шаплыгинъ, да, недолго думая, выпроводилъ ее изъ Иркутска хитростью, надѣясь, что сынъ остепенится, забудетъ ее, да и женится на одной богатѣющей невѣстѣ, дочери купца Гордяева... Анъ, не тутъ-то было!.. Узналъ парень объ неожиданномъ отъѣздѣ актерки, да тутъ же съ ума и спятилъ. Старикъ ужъ и не радъ былъ, что актерку спровадилъ, затосковалъ, роздалъ всѣ свои богатства на разныя богоугодныя дѣла, а самъ, видите-ли, въ монастырь пошелъ—грѣхи замаливать. Монастырь этотъ по ту сторону Байкала находится,—добавилъ купецъ, указывая рукой на едва виднѣвшійся вдали крутой берегъ

— Гдѣ же сынъ его теперь?—полюбопытствовалъ морякъ.

— Въ Казань свезли: помѣстили тамъ въ сумасшедшій домъ,—отвѣтилъ толстякъ, отирая со лба крупныя капли пота.—И помѣшался-то онъ какъ-то странно,—словоохотливо добавилъ онъ.—Все время одно бормочетъ: „буранъ, да буранъ!“ А что такое буранъ ему сдѣлалъ—одному Богу извѣстно... Э-эхъ, прости, Господи, наши прегрѣшенія!..

— А актриса гдѣ?—продолжалъ выспрашивать любопытный проѣзжій.

— Богъ ее знаетъ: вѣроятно въ Питерѣ... Можетъ вы знаете ее, Боданиной звать...

— Боданина! — съ изумленіемъ воскликнулъ морякъ.—Какъ не знать: это первая красавица изъ всѣхъ опереточныхъ пѣвицъ... Она опять на сценѣ и приводитъ всѣхъ въ восторгъ... Имѣетъ массу поклонниковъ и ко всѣмъ одинаково благосклонна: были бы только деньги...

— Скверная бабенка,—сердито проворчалъ купецъ.—Мало ей, что одну душу уже загубила, хочетъ и другихъ съ панталыку сбить... Тьфу, прости Господи, ишь вѣдь, ненасытная утроба!..

Разговаривающіе смолкли и задумались. Въ это время раздался послѣдній звонокъ и пароходъ, медленно отойдя отъ пристани, началъ рѣзать острымъ носомъ зеркальныя воды уснувшаго озера. Старикъ монахъ про-

должалъ недвижно стоять у борта и глядѣлъ куда-то вдаль тѣмъ же безжизненнымъ, тусклымъ взоромъ. Казалось, онъ замеръ въ какомъ-то безгранично-тягостномъ оцѣпененіи, словно прислушиваясь къ мучительной боли своей истерзанной души...

———◇◊◇———

Горе-охотники.

(Разсказъ изъ жизни на далекомъ востокѣ).

I.

Нѣтъ, господа, довольно! Не могу больше! — рѣшительно заявилъ толстый, краснощекій смотритель мѣстнаго госпиталя, бросивъ на большой ломберный столъ только что вскрытую колоду картъ.

— Почему-же не можете?.. Нельзя прекращать игру, когда многіе поставили уже куши... Вы, Петръ Ивановичъ, поступаете неделикатно: собрали со всѣхъ солидную дань и съ колокольни долой! — раздались протестующіе голоса игроковъ, тѣсно сплотившихся вокругъ стола, посрединѣ котораго соблазнительно высилась безобразная кучка скомканныхъ кредитныхъ билетовъ. На сильно раскраснѣвшихся, потныхъ лицахъ игроковъ отражалось едва сдерживаемое раздраженіе противъ счастливаго банкомета. Въ ихъ глазахъ, упорно устремленныхъ на смотрителя, разгорались недобрые огоньки зависти и неудачи.

— Господа, право не могу больше!.. Позвольте хоть освѣжиться немного! — взмолился Петръ Ивановичъ.

тщательно обтирая лицо, шею и лысину большимъ шелковымъ платкомъ, быстро превратившимся послѣ этой манипуляціи въ мокрую тряпку.—Ухъ, какъ жарко и душно! — добавилъ онъ съ такимъ страдальческимъ вздохомъ, что хозяинъ квартиры, сильно сутуловатый, сухой штабъ-офицеръ, счелъ своею обязанностью вступиться за измученнаго банкомета:

— Пощадите, господа, Петра Ивановича... Взгляните на него: онъ похожъ на мокрую курицу... Съ нимъ сію минуту приключится ударъ, если вы не выпустите его въ столовую — пропустить двѣ, три рюмочки очищенной... Пойдемте-же закусить, а тамъ опять въ бой съ новыми силами... У меня припасена превосходная анисовка! — закончилъ хозяинъ свою тираду, соблазнительно щелкнувъ языкомъ.

Сообщеніе объ анисовкѣ произвело на игроковъ благопріятное впечатлѣніе, а предложеніе „закусить" напомнило многимъ, увлекшимся азартной игрой, о скоромъ наступленіи служебнаго и рабочаго дня. Первыми спохватились, взглянувъ на часы, городской врачъ и казначей мѣстнаго линейнаго баталіона Савкинъ, связанные неразрывной дружбой, исключительно скрѣпленной страстнымъ увлеченіемъ охотничьимъ спортомъ.

— Уже пятый часъ! — ужаснулся почтенный эскулапъ, наклонившись къ самому уху своего закадычнаго друга, только что присѣвшаго на кривобокую кушетку, послѣ восьмичасоваго непрерывнаго торчанья около соблазнительнаго зеленаго стола.

Казначей вскочилъ, точно ужаленный.

— Вотъ такъ фунтъ!.. Здорово засидѣлись!.. Наша сегодняшняя охота—фюить, въ трубу!.. Теперь ужъ не поспѣемъ къ солнечному восходу на заимку...

— И ненасытный Краевъ перестрѣляетъ весь фазаній выводокъ, съ такимъ трудомъ нами выслѣженный; съ невыразимой досадой проворчалъ докторъ.

— Куда ему! — съ напускнымъ пренебреженіемъ произнесъ казначей, хотя у самого затряслись поджилки

отъ одной мысли, что, энергичный соперникъ по охотничьему спорту Краевъ, дѣйствительно могъ какъ нибудь провѣдать о выслѣженномъ фазаньемъ выводкѣ и появится на заимкѣ первымъ... Вѣдь уже не разъ онъ успѣвалъ вырывать лакомую добычу чуть-ли не изъ подъ самаго носа друзей-охотниковъ, не отличавшихся особенной опытностью, охотничьимъ чутьемъ и сноровкой.

— Однако, улизнемте скорѣй отсюда и во всякомъ случаѣ махнемте не медля на заимку, — предложилъ Савкинъ, спустя нѣсколько секундъ, поспѣшно хватаясь за фуражку.

Докторъ не заставилъ упрашивать себя. Съ трудомъ розыскавъ свой головной уборъ, онъ сталъ прокрадываться къ выходу изъ комнаты, прячась за широкой мускулистой спиной друга, взявшаго на себя трудную задачу незамѣтно скрыться изъ страстно-возбужденной компаніи игроковъ. Это, однако, Савкину не удалось. Зоркій хозяинъ вовремя примѣтилъ коварный замыселъ друзей, ловко перехватилъ бѣглецовъ на порогѣ и, отобравъ отъ нихъ шапки, торжественно ввелъ обоихъ въ небольшую столовую, уже переполненную проголодавшимися игроками.

— Улизнуть хотѣли! — объявилъ Кноповъ во всеуслышаніе, торопливо наливая бѣглецамъ, какъ бы въ наказаніе, по громадной рюмкѣ завѣтной анисовки.

— Такъ рано? Куда это вы спѣшили, почтеннѣйшій цѣлитель нашихъ физическихъ недуговъ, и вы также, достоуважаемый министръ финансовъ? Ужъ не на охоту-ли опять? На какую? Тигровъ истреблять или фазановъ бить? — послышались со всѣхъ сторонъ слегка насмѣшливые возгласы.

Петровъ и Савкинъ, точно уличенные въ какомъ нибудь преступленіи, смущенно отмалчивались, искоса поглядывая на внушительныя рюмки съ анисовкой, только что налитой гостепріимнымъ хозяиномъ.

— Пейте и закусывайте,—властно и вмѣстѣ съ тѣмъ

добродушно проговорилъ Кноповъ, подталкивая бѣглецовъ подъ локоть ближе къ столу. — Пейте-же! — настойчиво повторилъ онъ, — а затѣмъ отпускаю на всѣ четыре стороны, если не пожелаете продолжать ратоборство на зеленомъ полѣ.

— Вамъ хорошо извѣстно, милѣйшій Николай Васильевичъ, что я не пью,—тихо отказался докторъ отъ анисовки, конфузливо прячась отъ слишкомъ наглыхъ взглядовъ веселой компаніи за широкую казначейскую спину. Савкинъ не замедлилъ придти на помощь совершенно растерявшемуся другу.

Быстро проглотивъ двѣ заготовленныя порціи онъ какъ-то молодецки крякнулъ и съ должнымъ сознаніемъ совершеннаго подвига заявилъ удивленному хозяину:

— Я постоянно выручаю изъ застольной бѣды Алексѣя Семеновича: пью за себя и за него.

— И на охотѣ съ такимъ же похвальнымъ самопожертвованіемъ выручаете своего друга?—усмѣхнулся высокій, красивый морякъ, зло намекая, повидимому, на какой-то недавній охотничій инцидентъ, въ которомъ главная роль, несомнѣнно, выпала на долю браваго съ виду казначея.

Неожиданный вопросъ моряка привелъ Савкина въ полное смущеніе. Сильно покраснѣвъ, онъ растерянно пробормоталъ:

— И охота вамъ, Ананій Ивановичъ, вспоминать о нашей послѣдней неудачѣ...

— Какая-же неудача въ томъ, что вы, вмѣстѣ съ Алексѣемъ Семеновичемъ, такъ счастливо избѣгли тигровыхъ когтей и зубовъ? — насмѣшливо произнесъ морякъ, который видимо старался возбудить общее вниманіе гостей, дѣйствуя въ руку смотрителю госпиталя, мечтавшему выбраться отъ Кнопова со всѣми выигранными деньгами, безъ дальнѣйшей, весьма рискованной, борьбы съ возбужденными игроками. Морякъ успѣлъ въ своемъ дружескомъ намѣреніи. Гости, заинтригован-

ные его словами, насторожились, надѣясь услышать что нибудь крайне интересное о послѣднихъ охотничьихъ похожденіяхъ двухъ закадычныхъ друзей-нимвродовъ, съ недавнихъ поръ сосредоточившихъ на себѣ вниманіе почти всѣхъ городскихъ обывателей. Общее любопытство возрасло еще больше, когда Ананій Ивановичъ съ тѣмъ же насмѣшливымъ видомъ обратился къ притаившемуся доктору:

— Милѣйшій, Алексѣй Семеновичъ, разскажите намъ, пожалуйста, какъ вы воевали на прошлой недѣлѣ съ тигромъ и чуть-чуть не обогатили свою прекрасную охотничью коллекцію роскошной шкурой свирѣпаго хищника не менѣе какъ въ двадцать четвертей отъ затылка до хвоста...

— Ахъ, перестаньте, Ананій Ивановичъ, смѣяться надъ чужимъ несчастьемъ, — укоризненно проговорилъ докторъ. — Съ каждымъ изъ васъ можетъ случиться то-же самое... Да и кто шкуру на живомъ звѣрѣ мѣрилъ?..

— Что же такое съ вами случилось? Когда? При какихъ обстоятельствахъ? Пожалуйста, разскажите, непремѣнно разскажите, — пристали, въ свою очередь, многіе изъ гостей, обступая плотнымъ кругомъ друзей-охотниковъ.

— Что-жъ, я разсказать не прочь, если противъ этого ничего не имѣетъ мой коллега по охотѣ Николай Николаевичъ, — сдался докторъ, добродушно поглядывая на пыхтѣвшаго отъ глубокаго смущенія казначея. Тотъ запротестовалъ, безтолково размахивая руками:

— Зачѣмъ разсказывать... Не надо разсказывать... Совсѣмъ лишнее всѣмъ знать о нашей неудачѣ...

— Вы все говорите о неудачѣ, когда совершили цѣлый подвигъ, отважившись добыть тигровую шкуру, — прежнимъ насмѣшливымъ тономъ перебилъ неугомонный морякъ, задавшійся, повидимому, настойчивою цѣлью познакомить гостей съ послѣдними охотничьими похожденіями друзей-нимвродовъ.

— Вамъ все смѣшки, Ананій Ивановичъ,—неожиданно закипятился Савкинъ, съ досадою посматривая на моряка,—а того не знаете, какъ туго иногда приходится охотникамъ въ здѣшней тайгѣ. Вы столичный житель, и вообразить себѣ не можете тѣхъ передрягъ, въ которые мы попадаемся въ мѣстныхъ лѣсныхъ чащахъ чуть-ли не на каждомъ шагу... Здѣсь, вѣдь, не петербургскія болота, по которымъ, вѣроятно, вы недавно шлепали въ щегольскихъ охотничьихъ сапогахъ, подстрѣливая куличковъ... Здѣсь тропики, настоящіе тропики, и растительность тропическая: безпросвѣтная, роскошная, сплошная, непроницаемая... Трава въ человѣческій ростъ!.. А виноградъ!? Онъ одинъ дѣлаетъ тайгу непролазною, обвивая, подобно ліанамъ, всѣ деревья и подлѣсокъ, покрывая землю сплошнымъ ковромъ роскошной зелени, образуя во многихъ мѣстахъ непроницаемыя живыя изгороди дивной красоты... А сколько хищнаго звѣря таится въ этихъ сказочныхъ чащахъ!.. Идете на фазановъ, а рискуете встрѣтиться съ бенгальскимъ тигромъ, съ кровожаднымъ барсомъ, съ медвѣдемъ и другими хищниками... Такъ и съ нами было на прошлой недѣлѣ: охотились на птицу, а повстрѣчались съ тигромъ, да еще съ сильно проголодавшимся... Едва ноги унесли, а страху натерпѣлись такого, что и врагу не пожелаемъ. Стыдно сознаться, что душа въ пятки ушла, а между тѣмъ надо сознаться, что это случилось въ дѣйствительности...

— Да вы разскажите, какъ дѣло было,—попросилъ хозяинъ настойчиво.

— Пускай Алексѣй Семеновичъ разсказываетъ, если хочетъ, а я не желаю,—рѣшительно отказался Савкинъ, сердито ероша свои щетинистые волоса.

— Вы разрѣшаете?—обратился докторъ къ казначею.

Тотъ безнадежно махнулъ рукой и пробормоталъ гробовымъ голосомъ:

— Все равно... Я знаю ихъ: вѣдь не отстанутъ, пока вдоволь не потѣшатся надо мной... Народъ ядовитый!

Затѣмъ, склонившись къ самому уху друга, Савкинъ добавилъ шепотомъ:

— Голубчикъ, не выдавайте... Если сможете, заговорите имъ зубы чѣмъ нибудь другимъ.

— Постараюсь,—предупредительно согласился Алексѣй Семеновичъ.

— Господа, пожалуйте въ гостиную, тамъ можно прослушать милѣйшаго доктора съ нѣкоторымъ комфортомъ, — предложилъ Кноповъ, нѣсколько также заинтересованный въ томъ, чтобы смотритель госпиталя остался при своемъ выигрышѣ, на долю котораго хозяинъ имѣлъ довольно основательное, хотя и секретное, право...

II.

Большинство игроковъ перешло въ гостиную съ кислой, недовольной миной. Проигравшись, какъ говорится, въ пухъ и прахъ, многіе мечтали поправить свои дѣлишки послѣ закуски, но мечтамъ этимъ не суждено было сбыться, благодаря неожиданному приглашенію хозяина — познакомиться съ послѣдними охотничьими похожденіями двухъ мѣстныхъ нимвродовъ. Подобное насилованіе воли показалось нѣкоторымъ даже неприличнымъ и недостойнымъ гостепріимнаго хозяина. Особенно возмущался совсѣмъ юный армейскій офицеръ Ходревъ просадившій смотрителю крупные остатки отъ прогонныхъ денегъ, полученныхъ имъ по переводу изъ Петербурга на крайній востокъ.

— Это чортъ знаетъ что такое!—кипятился юноша, задорно покручивая едва пробивающіеся усы. — Пригласили играть въ карты, а теперь хотятъ занять до солнечнаго восхода какими-то глупыми росказнями.

— Вы пошли-бы лучше домой спать,—предложилъ подпоручику съ добродушной усмѣшкой Алексѣй Семеновичъ, до слуха котораго долетѣла дерзкая фраза.

— Я спать не хочу!—вспылилъ Ходревъ, топорщась подобно молодому пѣтушку.

— Ишь, какой кипятокъ,—вмѣшался сѣдой капитанъ, ласково поглядывая изъ подъ нависшихъ, густыхъ бровей на взволнованнаго юношу. Этотъ отеческій взглядъ произвелъ на Ходрева успокоивающее впечатлѣніе.

— Простите, капитанъ, — извинился онъ, краснѣя до корня волосъ.

— Садитесь и слушайте,—покровительственнымъ тономъ проговорилъ капитанъ, указывая юношѣ мѣсто рядомъ съ собой.—Докторъ—занимательный разсказщикъ, онъ принесетъ вамъ двойную пользу: развлечетъ и успокоитъ ваши нервы, растроенные азартной игрой, и, кромѣ того, избавитъ васъ на сегодня отъ весьма дурной и опасной привычки всѣхъ игроковъ—отыгрываться.

Когда слушатели разсѣлись и закурили папиросы, Алексѣй Семеновичъ откашлялся и заговорилъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Я начну свое повѣствованіе о непріятной встрѣчѣ съ тигромъ съ сознанія, что принадлежу къ числу страстныхъ охотниковъ. Таковъ-же и мой милѣйшій коллега Николай Николаевичъ, съ которымъ вотъ уже третій мѣсяцъ я дѣлю всѣ удачи и неудачи, всѣ радости и невзгоды охотничьяго спорта. При какихъ обстоятельствахъ и гдѣ зародилась страсть къ охотѣ у Николая Николаевича —мнѣ неизвѣстно; но моя страсть, совѣстно сознаться, разрослась и окрѣпла на петербургскихъ болотахъ и въ особенности на кронштадтской косѣ, хорошо извѣстной всѣмъ охотникамъ острова Котлина. Уже съ гимназическаго возраста я сталъ глядѣть на охоту, какъ на лучшее и пріятнѣйшее развлеченіе. Свою охотничью карьеру я началъ съ безпощаднаго истребленія воробьевъ, которыхъ стрѣлялъ по огородамъ изъ благопріобрѣтеннаго за пять рублей одноствольнаго ружья, хотя и заплатаннаго въ двухъ мѣстахъ, но изумительнаго по бою. Когда мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, я купилъ, въ складчину съ однимъ товарищемъ, челнокъ, на которомъ и начали вдвоемъ совершать болѣе отдаленныя охотничьи экскурсіи, при

чемъ нерѣдко исчезали изъ дому, на страхъ и безпокойство чадолюбивыхъ родителей, на сутки и даже двое. Возвращались мы домой обыкновенно до нельзя уставшими, голодными, вымокшими, выпачканными въ грязи и тинѣ чуть ли не до маковки, но всегда бодрыми духомъ, а иногда даже торжествующими, когда удавалось приносить съ собой хотя по куличку. Студентомъ я охотился съ тѣмъ же пыломъ, но до кульминаціонной точки охотничьяго спорта поднялся въ Кронштадтѣ, куда попалъ тотчасъ же по выходѣ изъ академіи. Съ необъятнаго простора петербургскихъ болотъ я перенесся на узкую, длинную кронштадтскую косу, охота на которой регламентировалась многочисленными пунктами разныхъ правилъ и регулировалась крѣпостными жандармами, зорко слѣдившими, чтобы каждый куликъ былъ убитъ непремѣнно на законномъ основаніи „билетнымъ“ охотникомъ и при томъ въ указанномъ мѣстѣ. Подобное зоркое наблюденіе вполнѣ оправдывалось обстоятельствами, изъ которыхъ главное заключалось въ томъ, что на каждый экземпляръ „дичи“ приходилось не менѣе трехъ охотниковъ „билетныхъ“ и полъ дюжины браконьеровъ, нерѣдко добивавшихъ подстрѣленную птицу почти на глазахъ своихъ счастливыхъ и узаконенныхъ соперниковъ. Возникавшія при этомъ крупныя пререканія, если не поспѣвалъ вовремя крѣпостной жандармъ, разрѣшались обыкновенно обоюдной встрепкой. Нерѣдко надъ бездыханнымъ тѣломъ какого нибудь чахлаго бекаса происходили настоящія побоища: бились кулаками и прикладами, срывали другъ съ друга охотничьи доспѣхи, приводили въ безпорядокъ прическу, украшали физіономіи шишками, синяками и кровоподтеками. Бекасъ при такихъ условіяхъ доставался побѣдителю непремѣнно съ оборванными крыльями, обдерганнымъ хвостомъ, иногда безъ головы и ногъ, въ такомъ истерзанномъ и измятомъ видѣ, что даже самый опытный, ученый птицевѣдъ сталъ бы въ тупикъ, если бы его попросили указать классъ, къ которому нѣкогда при-

надлежало длинноногое „яблоко раздора"... Благодаря всѣмъ, только что указаннымъ мною обстоятельствамъ, охота на кронштадтской косѣ имѣла своеобразную прелесть. Надо было съумѣть не только розыскать и убить дичь, но и овладѣть ею безъ слишкомъ значительнаго ущерба для собственнаго достоинства. Многочисленные охотники стремились къ похвальному соревнованію, доходившему въ концѣ осени до гомерическихъ размѣровъ. Обыкновенно, къ этому времени оставался не уничтоженнымъ лишь какой нибудь хитрый подстреленный бекасъ, который ловко таился отъ собакъ и охотниковъ среди чахлой растительности злополучной косы. Убить этого шельмеца-бекаса или хромоногаго Ваську, какъ титуловался онъ кронштадтскими охотниками, — считалось своего рода подвигомъ, шедевромъ охотничьяго спорта. За неуловимымъ Васькой гонялись съ энергіей и неутомимостью, достойными инаго назначенія. Его розыскивали съ безпощадною настойчивостью. Пока онъ не падалъ бездыханнымъ отъ какогов нибудь роковаго, мѣткаго выстрѣла, всѣ мѣстные охотники находились обыкновенно въ какомъ то странномъ нервномъ возбужденіи. Несчастный бекасъ лишалъ ихъ аппетита, не давалъ спать. Всѣмъ страстно всегда хотѣлось овладѣть послѣднимъ охотничьимъ трофеемъ, съ исчезновеніемъ котораго охотничій сезонъ въ Кронштадтѣ считался оффиціально законченнымъ... И такъ, господа, вы видите, что я явился сюда, на крайній востокъ, со всѣми задатками истаго, горячаго охотника, достаточно искусившагося на петербургскихъ болотахъ и кронштадтской косѣ. Знакомство съ милѣйшимъ Николаемъ Николаевичемъ...

— Позвольте, господинъ докторъ,—неожиданно перебилъ разсказчика Ходревъ, — вы обѣщались разсказать намъ инцидентъ съ тигромъ, а между тѣмъ цѣлыхъ полчаса роетесь въ своихъ отдаленныхъ воспоминаніяхъ...

— Да, да, дѣйствительно,—спохватились нѣкоторые слушатели.

— Алексѣй Семеновичъ хочетъ заговорить намъ зубы, чтобы обойти молчаніемъ свои послѣднія наиболѣе интересныя охотничьи похожденія,—высказалъ свое предположеніе молодой морякъ, взглянувъ съ нескрываемой насмѣшкой на притаившагося въ углу Савкина.

— Эге-ге, какой вы хитрецъ, Алексѣй Семеновичъ,—воскликнулъ Кноповъ.

— Радѣющій за своего закадычнаго друга, — съ усмѣшкой добавилъ неугомонный Ходревъ, который никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что сидитъ въ гостиной, а не стоитъ возлѣ соблазнительнаго зеленаго стола.

—Ловко же вы научились втирать слушателямъ очки, шепнулъ сѣдоусый капитанъ, приложивъ ко рту ладони рукъ, подобно рупору.

— Помилуйте, господа, я совсѣмъ не съ тою цѣлью началъ свое повѣствованіе издалека, — сталъ оправдываться пойманный на хитрой уловкѣ докторъ.

— Безъ оправданій приступайте къ самой сути дѣла. Разсказывайте инцидентъ съ тигромъ безъ недомолвокъ и пропусковъ,—съ напускною властностью проговорилъ хозяинъ.—Призываю ко вниманію, господа!—обратился онъ къ шумѣвшимъ гостямъ.—Начинайте, Алексѣй Семеновичъ!

III.

Докторъ, прижатый, какъ говорится, къ стѣнѣ, не счелъ возможнымъ придерживаться прежней тактики и многозначительно взглянулъ на своего закадычнаго друга. Савкинъ сдѣлалъ рукой безнадежный жестъ: разсказывайте, молъ, все!.. Отъ этихъ проклятыхъ язвъ все равно не увильнете...

Алексѣй Семеновичъ понялъ выразительную пантомиму огорченнаго казначея и поспѣшилъ удовлетворить общее любопытство:

— И такъ, господа, продолжаю свой разсказъ...

— Вѣрнѣе сказать: начинаю, — задорно поправилъ Ходревъ.

Если меня будутъ перебивать, я не стану разсказывать и не медля уйду домой,—съ досадой проговорилъ докторъ, сердито поглядывая на задорнаго юношу.

— Господинъ подпоручикъ, извольте молчать и слушать!—шутливымъ начальническимъ тономъ произнесъ капитанъ.

Ходревъ притихъ. Съ минуту помолчавъ, словно выжидая со стороны молодого офицера еще какой нибудь выходки, докторъ приступилъ къ повѣствованію съ видимою рѣшимостью разсказать все безъ утайки:

— Считаю своимъ долгомъ прежде всего сдѣлать нѣкоторую поправку къ недавнимъ словамъ Николая Николаевича. Оппонируя Ананію Ивановичу, мой милѣйшій коллега сказалъ, что мы, будто-бы, наткнулись на тигра случайно, отправившись охотиться на птицу. Случайности въ свершившемся фактѣ встрѣчи съ хищникомъ не было никакой. Мы сами энергично искали тигра и нашли его...

Среди слушателей пронесся шепотъ изумленія и отчасти недовѣрія.

— Да, искали въ теченіи цѣлой недѣли, спокойно подтвердилъ Алексѣй Семеновичъ.—Вы, конечно, поинтересуетесь узнать: съ какою цѣлью мы шли почти на явную гибель? Цѣль была исключительно тщеславная: намъ хотѣлось похвастаться передъ знакомыми, особенно петербургскими, рѣдкимъ охотничьимъ трофеемъ— тигровой шкурой. Изъ столицы намъ уже не разъ присылали письменные упреки въ томъ, что мы, живя среди бенгальскихъ тигровъ и кровожадныхъ барсовъ, позволяемъ себѣ ограничиваться глупой охотой на фазановъ, что мы не закаляемъ своихъ нервовъ полезнымъ истребленіемъ разныхъ хищниковъ и не умѣемъ вполнѣ эксплоатировать здѣшнюю тропическую, почти дѣвственную, природу. Словомъ, насъ попрекали, ни больше ни меньше какъ въ позорной трусости. Первое время мы относились къ этимъ отдаленнымъ попрекамъ индифферентно, но въ концѣ концовъ насъ задѣли за живое и мы рѣ-

шились, послѣ долгаго и всесторонняго размышленія, перенести свою охотничью дѣятельность съ фазановъ на.... тигровъ. Конечно, мы дѣлали въ данномъ случаѣ слишкомъ гигантскій скачекъ въ области охотничьяго спорта, но намъ казалось, что скачекъ этотъ вполнѣ возможенъ при нашей.... самонадѣянности... И такъ, намъ страшно захотѣлось собственноручно добыть тигровую шкуру, а затѣмъ... и вторую, такъ какъ очень желали украсить свои кабинеты, соотвѣтствующими развѣшанному на стѣнахъ оружію, коврами съ грозно оскаленными мордами страшныхъ хищниковъ. Не откладывая въ долгій ящикъ своего рѣшенія, мы начали исподволь разузнавать: не ходитъ-ли поблизости тигръ? Долгое время наши распросы китайцевъ и корейцевъ были совершенно безрезультатны. Но вотъ, однажды къ намъ приходитъ маньцза *) Сандоху, которому мы обѣщали за извѣстіе о тигрѣ дать на водку серебряный рубль, и таинственно сообщаетъ, что „два солнца (дня) пройди есть ламаза **) кушай есть Цымухэ ***) одина бѣдная маньцзя“... Мы обрадовались этому извѣстію, словно нашли большой кладъ, отвалили Сандоху по серебряному рублю и приказали ему не разбалтывать о нашемъ намѣреніи отомстить за бѣднаго маньцза: тайно отъ всѣхъ, на слѣдующій-же день, мы вооружившись съ головы до ногъ, поскакали верхами по направленію къ Цымухэ, съ твердою рѣшимостью убить тигра осмѣлившагося полакомиться человѣческимъ мясомъ. Мы мчались сперва по сносной дорогѣ съ удивительною неустрашимостью, сгорая отъ нетерпѣнія сразиться съ грознымъ хищникомъ. Не стану описывать довольно длиннаго пути среди роскошной, непроницаемой зелени тропической растительности. Скажу только, что намъ приходилось то подыматься въ гору, то спускаться въ

*) Маньцзами зовутъ въ Оссурійскомъ краѣ всѣхъ пришлыхъ китайцевъ.

**) Китайское названіе тигра.

***) Цымухэ—рѣчка недалеко отъ Владивостока.

глубокія пади, переходить въ бродъ шумящіе горные ручьи, съ трудомъ пробираться по извилистой тропѣ, подъ фантастическимъ сводомъ сплетшихся кустарниковъ и винограда. Къ вечеру мы были уже на мѣстѣ кровавой трапезы тигра, охотно указанномъ за рубль однимъ встрѣчнымъ маньцзой—охотникомъ. Смятая окровавленная трава, да нѣсколько клочьевъ синей дабы *) доказывали, что именно здѣсь три дня тому назадъ шла отчаянная, неравная борьба беззащитнаго человѣка съ кровожаднымъ хищникомъ, что именно здѣсь тигръ растерзалъ свою жертву, унося ее останки въ какую нибудь ближайшую, таинственную чащу. Разглядывая слѣды этой ужасной борьбы, я началъ ощущать какую-то неотразимую жуткость. Мой милѣйшій коллега также значительно присмирѣлъ, какъ то разомъ осунулся и сталъ говорить неиначе какъ шепотомъ, словно онъ опасался, что хищникъ услышитъ его звучный басъ и пожелаетъ освѣдомиться: кто обладатель такого прекраснаго, богатырскаго голоса? Тѣмъ не менѣе рѣшимость сразиться съ тигромъ насъ пока не оставила, но конечно, не ночью. Въ виду наступавшихъ сумерокъ, мы поспѣшили добраться до ближайшей фаньцзы **), гдѣ и переночевали... Четыре дня мы прожили на Цымухэ, ежедневно выѣзжая съ восходомъ солнца на поиски, гдѣ-то притаившагося, тигра. Четыре дня неутомимо рыскали мы по тайгѣ, набираясь постепенно храбрости подъ впечатлѣніемъ очевидной для насъ трусости хищника, не рѣшавшагося покинуть свое таинственное логовище. Мы были убѣждены, что тигръ прячется именно отъ насъ, инстинктивно чувствуя грозящую ему опасность. Это убѣжденіе бодрило насъ и вливало въ наши сердца непоколебимое, казалось мужество. Съ каждымъ истекшимъ днемъ мы становились храбрѣе и храбрѣе, задорнѣй и смѣлей. Манцзи глядѣли на насъ съ без-

*) Даба—бумажная матерія, изъ которой китайцы шьютъ себѣ платье.

**) Фаньцза—китайскій домъ изъ глины.

граничнымъ уваженіемъ и чуть-ли не считали за какихъ-то сказочныхъ героевъ, свалившихся, по волѣ всемогущаго Будды, съ неба, чтобы избавить ихъ отъ грознаго хищника, наведшаго неотразимый ужасъ на цѣлый округъ. Мы не старались разубѣждать маньцзъ и принимали видимые знаки ихъ уваженія съ достоинствомъ, при чемъ пальма первенства въ данномъ случаѣ, отдаю справедливое предпочтеніе, находилась въ рукахъ милѣйшаго Николая Николаевича. Онъ на Цымухэ словно выросъ на цѣлую голову, а свою держалъ необыкновенно величественно и гордо, ходилъ важною, смѣлою поступью, говорилъ отрывисто, съ экспрессіей. Лицо его дышало не сокрушимою отвагою, а въ глазахъ горѣлъ огонь....

— Полноте, Алексѣй Семеновичъ, терзать меня, взмолился Савкинъ. Досказывайте скорѣй и пойдемте лучше домой... Право не вмоготу становится слушать васъ: ужъ очень вы размазываете...

— Развѣ я чѣмъ нибудь обидѣлъ васъ, милѣйшій Николай Николаевичъ? встревоженно спросилъ докторъ. Вѣдь я разсказываю только то, что было въ дѣйствительности....

— Знаю отлично, что все это было въ дѣйствительности, но тѣмъ не менѣе эта горькая дѣйствительность все нутро теперь мнѣ ворочаетъ, сознался Савкинъ и тяжело вздохнулъ, словно на его плечи навалили десятипудовый куль.

— Однако, докторъ, полно вамъ пререкаться съ Николаемъ Николаевичемъ, вмѣшался Кноповъ. — Пускай его терзается, а вы все таки разсказывайте безъ утайки.

— Да, да, продолжайте, „единогласно потребовали крайне заинтересованные слушатели, совершенно забывшіе уже о картахъ.

— Я уступаю большинству и потому продолжаю въ той-же послѣдовательности, спокойно проговорилъ Алексѣй Семеновичъ. Прошу вниманія, господа!.. И такъ, лицо Николая Николаевича (пожалуйста не стройте

мнѣ гримасъ, милѣйшій коллега) дышало несокрушимою отвагою, а въ глазахъ горѣлъ огонь несомнѣннаго скораго торжества и побѣды. Глядя на Николая Николаевича, я чувствовалъ свое ничтожество, признавалъ себя сравнительно съ нимъ, слабымъ пигмеемъ, потому что при всемъ своемъ наружномъ спокойствіи, я ощущалъ въ сердце какой-то неотразимый страхъ при одной мысли, что, рано или поздно, намъ придется встрѣтиться съ тигромъ, который, конечно, своей шкуры не уступитъ безъ отчаянной борьбы. Эта предстоящая борьба стала казаться мнѣ весьма рискованной и отчасти даже безумной, когда я началъ въ часы отдыха серьезно размышлять о задуманномъ нами предпріятіи. Я приходилъ къ постепенному сознанію, что мы сгоряча затѣяли непозволительную глупость, о чемъ и не преминулъ сообщить на пятый день нашего пребыванія на Цымухэ милѣйшему Николаю Николаевичу. Тотъ, выслушавъ меня, вскипѣлъ благороднымъ негодованіемъ, обозвалъ меня трусомъ и рѣшительно заявилъ, что идетъ на тигра одинъ, разъ я отказываюсь въ послѣдній моментъ раздѣлить съ нимъ славу предстоящаго геройскаго подвига. Въ виду такого рѣшительнаго заявленія, я несчелъ себя въ правѣ покинуть коллегу на единоборство съ грознымъ хищникомъ и согласился раздѣлить съ нимъ славу... Я, конечно, въ тотъ моментъ ничего не подозрѣвалъ... Однако, не стану забѣгать впередъ, потому что это непріятно для Николая Николаевича... Я даже не знаю, продолжать-ли мнѣ?... Мой милѣйшій коллега...

— Конечно, продолжайте,—зашумѣли слушатели, и забудьте на время о существованіи вашего закадычнаго друга. Вы вѣдь, разсказываете быль, а не охотничью небылицу?

— Разумѣется быль, въ которой главную роль игралъ Николай Николаевичъ... Вѣдь, это вѣрно, милѣйшій мой коллега? обратился докторъ къ сумрачному казначею... Вы, пожалуйста, отвѣтьте: вѣрно-ли это?

— Вѣрно,—чортъ возьми, промычалъ Савкинъ голосомъ на половину задавленнаго человѣка.

— Это откровенное сознаніе придастъ мнѣ смѣлость довести свое повѣствованіе до конца, съ облегченнымъ вздохомъ продолжалъ Алексѣй Семеновичъ.—И такъ, наступили пятыя сутки нашего пребыванія на Цымухэ, наступили и миновали вполнѣ благополучно. На слѣдующее утро прискакалъ съ сосѣдней фермы крайне встрѣвоженный маньцза и трепещущимъ отъ волненія голосомъ заявилъ намъ, что ломаза зарѣзалъ ночью лошадь и искалечилъ одного работника, вздумавшаго отбивать у хищника лакомую добычу. „Ѣдемте туда немедля“! энергично предложилъ Николай Николаевичъ, и мы поѣхали, захвативъ съ собой цѣлый арсеналъ всевозможнаго оружія, начиная съ винтовокъ Винчестера и кончая револьверами, топорами и ножами. Горя отвагой и мужествомъ, мой милѣйшій коллега ѣхалъ по извилистой тропѣ впереди, а я слѣдомъ, въ шагахъ десяти. Дорогу мы знали хорошо, такъ какъ изъѣздили всю округу, въ теченіи истекшихъ пяти дней, вдоль и поперекъ. Проѣхали версты двѣ благополучно. Кругомъ господствовала мертвая, подавляющая тишина, словно вся тайга замерла въ ожиданіи чего-то таинственнаго. Ни звука, ни шороха! Столѣтнія, гигантскія деревья, опутанныя вьющимися растеніями, тянулись справа и слѣва непрерывными, мрачными линіями; ихъ пышныя, мохнатыя вершины рельефно вырисовывались на ясномъ безоблачномъ небѣ. Густолиственный подлѣсокъ образовалъ по бокамъ узкой тропы непроницаемыя завѣсы роскошной красоты, скрывавшія отъ нашихъ внимательныхъ взоровъ нѣдра таинственной тайги. Окружающее мертвенное безмолвіе дѣйствовало на мою душу угнетающимъ образомъ. Я инстинктивно чувствовалъ, что въ этомъ удивительномъ безмолвіи таится какая-то неясная но вмѣстѣ съ тѣмъ страшная, опасность. Мнѣ казалось, что мы ѣдемъ по тайгѣ съ легкомысленною безпечностью хотя и держали свои винтовки въ полной готовности.

Мысленно обсуждая наше положеніе среди непроницаемой чащи, на извилистой тропинкѣ, я пришелъ къ убѣжденію, что весьма легко можемъ сдѣлаться объектомъ неожиданнаго нападенія хищника, при чемъ едва-ли успѣемъ принять какія либо мѣры къ отраженію подобнаго нападенія, для котораго нуженъ былъ лишь одинъ хорошій прыжокъ. Я счелъ необходимымъ высказать свои опасенія Николаю Николаевичу, но только что раскрылъ ротъ, чтобы окликнуть его, какъ вдругъ ближайшая чаща огласилась такимъ ужасающимъ ревомъ, что я положительно оцѣпенѣлъ. Волоса на головѣ задыбились. По всему тѣлу пробѣжалъ, съ быстротою электрическаго тока, нестерпимый ознобъ. Прежде, чѣмъ я могъ что либо сообразить, моя лошадь шарахнулась въ бокъ и выбросила меня изъ сѣдла въ самую гущу какого-то колючаго кустарника, при чемъ всѣ мои боевые доспѣхи размѣтались въ разныя стороны... Насилу потомъ розыскалъ ихъ!...

— А Николай Николаевичъ?.. Что-же дѣлалъ въ это время Николай Николаевичъ? посыпались со всѣхъ сторонъ нетерпѣливые вопросы.

— Мой милѣйшій коллега,—поспѣшилъ удовлетворить общее любопытство докторъ,—испугался тигроваго рева еще больше, чѣмъ я. Завопивъ самымъ отчаяннымъ голосомъ: „стрѣляйте, стрѣляйте“! онъ понесся во всю лошадиную прыть неизвѣстно куда, оставивъ меня одного въ самомъ безпомощномъ положеніи... Впрочемъ, еще въ худшемъ положеніи онъ очутился вскорѣ и самъ: судьба покарала его за коварную измѣну,—добавилъ Алексѣй Семеновичъ съ добродушной усмѣшкой и замолчалъ.

— Что же вы смолкли? Доканчивайте свой разсказъ!—поощрительно проговорилъ Кноповъ, радѣя за гостей, любопытство которыхъ достигло высшаго напряженія.

Докторъ слегка откашлялся и продолжалъ съ прежней усмѣшкой:

— Мнѣ остается сказать всего нѣсколько словъ... Николаю Николаевичу удалось отъѣхать отъ меня не болѣе пятидесяти саженъ, какъ вдругъ онъ задѣлъ многочисленными ремнями своихъ охотничьихъ доспѣховъ за какой-то предательскій сукъ и комично повисъ надъ тропинкой, словно приманка для любого хищника... Этотъ-то моментъ и былъ самымъ знаменательнымъ изъ нашей охотничьей экскурсіи... — Алексѣй Семеновичъ опять смолкъ.

— А тигръ?.. Куда же дѣвался тигръ? Какъ удалось все таки вамъ отдѣлаться отъ хищника?—посыпались нетерпѣливые вопросы.

— Тигра намъ не посчастливилось узрѣть, — съ комическимъ сожалѣніемъ отвѣтилъ докторъ.—Онъ, повидимому, испугался отчаяннаго вопля моего милѣйшаго коллеги и поспѣшилъ притаиться въ наиболѣе недоступной чащѣ тайги... На слѣдующій день мы благополучно вернулись домой, давъ себѣ слово не мечтать никогда о собственноручномъ пріобрѣтеніи тигровыхъ шкуръ и ограничиться впредь охотой на птицу: занятно и безопасно.

— Ну, смотрите, будьте осторожней,—замѣтилъ сѣдой капитанъ. — Здѣсь часто случается, что идутъ на фазана, а встрѣчаются съ какимъ нибудь хищникомъ. Я подтверждаю слова Николая Николаевича.

— Типунъ вамъ на языкъ!—добродушно воскликнулъ Алексѣй Семеновичъ и даже отплюнулся.

— Однако, господа, пора по домамъ: уже седьмой часъ на исходѣ,—напомнилъ всѣмъ Кноповъ, поглядывая на часы.

Гости шумно поднялись и стали прощаться съ гостепріимнымъ и въ то же время эксцентричнымъ хозяиномъ,

IV.

Закадычные друзья, докторъ и казначей, вышли отъ Кнопова въ числѣ первыхъ, торопясь домой съ соглас-

ною цѣлью собраться, какъ можно скорѣй, на предположенную еще наканунѣ охоту на фазановъ. Савкинъ шелъ хмурый и сосредоточенный, слегка морщась отъ яркихъ солнечныхъ лучей, привѣтливо разсыпавшихся по всему проснувшемуся городу изъ-за мохнатой вершины куполоподобнаго холма.

Полдороги прошли молча. Савкинъ, видимо, дулся на своего друга и не желалъ завести съ нимъ обычнаго разговора, на излюбленную тему объ охотничьемъ спортѣ. Докторъ также хранилъ первое время молчаніе, но наконецъ ему стало не въ моготу и онъ обратился къ казначею съ добродушнымъ вопросомъ:

— Съ чего вы такой сумрачный, мой милѣйшій коллега?

— И онъ еще спрашиваетъ!—съ невыразимою горечью воскликнулъ Савкинъ, неожиданно останавливаясь и съ укоромъ оглядывая невзрачную фигурку своего друга.

— Вы сердитесь на меня?.. За что!?—несказанно удивился Алексѣй Семеновичъ, разводя въ недоумѣніи руками.

— Какой наивный вопросъ!—съ прежнею горечью произнесъ Савкинъ.—Вы, вѣдь, меня сегодня безъ ножа зарѣзали!—добавилъ онъ съ рѣзкой досадой, совершенно обезкуражившей добродушнаго доктора.

— Вы недовольны моимъ разсказомъ, но право я тутъ не причемъ,—началъ оправдываться Алексѣй Семеновичъ.—Я разсказалъ о нашей послѣдней охотничьей экскурсіи съ вашего благосклоннаго разрѣшенія.

— Съ моего благосклоннаго разрѣшенія!?—съ сердцемъ повторилъ Савкинъ послѣднія слова доктора.—Да, вѣдь, васъ заставили бы разсказать и безъ этого вынужденнаго разрѣшенія. Народъ, вѣдь, собрался у Кнопова неотвязчивый! Ну, вы бы и разсказали въ нѣсколькихъ словахъ, а то размазали почти на два часа... Два цѣлыхъ часа мотали мою душу и терзали мое сердце! Это жестоко съ вашей стороны!

— Помилуйте, Николай Николаевичъ, вы несправедливы: сами просили меня, чтобы я заговорилъ зубы слушателямъ, а теперь сердитесь, что я исполнилъ вашу просьбу. Я, вѣдь, нарочно тянулъ разсказъ, чтобы какъ нибудь не договорить финала. Я не имѣлъ никакого злаго умысла противъ васъ,—продолжалъ оправдываться докторъ чуть не со слезами на глазахъ.

— Я вамъ вѣрю,—смягченнымъ тономъ вымолвилъ Савкинъ, протягивая руку,—но все-таки зачѣмъ вы представили меня въ такомъ комичномъ видѣ? Забыть этого не могу!

— Я мстилъ вамъ за то, что вы покинули меня на съѣденіе тигра,—съ добродушной усмѣшкой отвѣтилъ Алексѣй Семеновичъ.—Я также не могу забыть подобнаго съ вашей стороны предательства. Вамъ, конечно, неизвѣстно, какія душевныя терзанія я вытерпѣлъ, когда вдругъ увидѣлъ себя совершенно одинокимъ и при томъ обезоруженнымъ, чуть ли не рядомъ съ кровожаднымъ хищникомъ. Я едва не померъ со страху. Мнѣ чудилось, что тигръ притаился всего въ нѣсколькихъ шагахъ... Еще моментъ, и онъ вопьется своими страшными клыками въ затылокъ беззащитной жертвы! Ахъ, какъ было мнѣ тогда скверно! Я съ мучительнымъ трепетомъ ждалъ неминуемой смерти, совершенно парализованный ужасомъ. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ я пережилъ всѣ муки ада... Вы, разумѣется, испытали нѣчто подобное?

— Что я испыталъ—не могу до сихъ поръ дать себѣ яснаго отчета. Охваченный паническимъ страхомъ, я мечталъ только о спасеніи собственной шкуры. Когда же злополучный сукъ поддѣлъ меня, мнѣ показалось, что я уже въ лапахъ хищника. Въ этотъ моментъ я потерялъ сознаніе и даже не припомню, какъ сняли вы меня съ импровизированнаго крюка...

— А помните-ли,—лукаво перебилъ друга Алексѣй Семеновичъ,—какъ мы оба проклинали въ тотъ злополучный день охоту вообщее и грозились не брать впредь въ руки даже ружья?

— Это дѣйствительно было,—разсмѣялся Савкинъ.— Мы разсуждали тогда, какъ идіоты, а черезъ сутки, когда впечатлѣнія нѣсколько смягчились, начали мечтать о новой охотничьей экскурсіи...

— Исключительно на фазановъ и, пожалуй, болотную дичь,—весело добавилъ докторъ, размашисто шагая рядомъ съ Савкинымъ по направленію къ небольшому собственному дому-особняку, пріютившемуся среди густой зелени пробковыхъ деревьевъ, орѣха и винограда.

— Конечно, только на птицу, да и на ту будемъ охотиться съ должною осторожностью: не станемъ въ глушь забираться... А если, неровенъ часъ, и встрѣтимся съ какимъ нибудь бродягой —хищникомъ, то немедля благородно ретируемся, глубокомысленно разсуждалъ казначей съ апломбомъ полководца.

Докторъ невольно расхохотался.

— Что вамъ смѣшно?—обидчивымъ тономъ спросилъ Савкинъ.

— Ваши слова напомнили нашу послѣднюю „благородную ретираду", и мнѣ сдѣлалось вдругъ чрезвычайно весело, — отвѣтилъ Алексѣй Семеновичъ, продолжая смѣяться.—Какъ вы думаете, милѣйшій коллега, можетъ ли повториться что либо подобное?

Казначей съ нѣмымъ укоромъ взглянулъ на друга, но спустя нѣсколько секундъ рѣшительно проговорилъ:

— Никогда, Алексѣй Семеновичъ, никогда!.. Мы достаточно закалены и тигроваго рева уже не испугаемся!

— Конечно,—согласился докторъ и затѣмъ прибавилъ:—а не отложить ли намъ охоту на фазановъ до завтра?.. Ужасно спать хочется: вѣдь, мы всю ночь глазъ не сомкнули...

— Ахъ, вы рохля эдакая, ахъ, вы, соня! — началъ съ сердцемъ срамить Савкинъ.—Ночь не поспали и уже размякли. Да развѣ заправскіе охотники такіе!? Я, напримѣръ, могу недѣлю не спать,—похвастался казначей, если имѣется въ виду хорошая охота, въ родѣ сегодняшней...

— Да, вѣдь, поздно: сегодня не успѣемъ вернуться домой.

— Что-жъ такое!?.. Заночуемъ въ любой зимовкѣ, а тамъ ихъ два: одно—въ верстахъ десяти отсюда, а другое—чуть-чуть подальше, на самомъ берегу Лянчи-хэ. А ѣхать непремѣнно сегодня надо: иначе Краевъ, со своей проклятой собакой, выслѣдитъ нашъ выводокъ и перестрѣляетъ однимъ махомъ.

— Вы правы,—согласился докторъ.—Э-эхъ, жалко,—добавилъ онъ спустя нѣсколько секундъ, что у насъ нѣтъ такой славной собаки, какъ у Краева: вотъ бы дѣловъ надѣлали!

— А нашъ Нептунъ чѣмъ дуренъ?—заступился Савкинъ за „общаго" охотничьяго ублюдка, съ трудомъ добытаго у одного солдата-охотника.

Хорошъ-то онъ хорошъ, да только больше дичь пугаетъ, чѣмъ ищетъ. Вамъ, вѣдь, извѣстно, что Нептунъ натасканъ на козъ, за которыми привыкъ гоняться съ поводка. Вотъ почему онъ никакъ не можетъ справиться съ фазанами: вѣчно они проводятъ его и горячатъ... Ну, вотъ, мы и дома,—разомъ перемѣнилъ тему разговора докторъ, -входя на деревянное крылечко съ рѣзными перилами.—А славно было бы теперь отдохнуть часокъ-другой,—добавилъ онъ, зѣвая во весь ротъ.

— И не помышляйте!—энергично замахалъ обѣими руками Савкинъ.—Петръ, эй, Петръ,—грубо крикнулъ онъ вѣстовому-солдату, копошившемуся на дворѣ у конюшни, — сѣдлай живо лошадей: на охоту ѣдемъ! Чтобъ черезъ полчаса все было готово! Поворачивайся, глупая ворона! Смотри, побереги свою морду!

Ишь орелъ какой выискался, — злобно проворчалъ себѣ подъ носъ Петръ и скрылся въ конюшнѣ исполнять господское приказаніе. Спустя минуту, онъ уже вывелъ на дворъ пару неказистыхъ коней, купленныхъ спеціально для охотничьихъ экскурсій у мѣстныхъ маньцзъ.

— Видите, какъ я вышколилъ,—самодовольно вы-

молвилъ Савкинъ, поглядывая изъ окна и торопливо напяливая на свою довольно тучную фигуру фантастическій охотничій костюмъ—смѣсь тирольскаго, венгерскаго и польскаго съ гусарскимъ ментикомъ и параднымъ мундиромъ егеря императорской охоты.

— Вижу, но у вашего лакея скоро не останется во рту ни одного зуба: ужъ очень вы часто и жестоко бьете его по мордасамъ, — вырвался у доктора невольный упрекъ.

— Нельзя иначе съ ними, нельзя: народъ отпѣтый!— рѣшилъ Савкинъ, перетягивая животъ патронташемъ, въ гнѣздахъ, котораго блестѣли ярко вычищенныя мѣдныя гильзы.

Между тѣмъ „вышколенный лакей" съ изумительной быстротой сѣдлалъ лошадей, все ворча съ прежнимъ озлобленіемъ:

— Кажинный день слышишь только одну ругань, кажинный день „онъ" наровитъ кулачищами въ морду хляснуть. Радъ, вишь, что Господь-Богъ силой богатырской наградилъ!.. Э-эхъ, если-бы когда-либо онъ попалъ въ мои руки!—заскрежеталъ Петръ зубами.—Натѣшился я бы надъ нимъ вдосталь... Да, впрочемъ, и теперь удружу ему!—И вѣстовой незамѣтно сунулъ подъ потникъ казначейскаго жеребца изрядную вѣтку колючей азаліи, густо разросшейся возлѣ самой конюшни. Жеребецъ фыркнулъ и сердито отмахнулся хвостомъ, словно отгоняя назойливыхъ оводовъ. Петръ злорадно ухмыльнулся:

— Попадетъ ему теперь на орѣхи! Авось, шею свернетъ окаянный!..

V.

— Готово ли у тебя, толстомордое животное?—нетерпѣливо крикнулъ изъ окна Савкинъ, пыхтя надъ тяжестью многочисленныхъ охотничьихъ доспѣховъ: двуствольнаго ружья, патронташа, длиннаго ножа, фляги

съ водкой, револьвера, взятаго на всякій случай и наконецъ ягташа, временно наполненнаго разной закуской. Помимо крупныхъ предметовъ не мало навѣшано было на Савкинѣ разной необходимой мелочи, въ родѣ свистка для собаки, казацкой нагайки для коня, а также и для ротозѣевъ маньцзъ, часовъ съ многочисленными брелоками, маленькаго бинокля въ футлярѣ и такъ далѣе.

— Готово ли у тебя тамъ, распротоканалья анафемская? -заревѣлъ вторично казначей, не дождавшись „моментальнаго" отвѣта.

— Готово, пожалуйте, — угрюмо отрапортовалъ Петръ, подводя къ крыльцу казначейскаго жеребца и предоставляя, ранѣе вышедшему, доктору усѣсться на своего коня поспособности.

Алексѣй Семеновичъ былъ одѣтъ, сравнительно со своимъ другомъ, чрезвычайно просто и даже нищенски: въ старенькій, заплатанный пиджакъ изъ легкой матеріи и въ грязный, засаленный картузъ съ большимъ козырькомъ, хорошо предохранявшимъ глаза отъ яркихъ солнечныхъ лучей. У сѣдла былъ притороченъ теплый пледъ на случай возможнаго пониженія температуры послѣ захода солнца. Охотничьи доспѣхи скромнаго доктора ограничивались ружьемъ, патронташемъ и... зонтикомъ, подъ который почтенный эскулапъ и не замедлилъ спрятаться отъ палящаго дневнаго свѣтила, разсыпавшаго свои дары съ чрезмѣрною любезностью.

Савкинъ вышелъ на крыльцо ахиллесовской, опереточной походкой, позванивая своими охотничьими доспѣхами. Увидѣвъ доктора подъ зонтикомъ онъ ужаснулся:

— Вы Бога не боитесь, Алексѣй Семеновичъ, и людей не стыдитесь! Виданное ли это дѣло, чтобы на охоту ѣхать съ цѣлымъ парашютомъ!

— Солнце очень печетъ, мой милѣйшій коллега,— спокойно заявилъ докторъ. Подъ зонтикомъ весьма хорошо. Совѣтую и вамъ прихватить этотъ спасительный инструментъ...

— Ни за что, ни за какія деньги!—завопилъ Савкинъ возмущеннымъ тономъ. — „Истый охотникъ“ долженъ стойко выносить и солнце, и дождь, и холодъ, и вѣтеръ, и жажду и голодъ!

— Зачѣмъ же вы тогда набили свой ягташъ закусками, а походную полуведерную флягу налили живительнымъ напиткомъ?—не безъ ехидства спросилъ Алексѣй Семеновичъ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ? растерянно началъ повторять казначей, пойманный врасплохъ и съ поличнымъ.—Да затѣмъ, чтобы ѣсть и пить! — вдругъ выпалилъ онъ, всовывая лѣвую ногу въ стремя.

— Ну, то-то же, господинъ истый охотникъ,—съ комическою почтительностью произнесъ докторъ и тронулъ свою лошадь къ отвореннымъ воротамъ, но тотчасъ же затянулъ поводья и разразился неудержимымъ хохотомъ, при видѣ неожиданнаго сальтомортале, продѣланнаго „истымъ охотникомъ“.

— Ха, ха, ха! Что съ вами, милѣйшій коллега!?

— Со мной ничего, а съ лошадью что-то случилось, — угрюмо проворчалъ нѣсколько ошеломленный Савкинъ, поднимаясь съ земли.—Я только что хотѣлъ сѣсть, и она шарахнулась... Держи, окаянный, лошадь, какъ слѣдуетъ, а то скулу насторону сворочу!—набросился казначей на вѣстоваго. Тотъ невозмутимо сталъ успокаивать жеребца:

— Тпру, стой!.. Ишь, заигралъ.

— Да что съ нимъ такое?—съ озадаченной физіономіей спросилъ Савкинъ, берясь лѣвой рукой за сѣдельную луку.

— Малость спина у него натерта,—съ тою же невозмутимостью отвѣтилъ Петръ.—Садитесь, ваше высокоблагородіе, разомъ, смѣлѣй, — посовѣтовалъ онъ. „Конь поиграетъ и успокоится“...

Савкинъ принялъ совѣтъ во вниманіе и ловко вскочилъ въ глубокое мексиканское сѣдло. Жеребецъ, словно обезумѣлъ, рванулся и съ мѣста понесся полнымъ карье-

ромъ. Докторъ едва поспѣвалъ на своемъ иноходцѣ за казначеемъ, который съ трудомъ держался въ сѣдлѣ, ухватившись обѣими руками за луку и гриву. Прохожіе съ удивленіемъ глядѣли на отчаянныхъ кавалеристовъ-охотниковъ и долгое время провожали ихъ насмѣшливыми взглядами. Бродячіе собаки, поощряемые быстроногимъ, вѣрнымъ Нептуномъ, бросались съ неистовымъ лаемъ въ догонку за казначейскимъ жеребцомъ, норовя ухватить его за морду или заднюю ногу. Это нѣкоторымъ псамъ удавалось, что значительно разжигало обезумѣвшаго жеребца, продолжавшаго мчаться по ухабистымъ, городскимъ улицамъ, грозя растоптать зазѣвавшихся инородцевъ... Но вотъ городъ остался позади, вмѣстѣ съ измученными гонкой собаками. Взмыленный конь началъ постепенно умѣрять свой безумный бѣгъ и вскорѣ перешелъ на мелкую рысь. Савкинъ счелъ возможнымъ разстаться съ лошадиной гривой и взялъ въ руки брошенные поводья. Онъ могъ теперь управлять своимъ жеребцомъ, что наполняло его сердце понятною гордостью. Онъ торжествовалъ, что усидѣлъ въ сѣдлѣ и выказалъ себя всему городу лихимъ, смѣлымъ наѣздникомъ. Его тщеславіе было вполнѣ пока удовлетворено, хотя это удовлетвореніе обошлось ему довольно дорого, какъ въ матерьяльномъ, такъ и въ физическомъ отношеніяхъ. Во первыхъ, онъ посѣялъ, во время бѣшенной скачки, большую часть заготовленной закуски и потерялъ бинокль, сорвавшійся съ ремня. Во вторыхъ, онъ былъ положительно разбитъ. Охотничьи доспѣхи, въ особенности ружье, не оставили на тѣлѣ ни одного живаго мѣста. Ерзавшіе ружейные стволы не только протерли насквозь фантастическій костюмъ, но и оставили на мускулистой спинѣ казначея очень замѣтный и при томъ крайне болѣзненный слѣдъ. Тѣмъ не менѣе Савкинъ сохранилъ полное самообладаніе и на вопросъ подъѣхавшаго доктора: „какъ онъ себя чувствуетъ?“ — отвѣтилъ съ напускнымъ оживленіемъ:

— Отлично! Эта неожиданная скачка подѣйствовала

на меня благотворнымъ образомъ: я хотѣлъ, сознаюсь откровенно, раньше спать, а теперь сонъ какъ рукой сняло. Чувствую себя совершенно бодрымъ.

— Очень радъ, милѣйшій коллега, а я, признаюсь, очень опасался, что вы повторите свое сальтомортале, но только въ болѣе грандіозномъ размѣрѣ.

— Еще что выдумали!.. Вѣдь, не первый годъ ѣзжу на лошади, — съ удивительнымъ самохвальствомъ воскликнулъ Савкинъ. „Вы видите",—добавилъ онъ спустя минуту,—я укротилъ своего жеребца; онъ сталъ покоренъ, словно ягненокъ, и слушается малѣйшаго движенья поводьями.

— Вижу, вижу, но что будетъ дальше? Вѣдь, спина то у него натерта,—напомнилъ докторъ.

Въ это время охотники поднялись на вершину холма, съ котораго пришлось спускаться въ зеленѣющую падь по очень крутому склону.

— Слѣзьте, милѣйшій коллега, съ коня и ведите его лучше въ поводу,—посовѣтовалъ Алексѣй Семеновичъ.

— Это лишнее, — самоувѣренно проговорилъ Савкинъ, молодцовато приподнимаясь на стременахъ. Откинувъ немного назадъ корпусъ и выбравъ въ тугую поводья, онъ началъ осторожно съѣзжать по крутой тропинкѣ, усыпанной мелкими валунами. Въ этотъ моментъ плохо подтянутая подпруга сдала и сѣдло стало медленно ползти на гриву жеребца, раздирая ему спину колючей азаліей, вложенной подъ потникъ мстительнымъ вѣстовымъ. Жеребецъ не могъ вынести нестерпимой боли и, закусивъ удила, стремглавъ понесся подъ гору, вздымая копытами облака ѣдкой известковой пыли.

Алексѣй Семеновичъ положительно оцѣпенѣлъ при видѣ страшной опасности, въ которой неожиданно очутился его „милѣйшій коллега", и съ нѣмымъ ужасомъ слѣдилъ съ вершины холма за бѣшеной скачкой обезумѣвшаго жеребца. Прошло нѣсколько секундъ, пока-

завшихся для доктора цѣлою вѣчностью. Вдругъ жеребецъ споткнулся, сдѣлалъ подъ гору какой-то неестественный, громадный прыжокъ и затѣмъ все скрылось въ тучахъ, разомъ поднявшейся, известковой пыли. Алексѣй Семеновичъ невольно зажмурилъ глаза, подумавъ съ трепетомъ: „шабашъ нѣтъ его больше въ живыхъ“! Но, какъ бы въ опроверженіе этой страшной мысли, неожиданно раздался въ отдаленіи озлобленный крикъ Савкина:

— У, проклятый! Чтобы тебѣ не было ни дна, ни покрышки!

Докторъ съ радостнымъ удивленіемъ раскрылъ глаза. Пыль улеглась, и взорамъ просвѣтлѣвшаго Алексѣя Семеновича представилась траги-комическая картина; казначейскій жеребецъ недвижно лежалъ въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей ниже, навалившись корпусомъ на стоявшій съ краю тропинки приземистый дубъ, а злополучный Савкинъ, угодившій съ розмаху въ самую гущу ближайшаго подлѣска, неистово ругался, тщетно силясь выбраться изъ цѣпкихъ и одновременно острыхъ объятій разнообразнаго кустарника и винограда:

— Алексѣй Семеновичъ, что вы глазѣете!? Да помогите же мнѣ выбраться изъ этой проклятой заросли!.. Вѣдь, на мнѣ живаго мѣста нѣтъ!

Докторъ, слѣзъ съ лошади, бѣгомъ бросился на помощь „милѣйшему коллегѣ“, такъ счастливо избавившемуся отъ смертельной опасности. Спустя нѣсколько минутъ, „истый охотникъ“ уже былъ на свободѣ, но въ такомъ растерзанномъ видѣ, что возбуждалъ жалость и вмѣстѣ съ тѣмъ невольный смѣхъ. Фантастическій охотничій костюмъ Савкина превратился въ лохмотья; отъ гусарскихъ въ обтяжку брюкъ остались одни клочья; изъ охотничьихъ доспѣховъ сохранились на своихъ мѣстахъ только патронташъ, наполовину, впрочемъ, опустошенный, револьверъ и нагайка. Остальное все было разметано, при паденіи, по кустамъ и травѣ. Что касается самого Савкина, то, безъ головнаго убора, куда-то ис-

чезнувшаго, съ растрепанными волосами, съ исцарапаннымъ лицомъ, онъ глядѣлъ на своего друга съ такимъ сконфуженнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ грустнымъ видомъ, что Алексѣй Семеновичъ даже прослезился и спросилъ съ сердечнымъ, теплымъ участіемъ:

— Ну, что милѣйшій коллега, очень ушиблись?

— Да, порядочно... Живаго мѣста, кажется, нѣтъ. Все тѣло ломитъ, — началъ жаловаться Савкинъ, понижая тонъ до минорнаго. „А какъ больно ружьемъ по затылку хляснуло“—заговорилъ онъ о болѣе искалеченномъ мѣстѣ.—Взгляните-ка, какая здоровая шишка вскочила...

Докторъ ощупалъ опытной рукой затылокъ своего „милѣйшаго коллеги“ и убѣдился, что шишка вскочила дѣйствительно весьма здоровая.

— Что мы будемъ теперь дѣлать?—жалобно спросилъ Савкинъ послѣ медицинскаго освидѣтельствованія.

— Доѣдемте до перваго ручейка. Я васъ обмою, сдѣлаю перевязку и вообще приведу въ порядокъ, а затѣмъ вернемтесь домой,—высказалъ свой планъ дѣйствій Алексѣй Семеновичъ, любовно поглядывая на друга.

— Противъ первой половины вашей программы я ничего не имѣю, а со второй—согласиться не могу,— заартачился казначей. — Я не хочу возвращаться домой, когда мы почти уже на мѣстѣ предположенной охоты: остается сдѣлать не болѣе двухъ верстъ...

— А на комъ же вы сдѣлаете эти двѣ версты?— задалъ неожиданный вопросъ докторъ, посматривая на распростертую тушу казначейскаго жеребца.—Вѣдь ваша лошадь, кажется, капутъ?..

— Какъ капутъ!?—неистово заревѣлъ Савкинъ, ничего не соображая.

— Расшиблась на смерть о дубъ... Взгляните,—предложилъ Алексѣй Семеновичъ, направляясь къ недвижно лежащему жеребцу.

Казначей съ большимъ трудомъ, ежеминутно охая, послѣдовалъ за докторомъ.

„Этого еще не хватаетъ, чтобы мой Васька пропалъ“—

угрюмо думалъ онъ, шагая къ злополучному дубу.— Вѣдь, я за него шестьдесятъ рублей заплатилъ... Отличный, добрый конь былъ... Жалко его, очень жалко!..

— Вашъ жеребецъ живъ: онъ только ошеломленъ паденіемъ! — радостно крикнулъ Алексѣй Семеновичъ, который уже успѣлъ „освидѣтельствовать" своего втораго „паціента".

— Слава Богу!—обрадовался, въ свою очередь, Савкинъ и въ припрыжку побѣжалъ къ дубу, забывъ на время ноющую боль въ затылкѣ и нестерпимую ломоту во всемъ тѣлѣ.

Докторъ оказался на высотѣ своей ученой степени. Казначейскій жеребецъ дѣйствительно былъ только оше ломленъ. Разсѣдланный дружными усиліями двухъ охотниковъ, онъ вскорѣ всталъ на ноги, потряхивая мохнатой мордой, которую поспѣшилъ лизнуть нѣсколько разъ вѣрный Нептунъ, принимавшій большое участіе во всѣхъ передрягахъ и радостяхъ своихъ господъ.

— Посмотрите, какъ натерло ему спину,—указалъ Савкинъ на истерзанный хребетъ жеребца. — Положительно недоумѣваю: чѣмъ именно натерло?

— Не этимъ ли? — спросилъ докторъ, вытряхивая изъ потника измятый остатокъ колючей азаліи.

Савкинъ неожиданно вскипѣлъ бурнымъ негодованіемъ. Цѣлый потокъ самой отборной ругани излился изъ его широкаго горла на отсутствующаго вѣстоваго, котораго казначей сталъ подозрѣвать въ зломъ умыслѣ, достойномъ самаго безпощаднаго возмездія.

— Вамъ теперь вредно волноваться, мой милѣйшій коллега,—началъ докторъ успокаивать расходившагося друга.—Да и какое имѣете вы основаніе обвинять во всемъ несчастнаго Петра? Мнѣ кажется, колючая азалія попала подъ потникъ совершенно случайно...

— Знаю я эту случайность отлично! — со злобою перебилъ Савкинъ.—Этотъ негодяй способенъ еще на худшее—укокошить меня! Онъ всегда глядитъ на меня такимъ волкомъ!

— Сами виноваты. Зачѣмъ вы озлобили его своею жестокою придирчивостью?—съ мягкимъ укоромъ проговорилъ Алексѣй Семеновичъ.

— Я ему покажу! Я его въ порошокъ изотру!—продолжалъ кипятиться казначей, любовно оглядывая измореннаго жеребца.

— Для этой операціи необходимо сейчасъ же вернуться домой,—шутливо произнесъ докторъ, усаживаясь на своего иноходца и прячась опять подъ раскрытый зонтикъ отъ палящихъ лучей полуденнаго солнца. Онъ отлично зналъ, какъ направить теченіе мыслей друга въ иную сторону.

— Ни за что, ни за что!—энергично запротестовалъ Савкинъ.—Слѣзайте съ лошади и помогите мнѣ розыскать растерянныя вещи и осѣдлать жеребца... Мы поѣдемъ дальше! Я не привыкъ измѣнять своего охотничьяго маршрута со свойственнымъ вамъ малодушіемъ! Я не вернусь домой, пока не набью фазановъ столько, чтобы негодный Краевъ съ зависти лопнулъ!

— Вѣдь, вы расшиблись, милѣйшій коллега, — напомнилъ докторъ... Можно ли при такихъ условіяхъ думать объ охотѣ?

— Вы разсуждаете не какъ „истый охотникъ“!—съ презрительнымъ укоромъ воскликнулъ Савкинъ...—Вы малодушествуете при каждой неудачѣ. Что касается меня— я готовъ за каждаго убитаго фазана кувырнуться подобнымъ же образомъ съ лошади хоть по пяти разъ! Даже охотничьяго костюма не жалко, право не жалко...

— А затылка?—усмѣхнулся Алексѣй Семеновичъ.

— Все равно! Все трынъ-трава! — молодецки крикнулъ казначей, охваченный неудержимымъ охотничьимъ пыломъ.

Докторъ развелъ только руками и молча слѣзъ съ иноходца, чтобы помочь „милѣйшему коллегѣ“ собраться въ дальнѣйшій путь.

VI.

Было уже около двухъ часовъ пополудни, когда наши охотники оставили злополучную падь и выѣхали шажкомъ на песчаный берегъ громаднаго Амурскаго залива, сверкавшаго на солнцѣ подобно гигантскому волшебно-прекрасному зеркалу. Заливъ словно застылъ на всемъ необъятномъ просторѣ; его гладкая, спокойная поверхность не рябилась даже быстрымъ движеніемъ рыбы, скрывшейся въ глубь—въ воды болѣе холодныя и оживляющія. Немолчные буруны заснули вдоль прибрежья, густо поросшаго мелкимъ кустарникомъ, среди котораго изрѣдка вздымали къ небу свои гордыя вершины гигантскіе ильмы и сосны, прихотливо обвитые цѣпкимъ, ярко-зеленымъ виноградомъ. Въ воздухѣ царило таинственное безмолвіе, точно все живое было подавлено удушающею, почти тропическою жарой лѣтняго дня. Несмотря на близость залива, охотники чувствовали, какъ начинаютъ вариться въ собственномъ соку. Особенно скверно было Савкину, котораго солнце жгло немилосердно, словно желая испепелить его. Съ какою завистью посматривалъ казначей на запасливаго, предусмотрительнаго доктора, продолжавшаго скрываться подъ зонтикомъ отъ жгучихъ солнечныхъ лучей. Нѣсколько разъ онъ порывался обратиться къ другу съ просьбой одолжить на время спасительный инструментъ, чтобы хотя на полчаса прикрыть голову и спину отъ ненавистнаго солнца, но каждый разъ щепетильное самолюбіе заставляло отказываться отъ намѣренія, недостойнаго „истаго охотника“.

„Ни за что, ни за что не поѣду подъ зонтикомъ“,—ворчалъ Савкинъ возмущеннымъ тономъ, изнемогая, между тѣмъ, отъ нестерпимой, удушливой жары. „Не хочу походить на кикимору! А и взаправду коллега смахиваетъ на кикимору“, утѣшалъ себя казначей нелестнымъ для доктора сравненіемъ. „Настоящая кикимора!.. Ха,

ха, ха“! неожиданно расхохотался онъ настолько громко, что Алексѣй Семеновичъ, пребывавшій въ сладостной дремотѣ, встрепенулся и съ удивленіемъ взглянулъ на развеселившагося товарища. Впрочемъ, это былъ только мимолетный порывъ, лебединой пѣсни, совершенно изнеможеннаго Савкина, въ чемъ не замедлилъ убѣдиться докторъ, также чувствовавшій себя весьма скверно, какъ отъ ужасной жары, такъ и отъ усталости Алексѣй Семеновичъ едва держался въ сѣдлѣ. Онъ ощущалъ неотразимую потребность растянуться въ прохладной тѣни, на мягкой травѣ, и уснуть богатырскимъ сномъ, но крѣпился, не желая выказать передъ другомъ приступа слабодушія. Онъ терпѣливо ждалъ, когда наконецъ Савкинъ сдастъ и проявитъ какія либо признаки утомленія, чтобы воспользоваться этимъ моментомъ •для напоминанія о необходимомъ привалѣ. Неожиданная веселость, „милѣйшаго коллеги“ не только удивила Алексѣя Семеновича, но даже отчасти разсердила.

„Ишь, вѣдь, кремень какой“! подумалъ онъ съ неудержимымъ порывомъ досады и зависти.—Ничто его не беретъ! Другой на его мѣстѣ давно протянулъ-бы ноги, а онъ себѣ хохочетъ, словно полоумный.—Непостижимо“!

Едва успѣлъ докторъ мысленно высказать свое неудовольствіе по адресу необыкновенно выносливаго, какъ казалось, Савкина, послѣдній вдругъ запѣлъ совершенно изъ другой оперы:

— Нѣтъ, не вмоготу больше!.. Шабашъ: Тьфу, проклятая жарища!

— Голубчикъ, Алексѣй Семеновичъ, не пора-ли сдѣлать передышку?

— Разумѣется, пора, мой милѣйшій коллега!—съ нескрываемою радостью воскликнулъ докторъ, предвкушая скорый, сладкій отдыхъ.

— Въ такомъ случаѣ перейдемъ въ бродъ эту рѣчку и завалимся дрыхать до солнечнаго заката въ томъ зимовьѣ, -указалъ казначей на видиѣвшійся въ нѣкото-

ромъ отдаленіи небольшой срубъ безъ крыши, съ маленькимъ, криво прорубленнымъ, окномъ и низенькой, почернѣвшей отъ дыма, дверью. „Гайда, впередъ"! крикнулъ онъ, съ порывомъ напускнаго молодечества, и смѣло въѣхалъ въ прозрачную воду довольно широкаго ручья. Лошадь бодро зашагала по твердому песчаному дну, сыпля во всѣ стороны миллioны радужныхъ брызгъ. Воды ей было всего по колѣна, но къ серединѣ рѣчки стало значительно глубже и притомъ, вязче. Охотникамъ пришлось поднять ноги довольно высоко, чуть-ли не къ лошадинымъ гривамъ. Лошади шли неувѣренно и съ опаской, ежесекундно фыркая и инстинктивно сворачивая то вправо, то влѣво, точно онѣ искали болѣе удобнаго брода. На самой серединѣ рѣчки, казначейскій жеребецъ упрямо остановился и не хотѣлъ идти дальше. Савкинъ, успѣвшій уже вымочитъ себѣ ноги, нетерпѣливо задергалъ поводьями. Хотѣлось ему также пустить въ ходъ и нагайку, но онъ не могъ выбрать подходящаго для хлесткаго удара мѣста, потому что жеребецъ ушелъ уже въ воду по самое сѣдло. Савкинъ бился со своею лошадью довольно долго, при терпѣливомъ созерцаніи доктора, осторожно направлявшаго своего иноходца по слѣдамъ казначейскаго жеребца. Прошло нѣсколько минутъ самаго глупаго положенія охотниковъ, остановившихся посрединѣ довольно глубокаго ручья. Наконецъ Савкину надоѣло биться на одномъ мѣстѣ и онъ со всего размаха хлеснулъ нагайкой жеребца по шеѣ. Тотъ, разгоряченный неожиданнымъ ударомъ, рванулся впередъ и почти мгновенно погрузился въ воду вмѣстѣ съ головой, увлекая съ собой совершенно оторопѣвшаго казначея. Спустя секунду, жеребецъ вынырнулъ изъ ямы и отчаяннымъ прыжкомъ выбрался на меньше глубокое мѣсто рѣчки. Савкинъ, выброшенный изъ сѣдла, завопилъ хриплымъ отъ перепугу голосомъ:

— Помогите, помогите!.. Тону!

Но тотчасъ-же опомнился, почувствовавъ подъ но-

гами твердый грунтъ: вода доходила ему всего только до мышекъ.

Докторъ благоразумно свернулъ, между тѣмъ, немного влѣво и благополучно выбрался на другой берегъ, вымочивъ только однѣ ноги. Онъ даже не поспѣшилъ на помощь утопавшему другу, такъ какъ отлично видѣлъ не особенно критическое его положенiе, обостренное исключительно безсмысленнымъ страхомъ.

— Не зная броду, не суйся въ воду,—съ легкой усмѣшкой проговорилъ Алексѣй Семеновичъ, какъ только Савкинъ, весь мокрый, вышелъ на берегъ, ведя въ поводу, не меньше вымокшаго жеребца.

— На бѣднаго Макара сегодня шишки валятся,—попробовалъ пошутить казначей донельзя сконфуженный своимъ дикимъ воплемъ,—о помощи.

— Послѣ такихъ передрягъ отдыхъ будетъ особенно сладокъ,—замѣтилъ докторъ, впадая также въ шутливый тонъ, навѣянный близостью желаннаго зимовья, возлѣ котораго уже неистово лаялъ вѣрный Нептунъ, переплывшiй рѣчку первымъ.

— Чего песъ разлаялся?—удивился Савкинъ, торопливо шагая къ срубу.

— Вѣроятно, въ зимовьѣ кто нибудь есть,—догадался докторъ, прiотворяя покосившуюся дверь. Въ это мгновенiе изъ зимовья стремглавъ выскочила черезъ щель большая, мохнатая собака и съ поразительною злостью вцѣпилась въ ощетинившагося Нептуна. Завязалась отчаянная драка. Освирѣпѣлыя собаки грызлись съ дикимъ рычанiемъ, то катаясь кубаремъ по мелкой травѣ, то становясь на заднiя ноги, то наскакивая, поочереди, одна на другую. Наши охотники совершенно опѣшили и съ нѣмымъ удивленiемъ глядѣли, какъ ловко чужой песъ вырывалъ съ мускулистыхъ боковъ Нептуна большiе клочья шерсти.

— Цыцъ, Шарикъ, полно! Сюда!—раздался вдругъ изъ зимовья густой, заспанный голосъ.

Шарикъ моментально прекратилъ драку и, оставивъ

въ покоѣ нѣсколько озадаченнаго Нептуна, покорно побѣжалъ на зовъ своего хозяина.

— Какой дьяволъ тамъ шатается?—крикнулъ тотъ-же заспанный голосъ. — Входи, коли съ хорошимъ намѣреніемъ, а то убирайся по добру, по здорову, пока ноги цѣлы!.. Шутить я не люблю!

Охотники, привязавъ лошадей, съ нѣкоторою робостью вошли черезъ низенькую дверь въ полутемную, почернѣвшую отъ копоти конуру. Вдоль одной изъ стѣнъ тянулись не широкія, грязныя нары, на которыхъ лежала какая-то длинная, сухая фигура. Изъ подъ наръ злобно посматривалъ на Нептуна мохнатый песъ, каждый моментъ готовый вцѣпиться въ его мускулистый загривокъ.

Нептунъ вошелъ въ зимовье скромно, поджавъ хвостъ и все прячась за ноги Савкина. Онъ хорошо проученый знатной трепкой, видимо избѣгалъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ значительно сильнѣйшаго врага, съ острыми зубами котораго ему пришлось такъ основательно познакомиться минуту назадъ.

Едва охотники вошли въ зимовье, незнакомецъ приподнялся съ наръ и угрюмо проворчалъ:

— Извините, вашескородіе, я думалъ маньцза какой возлѣ зимовья шатается, а не господа... Мой Шарикъ, кажется вашего пса обидѣлъ? спросилъ онъ съ нескрываемой усмѣшкой, пытливо оглядывая охотниковъ.

— Ловко оттрепалъ,—отвѣтилъ Савкинъ съ нѣкоторою досадою, такъ какъ до послѣдняго момента считалъ своего Нептуна непобѣдимымъ. — Твоя собака страшно злющая; ее слѣдовало-бы на поводкѣ держать, строго добавилъ онъ, сторонясь отъ злобно рычавшаго Шарика.

— Не извольте тревожиться, вашескородіе, успокоительно проговорилъ незнакомецъ.—Мой Шарикъ никогда человѣка не тронетъ, хотя чужихъ собакъ любитъ потрепать... Онъ у меня славный, вѣрный добрый песъ:

шикому въ обиду не дастъ ни себя, ни хозяина, а за звѣремъ гоняется, что соколъ быстрый. Нѣтъ другой такой собаки во всемъ краѣ!

Послѣдніе слова незнакомецъ произнесъ съ хвастливою гордостью и любовно погладилъ Шарика. Тотъ разомъ притихъ и мирно растянулся подъ нарами, совершенно игнорируя пришельцевъ и Нептуна. Своимъ дальнѣйшимъ степеннымъ поведеніемъ Шарикъ, какъ будто, желалъ оправдать лестную рекомендацію хозяина.

VII.

— Можно намъ здѣсь отдохнуть немного и просушиться?—спросилъ Савкинъ, предполагая въ незнакомцѣ владѣльца сруба.

— Зимовье не мое, вашескородіе, — недовольнымъ тономъ проворчалъ тотъ, фамильярно усаживаясь на свободное мѣсто рядомъ съ охотниками, начавшими разоблачаться.

— Чье-жъ оно?—полюбопытствовалъ докторъ, выливая изъ сапогъ воду.

— А Господь его знаетъ,—нехотя отвѣтилъ незнакомецъ.

— Ты развѣ не здѣшній?—продолжалъ распрашивать Алексѣй Семеновичъ.

— Не здѣшній: изъ Камень-Рыболова прибрелъ...

— Изъ Камень-Рыболова!? съ удивленіемъ переспросилъ Савкинъ.—Вѣдь это безъ малаго двѣсти верстъ будетъ!..

— И больше хаживалъ, — хвастливо проговорилъ незнакомецъ.—Ноги, вѣдь, свои привычныя!

— Кто-жъ ты такой? — поинтересовался докторъ, внимательно оглядывая жилистую, длинную, неповоротливую фигуру незнакомца, съ обыкновенной солдатской физіономіей, густо обросшей давно небритой щетинистой бородой.

— Охотникъ за пантами *) Переваловъ,—отрекомендовался незнакомецъ—тотчасъ-же перемѣнилъ разговоръ, обращаясь къ казначею съ фамильярною вѣжливостью: „А вы, вашескородіе, знатно вымокли... Вѣрно, вмѣсто брода, въ омутъ попали? Въ рѣчкѣ ихъ не мало... Откуда путь держите и далеко ли ѣдите?

— Не на охоту-ли собрались?—началъ въ свою очередь, распрашивать Переваловъ, не дождавшись отвѣта на первый свой вопросъ.

Друзья охотники продолжали безмолствовать, глупо вытаращивъ глаза на незнакомца. Они были поражены и удивлены. Счастливый случай свелъ ихъ съ легендарнымъ пантовщикомъ, извѣстнымъ всему краю своею поразительною отвагою, смѣлостью, хладнокровіемъ и находчивостью. Они неожиданно встрѣтились съ безстрашнымъ истребителемъ тигровъ, бившимъ свирѣпыхъ, кровожадныхъ хищниковъ при каждой встрѣчѣ, однимъ выстрѣломъ своей изумительно мѣткой магазинной винтовки. Переваловъ, какъ разсказывали, не видалъ страха. Онъ выходилъ на тигра одинъ и всегда оставался побѣдителемъ. Ни одному хищнику не удавалось помять отважнаго, смѣлаго охотника въ своихъ крѣпкихъ когтяхъ. Переваловъ былъ неуязвимъ, хотя много разъ находился въ критическихъ положеніяхъ, благодаря непролазной чащѣ, среди которой обыкновенно бродилъ пантовщикъ, зорко высматривая изюбровъ и оленей, увѣнчанныхъ цѣнными молодыми рогами. Переваловъ не боялся неожиданныхъ и трудно отвратимыхъ нападеній многочисленныхъ хищниковъ тайги, такъ какъ вѣрный чуткій Шарикъ всегда во время предупреждалъ о грозящей опасности. Переваловъ чувствовалъ себя въ лѣсной глуши, какъ дома; ему были знакомы рѣчи-

*) Пантами (по китайски Лу-жимъ) русскіе жители Уссурійскаго края называютъ молодые оленьи и изюбровые рога. Китайцы изготовляютъ изъ нихъ оживляющее, крѣпительное лѣкарство для слабыхъ и растроенныхъ организмовъ. Пара пантовъ цѣнится, смотря по достоинству, отъ 150 до 300 серебряныхъ рублей.

тельно всѣ звѣриныя тропы, таинственныя пади и ущелья, а также каждое вѣковое дерево и каждый горный ручей. Онъ прекрасно освоился со всѣми тайнами и опасностями необъятной тайги, среди которой проводилъ большую часть года, зарабатывая охотой громадныя деньги.

„Такъ вотъ онъ знаменитый, легендарный Переваловъ“!—съ какимъ-то благоговѣніемъ думали докторъ и казначей, не спуская глазъ съ неказистой фигуры незнакомца.—„Вотъ онъ отважный истребитель тигровъ и счастливый охотникъ за пантами! Наконецъ-то увидѣли его“!..

— А разскажи-ка намъ что нибудь изъ твоихъ похожденій,—неожиданно выпалилъ Савкинъ послѣ довольно продолжительнаго безмолвствованія.

— Нечего мнѣ разсказывать,—нехотя проговорилъ незнакомецъ и началъ собираться.

— Куда же ты?—съ искреннимъ сожалѣніемъ спросилъ докторъ, мечтавшій познакомиться съ легендарнымъ охотникомъ поближе.

— Да все на охоту... Куды мнѣ больше ходить? — угрюмо проворчалъ незнакомецъ, подымаясь съ наръ.— Счастливо оставаться, господа! — Ну, Шарикъ, идемъ! Цыцъ, каналья!—прикрикнулъ онъ на собаку, которая, выйдя изъ подъ наръ, выказала намѣреніе схватиться на прощанье съ Нептуномъ.

— Э-эхъ, жалко, что ты не хочешь посидѣть съ нами и побесѣдовать, — разочарованно произнесъ Савкинъ, безъ стѣсненія сбрасывая съ себя, для просушки, послѣдніе предметы своей намокшей одежды.

— Увидимся еще, вашескородіе, — усмѣхнулся незнакомецъ. — Я на ночь сюда же приду, а вы навѣрное до утра останетесь здѣсь... До свиданья, вашескородіе!—проговорилъ онъ уже въ дверяхъ съ какою-то странною, едва уловимою, улыбкою и скрылся.

— А неправда ли, молодецъ этотъ Переваловъ? Любо смотрѣть на него!—съ благоговѣйнымъ восторгомъ вос-

кликнулъ казначей, растягиваясь съ блаженнымъ вздохомъ на грязныхъ нарахъ.

— Конечно, молодецъ! — поддакнулъ докторъ съ умиленіемъ. — „Подумайте: вѣдь, одинъ на тигра ходитъ... Легендарный охотникъ"!

— А онъ, вѣроятно, силачъ? Мускулы-то у него какіе: просто заглядѣнье!.. И грудь широкая... Атлетъ, да и только!—продолжалъ восторгаться Савкинъ, понемногу охватываемый сладостной дремотой.

— Да, да, атлетъ, — согласился Алексѣй Семеновичъ, который началъ также ощущать непреодолимый позывъ ко-сну.—А какъ вы думаете, мой милѣйшій коллега: не выспаться ли намъ"?—неожиданно перемѣнилъ онъ тэму разговора.

— Разумѣется, лучше выспаться, — началъ резонерствовать Савкинъ постепенно коснѣющимъ языкомъ... — Теперь страшная жара... Какая охота въ такую жару?.. Мы вотъ выспимся... а передъ закатомъ солнышка фазановъ постреляемъ... Тогда прохладно будетъ,..

— Кто-то еще ѣдетъ сюда,—услыхалъ докторъ лошадиный топотъ.

— А ну его: пускай себѣ ѣдетъ,—проворчалъ сквозь дремоту казначей, досадливо переворачиваясь на другой бокъ, еще не помятый жесткимъ ложемъ.

Въ этотъ моментъ изъ подъ наръ выскочилъ, какъ бѣшенный, Нептунъ и, уткнувшись мордой въ запертыя двери, залаялъ съ такимъ злобнымъ неистовствомъ, что охотники, словно ужаленные, спрыгнули съ наръ и, схвативъ ружья, замерли въ какомъ то пугливомъ ожиданіи.

Между тѣмъ Нептунъ продолжалъ бѣшенно лаять и рваться вонъ изъ зимовья.

— Чтобы это значило?—трепетнымъ голосомъ спросилъ Савкинъ, боясь двинуться съ мѣста.

— Не понимаю,—прошепталъ докторъ, осторожно заглядывая въ разбитое окно. — „Батюшки, глядите,

глядите“! вдругъ завопилъ онъ, бросаясь къ дверямъ.— Нашъ-то легендарный охотникъ... какъ, бишь, его... на моемъ иноходцѣ умчался, и вашего жеребца въ поводу держитъ!

Услышавъ такую новость, Савкинъ, въ костюмѣ Адама, стремительно выскочилъ изъ зимовья вслѣдъ за докторомъ. „Легендарный охотникъ уже несся въ карьеръ по крайней мѣрѣ въ трехъ стахъ шагахъ; тѣмъ не менѣе казначей приложился и сгоряча выпалилъ по конокраду разомъ изъ обоихъ стволовъ. Зря выпустивъ дробовые заряды, Савкинъ разразился отборною руганью. Онъ ругался съ какимъ-то бѣшенствомъ, взвизгивая иногда до пронзительнаго фальцета. Съ пѣною у рта, охваченный безсильнымъ гнѣвомъ, онъ метался въ разныя стороны, словно полоумный, ежесекундно уськая Нептуна, точно тотъ могъ что нибудь сдѣлать. Собака, повинуясь растерявшемуся хозяину, вначалѣ бросилась было въ погоню, но, отбѣжавъ сотню шаговъ отъ зимовья, благоразумно остановилась и ограничилась злобнымъ лаемъ. Повидимому, недавняя встрепка еще не вышла у нее изъ памяти...

Бѣснованье Савкина было столь заразительно, что даже всегда сдержанный Алексѣй Семеновичъ прорвался и началъ вторить своему другу съ неменьшею горячностью, неистово грозя, то ружьемъ, то кулакомъ, уже невидимому негодяю, быстро скрывшемуся за ближайшимъ холмомъ. Друзья ругали „легендарнаго охотника“ безъ передышки не менѣе четверти часа и, когда уже достаточно надсадили свои горла, убѣдившись наконецъ въ полной безцѣльности своихъ гнѣвныхъ порывовъ. Разомъ смолкнувъ, оба понурили головы съ убитымъ видомъ преступниковъ, только что приговоренныхъ къ смертной казни.

— Плохо изъ деревни пишутъ,—нарушилъ тягостное безмолвіе докторъ, возвращаясь къ своему обычному добродушному настроенію.

— Что мы будемъ теперь дѣлать?—жалобно спро-

силъ Савкинъ, совершенно забывшій съ горя, что онъ стоитъ на солнцепекѣ въ слишкомъ откровенномъ дезабилье.

— Прежде всего надо прикрыть свою наготу, — усмѣхнулся Алексѣй Семеновичъ.

— Ахъ, извините,—спохватился казначей и стремительно скрылся въ зимовье, куда зашагалъ также и докторъ, накалывая босыя ноги о мелкіе, острые камешки, разбросанные въ густой травѣ.

— Что мы будемъ теперь дѣлать?—повторилъ свой вопросъ Савкинъ прежнимъ жалобнымъ тономъ, какъ только Алексѣй Семеновичъ вошелъ въ зимовье.

— Поохотимся и затѣмъ пойдемъ пѣшечкомъ домой,—отвѣтилъ тотъ съ напускнымъ хладнокровіемъ.

— Пѣшкомъ этакую даль и въ такую жару! — ужаснулся казначей,—выпучивъ глаза.

— Да, вѣдь, не зимовать же намъ здѣсь,—проворчалъ докторъ, растягиваясь опять на грязныхъ нарахъ. Его неудержимо клонило ко сну. Онъ чувствовалъ себя послѣ безсонной ночи совершенно разбитымъ.

Савкинъ, убѣдившись, что костюмъ его еще не просохъ, также улегся на нары, рискуя перепачкать свое холеное тѣло, и началъ ворчливо плакаться!

— Мы родились подъ несчастной звѣздой... Насъ постоянно преслѣдуютъ всевозможныя неудачи... Ни одна наша охота не обходится безъ какихъ либо непріятныхъ приключеній... Почему намъ такъ не везетъ,— рѣшительно не постигаю?

— Вѣроятно потому, что мы съ вами разини,—откровенно объяснилъ Алексѣй Семеновичъ сонливымъ голосомъ.

— Правда, что разини и при томъ легковѣрны, какъ женщины!—поспѣшно согласился казначей, точно нашелъ кое какое утѣшеніе въ постигшей неудачѣ.— Ну, развѣ можно такъ!? Повстрѣчали неизвѣстнаго бродягу и сейчасъ же повѣрили ему, что онъ легендарный охотникъ Переваловъ. Надулъ онъ насъ, словно младен-

цевъ, а мы и уши развѣсили, въ надеждѣ услышать что нибудь интересное изъ охотничьихъ похожденій самозванца-конокрада.. Осрамились мы, безсмысленно осрамились, а теперь терзаемся!..

— Это вы терзаетесь, — замѣтилъ докторъ, — а я отношусь къ курьезному событію съ фатализмомъ: чему быть, тому не миновать... Спокойной ночи, мой милѣйшій коллега!.. Я ужасно хочу спать, и вамъ совѣтую уснуть, какъ другъ и какъ врачъ. Сонъ успокоитъ ваши нервы...

— Врядъ ли?—сомнительно покачалъ головой Савкинъ и началъ опять плакаться: — Развѣ можно успокоиться послѣ такихъ неудачъ!? Вѣдь я сегодня понесъ по крайней мѣрѣ на сто рублей убытку... А подумайте, что ожидаетъ насъ впереди! Меня подираетъ по кожѣ морозъ, какъ только вспомню, что намъ предстоитъ вернуться домой пѣшкомъ и въ такомъ ужасномъ видѣ!—грустно добавилъ казначей, мрачно поглядывая на свой намокшій, истрепанный охотничій костюмъ.

— Полно вамъ ныть... Ложитесь лучше спать!— досадливо посовѣтовалъ докторъ. Неугомонный Савкинъ запротестовалъ:

— Вамъ бы только спать, да спать, а того не понимаете, что спать обоимъ нельзя, когда поблизости разные проходимцы шатаются. Того и смотри опять какъ нибудь облопошатъ!..

— Нептунъ покараулитъ: онъ у насъ чуткій песъ, — лѣниво напомнилъ Алексѣй Семеновичъ, постепенно засыпая.

— Вѣрно, вѣрно, Нептунъ сторожъ хорошій,—обрадовался казначей возможности отдохнуть послѣ всѣхъ испытанныхъ передрягъ. — Ну, Нептушка, карауль получше, — обратился онъ къ дремавшей подъ нарами собакѣ съ ласковымъ усовѣщеваніемъ:—слушай въ оба уха; лай во все горло, если почуешь чужаго...

Собака слегка взвизгнула и шевельнула хвостомъ, точно заявила, что принимаетъ хозяйское приказаніе къ

свѣдѣнію. Успокоенный понятливымъ животнымъ, Савкинъ поспѣшилъ послѣдовать соблазнительному примѣру друга, уже храпѣвшаго на все зимовье.

VIII.

Измученные охотники навѣрное проспали бы до слѣдующаго утра, если бы не были разбужены передъ самымъ солнечнымъ заходомъ яростнымъ лаемъ сильно проголодавшагося Нептуна, почуявшаго приближеніе къ зимовью какихъ-то постороннихъ людей, громко о чемъ-то разсуждавшихъ.

Этотъ откровенный говоръ доказывалъ полную благонамѣренность прохожихъ, въ которыхъ наши охотники съ удовольствіемъ признали матросовъ, возвращавшихся въ городъ съ казеннаго сѣнокоса.

— Слава Богу, ночевать веселѣй будетъ,—обрадовался Савкинъ, торопливо одѣвая высохшее платье, чтобы предстать передъ нижними чинами въ возможно приличномъ видѣ.

— Да вы почему думаете, что они будутъ здѣсь ночевать? —спросилъ докторъ съ нѣкоторымъ тревожнымъ сомнѣніемъ.

— Конечно будутъ!—безапелляціонно рѣшилъ казначей и, чтобы окончательно убѣдить товарища въ справедливости своихъ словъ, крикнулъ въ растворенную дверь:

— Здравствуйте, молодцы-моряки! Ночевать здѣсь будете?

— Будемъ!—дружно загалдѣли матросы, съ удивленіемъ разглядывая охотниковъ, неожиданно появившихся изъ зимовья.

— Да это никакъ батальонный казначей? —призналъ Савкина одинъ изъ матросовъ.

— И докторъ тутъ же,—указалъ другой.

— Они завсегда вмѣстѣ охотятся,—замѣтилъ третій.

— А гдѣ же лошади ихъ?—поинтересовался бравый

унтеръ, внимательно оглядывая прилежавшую къ зимовью мѣстность.—Неужли пѣшкомъ сюды зашли!? удивился онъ.

— Мнѣ сдается, что Васька-конокрадъ ихнихъ лошадей угналъ,—догадался первый изъ матросовъ.

— А вотъ спрошу ихъ,—шепнулъ унтеръ и затѣмъ вѣжливо обратился къ казначею:—не вашихъ ли лошадей Васька-конокрадъ угналъ?.. Мы его повстрѣчали часа въ три... Какъ увидалъ онъ насъ—сейчасъ въ тайгу шмыгъ...

— Нашихъ, нашихъ,—конфузливо подтвердилъ Савкинъ.—„Это не переваловъ"?—спросилъ онъ унтера.

— Никакъ нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ,—Переваловъ конокрадствомъ не занимается... А Васька, вѣрно, за Перевалова вамъ выдался? Вотъ такъ гусь! Ловкій онъ мазурикъ, такой ловкій, что каждаго проведетъ...

— А нельзя ли какъ нибудь нашихъ лошадей возвратить?—спросилъ докторъ.

— И этого негодяя конокрада изловить? — сталъ опять горячиться казначей. — „Двадцать пять рублей награды тому, кто приведетъ его живаго или мертваго"!—попробовалъ онъ вызвать охотниковъ для поимки Васьки.

— Ну, нѣтъ, ваше высокоблагородіе!—усмѣхнулся унтеръ. — Едва ли и за сто кто рѣшится съ Васькой связаться. Онъ, вѣдь, парень не промахъ, а нравомъ—настоящій звѣрь. Подвернись ему кто на дорогѣ—онъ, не задумываясь, или застрѣлитъ, или ножъ въ бокъ всадитъ. На его душѣ, я думаю, не мало разныхъ убивствъ!.. А вашихъ лошадей онъ сегодня же угонитъ за границу и китайцамъ сбудетъ за сходную цѣну.

— Какъ же такого разбойника до сихъ поръ не повѣсили?—удивился докторъ.

— Чтобы повѣсить, надо допрежь изловить его,—резонно замѣтилъ унтеръ,—а кто ловить его станетъ? Каждому своя жизнь дорога... И какъ изловить такого ловкача?.. Вѣдь ему вся тайга, что ладонь извѣстна, а

таиться въ разныхъ трущобахъ умѣетъ такъ, что съ хорошими собаками не розыщешь. Да при томъ его Шарикъ никогда въ обиду хозяина не дастъ: песъ страшно злющій и крѣпкій...

— Значитъ, пиши пропало, — мрачно проворчалъ Савкинъ.

— Не вы—первый, не вы—послѣдній, — утѣшилъ унтеръ. „Васька еще многихъ облопошитъ, пока на висѣлицу не попадетъ"!.. Эй, молодцы!—крикнулъ онъ матросамъ, развалившимся на прохладной, мягкой травѣ. „Разводите живо костеръ и давайте кашицу варить"!..

Матросы, повинуясь приказанію „старшаго", быстро набрали груду сухаго валежника, развели яркій костеръ и стали готовить себѣ незатѣйливый ужинъ. Солнце уже скрылось за ближайшей грядой мохнатыхъ холмовъ, отъ которыхъ легла на лужайку густая тѣнь, полная таинственности. Тайга засыпала. Только у зимовья слышался сдержанный говоръ, точно люди боялись нарушить величественное безмолвіе окружающей природы излишне громкимъ словомъ или возгласомъ. Дружно усѣвшись вокругъ пылающаго костра, матросы, перекидываясь отрывочными фразами, терпѣливо ждали кашицы, уже начавшей распространять пріятный запахъ, возбуждавшій аппетитъ.

— Не закусить ли и намъ?—предложилъ казначей, вспомнивъ наконецъ о бутербродахъ, съ трудомъ собранныхъ въ чащѣ послѣ злополучнаго паденія съ лошадью.

Сильно проголодавшійся докторъ охотно принялъ своевременное предложеніе друга и съ наслажденіемъ присѣлъ вблизи группы матросовъ, въ заревѣ ярко разведеннаго костра.

— Не угодно ли и вамъ нашей кашицы испробовать, ваше высокоблагородіе? — обратился унтеръ къ охотникамъ, любезно подавая имъ по деревянной ложкѣ. „Вотъ и хлѣбецъ свѣжій", передалъ онъ обоимъ по большому ломтю только что отрѣзаннаго хлѣба.

Друзья, благоразумно сберегая свой ничтожный запасъ провизіи, съ удовольствіемъ подсѣли къ котелку, повѣшенному на треножникѣ надъ огнемъ. Спустя нѣсколько минутъ, котелокъ сняли съ крюка и бережно поставили на траву. Матросы расположились вокругъ, вѣжливо тѣснясь, чтобы „господамъ“ было попросторнѣй.

— Славная кашица,—похвалилъ докторъ, съ наслажденіемъ смакуя мутную, малопросоленную жижицу.

— Разчудесная!—съ особеннымъ чувствомъ подтвердилъ Савкинъ, набивая ротъ хлѣбомъ.—„Я бы охотно теперь выпилъ стаканчикъ“,—шепнулъ онъ на ухо доктору, умильно поглядывая на походную флягу, висѣвшую у него черезъ плечо.

— Кто-жъ вамъ мѣшаетъ?—замѣтилъ Алексѣй Семеновичъ, аппетитно запуская свою ложку въ братскій котелокъ съ кашицей.

— Собственно ни кто не мѣшаетъ, но просто совѣстно пить одному... Неловко какъ-то!..

— Такъ вы угостите гостепріимныхъ моряковъ,—посовѣтовалъ докторъ.

— И радъ бы, да нечѣмъ; донышко во флягѣ видно.

— Куда же вы дѣвали свой нектаръ?—крайне удивился Алексѣй Семеновичъ.

— Отъ жары по дорогѣ испарился,—ухмыльнулся казначей, лукаво подмигивая однимъ глазомъ.

— Ахъ, какой вы!—укоризненно покачалъ головой докторъ.

— Что вы качаете головой? Развѣ вамъ досадно, что я безъ вашего рецепта всю водку выпилъ?—началъ шутить Савкинъ, приходя въ благодушное настроеніе духа, по мѣрѣ утоленія сильнаго голода.—Простите, что я обошелся безъ вашей медицинской помощи и прибѣгъ къ болѣе вѣрному, испытанному средству... Безъ водки я давно померъ бы... Водка оживила меня и ободрила... Это незамѣнимый жизненный элексиръ!..

— Довольно, довольно,—досадливо отмахнулся докторъ...—Вы, кажется, намѣреваетесь пропѣть водкѣ хва-

лебный гимнъ? Не во время и не у мѣста! Вы лучше обратите вниманіе, какая наступила чудная ночь...

— А чортъ съ ней: я спать хочу! грубо перебилъ казначей поэтическій порывъ доктора и направился тяжелыми шагами къ зимовью, едва виднѣвшемуся поблизости сквозь таинственную тьму лѣтней ночи.

IX.

Наступила ночь, одна изъ тѣхъ волшебно-прекрасныхъ ночей, когда небо и земля сливаются въ одно нераздѣльное, когда легче слышать, нежели видѣть окружающую природу, всецѣло отдавшуюся сказочному покою.

Тайга, какъ будто тихая и спокойная, проявляла какую-то таинственную, загадочную жизнь, полную фантастической прелести. Отовсюду неслись едва уловимые звуки—робкій шопотъ засыпающей природы. Легкій шелестъ падающаго на землю листа, тихій шорохъ какого-то неизвѣстнаго звѣря, осторожно пробирающагося сквозь заросль, журчанье горныхъ отдаленныхъ потоковъ, рокотъ бѣгущаго по долинѣ ручья, почти безшумный полетъ ночной птицы,—все это сливалось въ дивную гармонію ночной, таинственной жизни, доступной скорѣе воображенію, нежели слуху, наполняло душу непонятнымъ чувствомъ какой-то неизъяснимой нѣги и вмѣстѣ съ тѣмъ жуткаго, тревожнаго ожиданія чего-то неизвѣстнаго. Среди этого загадочнаго полубезмолвія, въ недвижномъ воздухѣ, проносилось, время отъ времени, легкое, ароматное дыханіе окружающей роскошной листвы. Словомъ, вокругъ господствовала, такъ называемая, лѣсная тишина, полная едва уловимою жизнью, тишина, совершенно неизвѣстная городскимъ жителямъ и возможная только среди дѣвственной природы...

На лужайкѣ всѣ уже крѣпко спали, за исключеніемъ одного часоваго, которому было поручено поддерживать огонь костра. Докторъ не скрылся въ душной

избѣ, но расположился поблизости матросовъ, прямо на травѣ, разложивъ подъ себя захваченный пледъ. Не смотря на усталость, онъ не могъ долго заснуть, охваченный неотразимымъ обаяніемъ дивнаго спокойствія. Лежа на спинѣ, Алексѣй Семеновичъ любовался широко раскинувшимся надъ нимъ небеснымъ сводомъ, усѣяннымъ милліонами звѣздъ. Онъ не имѣлъ силъ оторвать своего восторженнаго взора отъ темнаго, глубокаго неба, тщетно стараясь разобраться среди восхитительныхъ созвѣздій и одиноко плывущихъ планетъ. Словно очарованный, слѣдилъ онъ за величественымъ, медленнымъ движеніемъ небеснаго купола, по которому иногда проносились съ поразительною быстротою блестящіе метеоры, оставлявшіе за собой слѣдъ въ видѣ свѣтлыхъ дугъ. Сколько времени провелъ Алесѣй Семеновичъ въ чудномъ созерцаніи прекраснаго неба, онъ не могъ дать себѣ отчета. Но вотъ онъ началъ забываться. Его неудержимо стало клонить ко сну. Отяжелѣвшія вѣки смѣжились. По всему его тѣлу прошелъ сладостный трепетъ, и онъ всецѣло отдался пріятнымъ грезамъ, навѣяннымъ таинственнымъ полубезмолвіемъ уснувшей тайги... Прошло около часу. На лужайкѣ начало постепенно проясняться. Вскорѣ изъ-за ближайшаго холма выглянула полная луна и бросила на пышный коверъ зелени великолѣпный снопъ мягкихъ, голубоватыхъ лучей. Казалось, вся лужайка разомъ освѣтилась волшебно-прекрасными бенгальскими огнями. Отъ окружающихъ деревьевъ легли на траву причудливыя, фантастическія тѣни, эффектно перемежавшіяся съ совершенно темными пятнами спавшихъ матросовъ, разметавшихся на влажной травѣ въ разнообразныхъ позахъ. Уставшіе люди спали крѣпкимъ сномъ. Бодрствовалъ только одинъ очередной сторожевой матросъ Корневъ, который долженъ былъ поддерживать огонь костра, чтобы отогнать отъ становища хищныхъ звѣрей. Корневъ сидѣлъ на корточкахъ почти рядомъ съ докторомъ, сладко спавшимъ съ ружьемъ въ рукахъ, какъ настоя-

щій охотникъ среди дѣвственной природы. Тутъ же высилась огромная куча валежника, заготовленнаго съ вечера для костра. Корневъ сидѣлъ неподвижно, о чемъ то думая и сосредоточенно посматривая въ ярко пылавшій огонь, фантастически освѣщавшій красноватымъ отблескомъ ближайшіе деревья и живописную группу уснувшихъ матросовъ. Лишь изрѣдка Корневъ бралъ охапку хвороста и ловко подбрасывалъ ее въ самую середину костра. Пламя какъ будто на секунду замирало и затѣмъ съ большею силою вскидывалось кверху, сыпля искры на окружающую листву и сырую траву. Вокругъ господствовала мертвая тишина, нарушаемая только отчетливымъ трескомъ пылавшаго валежника и легкимъ храпомъ уставшихъ косцовъ. Тишина эта дѣйствовала на Корнева снотворно. Постепенно, его стала одолѣвать неотразимая. сладостная дремота, побороть которую у него не хватало ни силъ, ни характера. Сильно измучившійся за день, Корневъ вскорѣ задремалъ, уютно прижавшись къ грудѣ приготовленнаго хвороста. Костеръ, оставшійся безъ присмотра, скоро прогорѣлъ и превратился въ кучу едва тлѣвшагося угля. Безпечный Корневъ продолжалъ дремать, убаюкиваемый невозмутимой тишиной. Но слухъ его сталъ, какъ будто, напряженнѣе, словно нервная дѣятельность организма сосредоточилась исключительно въ головѣ. Время шло. Луна уже прошла меридіанъ и начала медленно склоняться за лѣсистую возвышенность, расположенную съ западной стороны лужайки. Временно сократившіяся тѣни деревьевъ стали постепенно рости и удлиняться. Окружающіе лѣсные великаны и кустарники, замершіе въ недвижномъ воздухѣ, приняли фантастическіе образы. Даже куча заготовленнаго для костра валежника, съ распростертыми къ небу изсохшими вѣтвями, казалась какимъ-то сказочнымъ чудовищемъ, жадно притягивающимъ свои острыя лапы, чтобы схватить намѣченныя жертвы... Луна продолжала свое величественное шествіе среди яркихъ созвѣздій, благодушно

поглядывая съ небосклона на безпечныхъ людей, довѣрчиво уснувшихъ среди почти дѣвственной тайги...

Корневъ, по всей вѣроятности, преисправно продремалъ бы до самаго разсвѣта, если бы онъ не былъ вдругъ вырванъ изъ царства сладостныхъ сновидѣній протяжнымъ, точно кошачьимъ, мяуканьемъ, раздавшимся изъ ближайшей чащи. Корнева словно кто ударилъ по головѣ. Онъ мгновенно проснулся и вскочилъ на ноги, съ нервнымъ трепетомъ во всемъ тѣлѣ. Уставивъ съ безмолвнымъ ужасомъ расширенные зрачки въ то мѣсто чащи, гдѣ Корневъ инстинктивно чувствовалъ присутствіе неизвѣстнаго хищника, онъ сталъ упорно всматриваться и... вдругъ оцѣпенѣлъ отъ невыразимаго страха. Кровь застыла у него въ жилахъ... Волоса встали дыбомъ... Сердце какъ будто, перестало биться... Хотѣлъ было онъ крикнуть, чтобы разбудить спокойно спавшихъ товарищей, но отчаянный крикъ замеръ въ груди: изъ спертаго горла вылетѣло только какое-то едва слышное, мучительное хрипѣніе. Корнева охватило странное, гипнотическое состояніе... Онъ не могъ пошевельнуться, не былъ въ силахъ отвести помутившихся глазъ отъ упорно направленныхъ на него горящихъ, словно раскаленные уголья, зрачковъ. Корневъ съ ужасомъ разсмотрѣлъ громадную, круглую, хорошо знакомую, голову тигра, выглядывавшую изъ заросли съ какимъ-то свирѣпымъ недоумѣніемъ. Тигръ, казалось, находился въ нерѣшительности: что предпринять дальше. Привлеченный къ зимовью лакомой добычей, проголодавшійся хищникъ былъ, повидимому, озадаченъ неожиданно вскочившимъ на ноги человѣкомъ. Упорный взоръ оцѣпенѣвшаго Корнева приводилъ тигра въ странное смущеніе. Медленно выдвинувшись изъ чащи на лужайку, точно намѣреваясь схватить кого либо изъ спавшихъ, хищникъ остановился, словно очарованный человѣческимъ взглядомъ, полнымъ невыразимаго, безумнаго ужаса. Казалось, этотъ упорный взглядъ отнималъ у него рѣшимость сдѣлать послѣдній прыжокъ. Тигръ

былъ страшенъ въ своей дикой неподвижности. То онъ судорожно выпускалъ свои длинные когти, то опять вбиралъ ихъ. Густая, желтая шерсть стояла дыбомъ и, какъ будто, искрилась. Изъ широкой груди хищника вылетало какое-то едва слышное клокотанiе. Кроваво-красныя ноздри были раздуты и трепетали... Прошло нѣсколько ужасныхъ, мучительныхъ для Корнева мгновенiй... Хищникъ неслышно пригнулся къ травѣ и судорожно началъ взрывать передними лапами землю, не спуская съ Корнева горящихъ глазъ. Его длинный хвостъ извивался, словно змѣя, зловѣще шелестя сырой травой... Не было сомнѣнiя, что голодный звѣрь рѣшился отважиться на послѣднiй прыжокъ. Въ этотъ страшный моментъ Корневъ успѣлъ сбросить съ себя мучительное оцѣпенѣнiе и изъ его, стѣсненной доселѣ, груди вырвался безумный, отчаянный вопль:

— Тигра!.. Тигра!

Этотъ раздирающiй крикъ произвелъ подавляющее впечатлѣнiе. Испуганный хищникъ метнулся въ тайгу и однимъ гиганскимъ скачкомъ скрылся въ заросли. Спавшiе матросы съ ужасомъ вскочили на ноги, не понимая, съ просонья, что случилось. Алексѣй Семеновичъ вскочилъ вмѣстѣ съ другими съ поразительною стремительностью, точно надъ нимъ внезапно развернулась могучая стальная пружина. Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ неожиданно очутился передъ грудой заготовленнаго валежника, фантастически освѣщеннаго луной. Предположивъ со страха и со сна, что на него лезетъ, простирая могучiя лапы, какое-то лѣсное чудовище; докторъ безсознательно приложился и выпалилъ изъ обоихъ стволовъ, почти въ упоръ, по кучѣ хвороста. Этотъ первый порывъ исчерпалъ послѣднiе душевныя силы Алексѣя Семеновича и онъ, точно подрубленное дерево, свалился на траву, потерявъ сознанiе...

Выстрѣлы произвели на всѣхъ окончательно ошеломляющее впечатлѣнiе. Произошла невыразимая сумятица: одни метались по лужайкѣ, словно ошпаренныя кошки;

другіе хватались за ножи и топоры, готовясь разить невидимаго врага; третьи въ какомъ-то оцѣпенѣніи стояли на одномъ мѣстѣ и дико всматривались въ окружающую заросль, силясь разглядѣть неизвѣстнаго хищника — причину всеобщаго, неотразимаго ужаса.

Савкинъ, спавшій въ зимовьѣ выскочилъ оттуда въ такомъ ошалѣломъ видѣ, что даже вѣрный песъ Нептунъ не призналъ первый моментъ своего хозяина и, выбѣжавъ за нимъ на лужайку, началъ неистово на него лаять, забѣгая то съ одной, то съ другой стороны. Казначей выскочилъ въ одномъ бѣльѣ, держа въ лѣвой рукѣ, неизвѣстно для чего захваченный ягташъ, а въ правой — докторскій зонтикъ принятый, повидимому, съ просонья за ружье. Остановившись среди растерявшихся матросовъ въ позѣ человѣка, только что выбѣжавшаго изъ дома, объятаго пламенемъ, Савкинъ оглядывалъ всѣхъ совершенно безумными глазами и едва слышно лепеталъ сильно заплетающимся языкомъ:

— Что!? Что такое случилось!? Что такое!?

— Тигра *) приходила, пониженнымъ голосомъ вывелъ казначея изъ ужаснаго недоумѣнія унтеръ, одинъ изъ всѣхъ сохранившій кое какое самообладаніе.

— Тигра!.. Тигра!.. завопилъ нечеловѣческимъ голосомъ Савкинъ и стремительно метнулся обратно къ зимовью, размахивая зонтикомъ.

Унтеръ досадливо мотнулъ головой и проворчалъ сквозь зубы:

— И этотъ также бѣлены, видно, объѣлся.. Тьфу, пропасть!..

X.

Протекло не мало времени, когда всѣ пришли въ себя и начали подводить итоги неожиданнаго посѣщенія тигромъ становища. Прежде всего опять развели

*) Всѣ простолюдины Уссурійскаго края говорятъ о тигрѣ всегда въ женскомъ родѣ.

потухшій костеръ, хотя разсвѣтъ былъ уже близокъ и лунное, фантастическое освѣщеніе постепенно гасло, уступая мѣсто яркому отблеску пурпурной утренней зари. Затѣмъ унтеръ пересчиталъ своихъ подчиненныхъ, при чемъ убѣдился въ общемъ здравіи и невредимости, если не принимать во вниманіе незначительныхъ ссадинъ, полученныхъ въ ночномъ переполохѣ наиболѣе перетрусившими матросами. Алексѣя Семеновича привели въ чувство тотчасъ же, какъ только замѣтили у груды валежника его недвижимое тѣло. Докторъ, придя въ себя, очень сконфузился, когда увидѣлъ: чего онъ такъ сильно испугался и во что стрѣлялъ съ такою безумною горячностью? Онъ не смѣлъ поднять глазъ на услужливыхъ матросовъ, любезно хлопотавшихъ около него. Ему казалось, что всѣ подсмѣиваются надъ нимъ, трунятъ въ тихомолку надъ его паническимъ, безсмысленнымъ страхомъ. Въ каждой добродушной улыбкѣ моряковъ онъ видѣлъ эхидную усмѣшку, а во всѣхъ взорахъ, случайно пойманныхъ на себѣ, читалъ самое безпощадное презрѣніе. Алексѣй Семеновичъ и не подозрѣвалъ, что многіе перепугались даже больше его и еще теперь, когда опасность уже миновала, продолжаютъ трепетать при одной мысли объ ужасномъ посѣщеніи лужайки свирѣпымъ хищникомъ. Особенно труса праздновалъ Савкинъ, забившійся въ зимовье. Онъ дрожалъ точно въ лихорадкѣ и чутко прислушивался къ каждому движенію, крику и шороху, которые доносились извнѣ до его напряженнаго уха. Болѣзненно настроенное воображеніе казначея рисовало ему кровавыя картины, полныя невыразимаго ужаса. Ему представлялось, что тигръ еще на лужайкѣ. Онъ боялся выглянуть изъ зимовья и благоразумно выжидалъ, невольно отбивая зубами бойкую дробь. Подъ давленіемъ только что испытанныхъ страшныхъ впечатлѣній, онъ проклялъ охоту въ уссурійской тайгѣ и рѣшительно клялся въ душѣ никогда больше не отваживаться на весьма рискованные охотничьи экскурсіи въ дѣвствен-

ныхъ чащахъ. Припоминая цѣлый рядъ понесенныхъ неудачъ, Савкинъ пришелъ къ положительному заключенію, что охота въ тайгѣ—спортъ для него не подходящій, что ходить по петербургскимъ болотамъ несравненно пріятнѣе, чѣмъ бродить десятки верстъ по непролазнымъ зарослямъ, въ которыхъ на каждомъ шагу можно натолкнуться на смертельную опасность. „Нѣтъ, довольно!“ мысленно твердилъ Савкинъ, не переставая чутко прислушиваться, что творится внѣ зимовья? „Куда намъ со своимъ рыломъ да въ калашный рядъ!? Никогда намъ не сдѣлаться настоящими таежными охотниками, когда родились болотными... Три мѣсяца пытались удивить своихъ столичныхъ друзей, но безъ успѣха... Пора теперь образумиться... Чортъ съ ними, съ этими длиннохвостыми фазанами, козами, оленями и остальною здѣшнею дичью: не стоитъ она того, чтобы изъ за нея проводить такіе мучительные часы!.. Не пойду больше здѣсь на охоту никогда!.. Это мое рѣшительное слово!.. Такъ и объявлю доктору... Пускай одинъ ходитъ по тайгѣ, если угодно, или пускай сыщетъ другаго товарища, а на меня съ этого дня не разсчитываетъ!..

Размышляя такъ, Савкинъ и не подозрѣвалъ, что Алексѣй Семеновичъ, въ свою очередь, разсуждалъ почти въ томъ-же духѣ, угрюмо вслушиваясь въ оживленную болтовню матросовъ. Темой разговора было неожиданное посѣщеніе тигромъ становища. На нерадиваго Корнева сыпались довольно энергичные попреки въ излишней сонливости. Корневъ огрызался, насколько могъ, пока строгій унтеръ не прекратилъ разроставшагося спора властнымъ приказаніемъ готовиться къ послѣднему переходу въ городъ. И была пора. Алая кайма утренней зари уже охватила почти полъ неба. Изъ за лѣсистаго холма показалась золотая макушка солнца, обдавъ радостнымъ, живительнымъ свѣтомъ темную зелень проснувшейся тайги, а также зеркальную поверхность обширнаго залива, мгновенно ожившаго подъ милльонами ярко-золотистыхъ лучей. Тысячи чаекъ, сладко дремав-

шихъ на прибрежныхъ скалахъ и камняхъ встрепенулись и крикливой стаей заволновались надъ заливомъ, эффектно сверкая на солнцѣ бѣлоснѣжными, красиво изогнутыми, крыльями. Тучи мелкихъ куликовъ со свистомъ заметались по песчаному прибрежью, суетливо подбирая моллюсковъ, рачковъ и рыбокъ, выброшенныхъ услужливымъ приливомъ. Въ далекой выси дѣвственно чистаго неба клокотали кровожадные орланы, зорко высматривавшіе подходящую добычу. Изъ ближайшей чащи съ крикомъ поднялся фазаній выводокъ и быстро скрылся въ густой, высокой травѣ, разросшейся на оголенномъ скатѣ одного стоящаго холма. Откуда-то изъ далека неслись трубные звуки лебедей, пронзительное гоготанье гусей, кряканье утокъ, хриплый пискъ чирковъ и гармоничные крики бѣлыхъ журавлей... Словомъ, на всемъ прибрежьѣ закипѣла утренняя жизнь. На встрѣчу восходящему солнцу неслись разнообразныя проявленія пробужденной природы... Эта чудная жизнь сосредоточила на себѣ вниманіе Алексѣя Семеновича до такой степени, что онъ даже не замѣтилъ, какъ матросы собрались въ дальнѣйшій путь. Докторъ просидѣлъ-бы въ восторженномъ созерцаніи Богъ вѣсть сколько времени, если-бы унтеръ не вывелъ его изъ мечтательнаго настроенія довольно рѣзкимъ вопросомъ:

— Вы, ваше высокоблагородіе, съ нами пойдете или тутъ останетесь?

— Да, да, съ вами, — пришелъ въ себя Алексѣй Семеновичъ и началъ торопливо собираться.

— А господинъ казначей?

— Конечно не останется здѣсь, — утвердительно отвѣтилъ докторъ, направляясь къ зимовью... Николай Николаевичъ! — назвалъ онъ, раскрывъ дверь.

Казначей не замедлилъ отозваться.

— Пойдемте домой, — предложилъ Алексѣй Семеновичъ. Охоту на фазановъ лучше побоку...

— Чертъ съ ними съ фазанами! — заволновался Савкинъ. — Съ этого дня шабашъ охотиться! довольно раз-

наго страху натерпѣлся!.. Не наша доля здѣсь охотиться!.. Петербургскія болота куда лучше!..

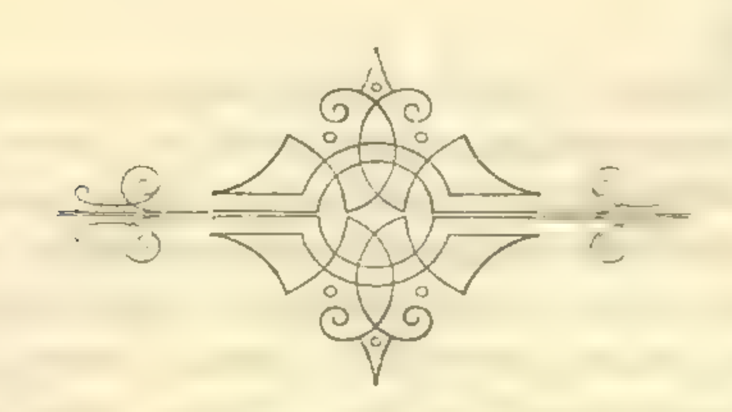
— Разумѣется, лучше,—съ смѣшною поспѣшностью согласился Алексѣй Семеновичъ и затѣмъ воскликнулъ: И такъ, милѣйшій коллега, сегодня-же уложимъ въ ящики свои ружья и прекратимъ наши охотничьи экскурсіи, которыя кажется сдѣлались предметомъ разговора цѣлаго города!..

— И займемся болѣе подходящимъ дѣломъ—завинтимъ на славу,—добавилъ Савкинъ—большой любитель воинственнаго винта во всѣхъ его видахъ...

* *
*

Наши горе-охотники добрались до дому съ грѣхомъ пополамъ, при любезной помощи моряковъ, на широкихъ спинахъ которыхъ они даже перешли въ бродъ злополучную рѣчку, не замочивъ ногъ. Оба шли налегкѣ, передавъ свои ружья и охотничьи доспѣхи услужливымъ матросамъ. Самую жаркую пору дня всѣ провели въ тѣни прибрежной чащи и выступили въ дальнѣйшій путь передъ закатомъ солнца, что было очень на руку Савкину, стѣснявшемуся показаться засвѣтло въ городъ въ своемъ отрепанномъ охотничьемъ костюмѣ. Охотники пробрались къ себѣ тайкомъ и глухими задворками, словно воры, и завалились спать. Казначей вернулся домой въ такомъ страшно угнетенномъ, усталомъ состояніи, что даже забылъ выместить на несчастномъ Петрѣ свои послѣднія горькія неудачи, или вѣрнѣе сказать, онъ выместилъ ихъ только на слѣдующее утро, поколотивъ вѣстоваго до такой степени, что пришлось отправить того въ госпиталь на продолжительное леченіе. Подобное кулачное внушеніе не осталось безъ возмездія: Савкинъ былъ посаженъ на гаубвахту на цѣлый мѣсяцъ, при чемъ начальство предупредило горячаго казначея, что въ слѣдующій разъ онъ будетъ преданъ суду за жестокое обращеніе съ подчиненнымъ нижнимъ чиномъ... Всѣ тридцать дней, проведенные въ

одиночномъ заключенiи. Савкинъ посвятилъ на серьезныя размышленiя о полномъ преимуществѣ петербургскихъ болотъ передъ уссурiйской тайгой и, по выходѣ съ гауптвахты, безповоротно рѣшилъ, что охота на утокъ, бекасовъ и куликовъ несравненно веселѣе и безопаснѣе, чѣмъ охота на.... тигровъ. Къ подобному-же глубокомысленному рѣшенiю дома пришелъ также и другой горе-охотникъ, добродушный докторъ, спрятавшiй всѣ свои охотничьи доспѣхи на дно огромнаго дорожнаго сундука, въ разсчетѣ раскупорить ихъ не раньше какъ въ Европейской Россiи, куда намѣревался скоро возвратиться...

ПАРТІОННЫЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

(Изъ записной книжки проѣзжаго.)

I.

Быстро мчитъ меня лихая тройка степныхъ, полудикихъ лошадей по знаменитой Барабинской степи, страшной своими морозами и буранами. Однообразіе окружающей картины поразительное, подавляющее. Куда ни взглянешь—всюду одна мертвая степь, прикрытая ровною скатертью блестящаго снѣга, степь необъятная и безграничная, пустынная и безжизненная. Напрасно усталый взоръ скользитъ по горизонту, напрасно ищетъ какой либо предметъ, деревцо или кустъ, которые хотя нѣсколько нарушили бы окружающее мертвенное однообразіе. Блестящая, снѣжная одежда степи играетъ на солнцѣ милліонами разноцвѣтныхъ огней и до нестерпимой боли рѣжетъ глаза своею поразительною бѣлизною.

Лихо мчитъ меня тройка, дружно взметывая копытами облака сухой, льдистой пыли. Кажется нѣтъ конца этой безграничной степи... Но вотъ далеко впереди, на самой дорогѣ, что-то зачернѣло: трудно распознать, что именно. Темное пятно все ближе и ближе, растетъ и

ширится... Наконецъ я началъ различать какую-то безпорядочную толпу неизвѣстныхъ людей, окруженныхъ щетиной стальныхъ, сверкающихъ на солнцѣ, штыковъ. Черезъ минуту уже стали ясно видны сѣрые армяки съ нашитыми на спинѣ бубновыми тузами и желтыми буквами. Блестящее солнце, обдавъ эту безпорядочную толпу отверженныхъ людей массой ласкающихъ лучей, весело играетъ на острыхъ штыкахъ конвойныхъ солдатъ, окружающихъ плотнымъ кольцомъ каторжныхъ. Мой ямщикъ сдержалъ и шагомъ по самому краю дороги, началъ обгонять растянувшуюся партію ссыльно-каторжныхъ. Многіе изъ нихъ, услышавъ звонъ колокольчиковъ, съ любопытствомъ оглядывались и подобострастно снимали, при моемъ проѣздѣ, свои сѣрыя шапки—въ надеждѣ получить денежную подачку. Арестанты шли медленнымъ, тяжелымъ шагомъ, непріятно позвякивая кандалами и наручниками. Нѣкоторыя низко опущенныя головы, какъ бы подъ гнетомъ невѣдомыхъ, тяжелыхъ думъ и страданій, придавали общей картинѣ печальный, за сердце щемящій, видъ. Взоръ мой съ любопытствомъ скользилъ по типичнымъ, сильно исхудалымъ лицамъ преступниковъ, желая подмѣтить въ нихъ проблески пробуждающейся совѣсти и сознанія своей недавней вины...

Вотъ идетъ едва передвигая ноги, молодая симпатичная женщина. Сколько болѣзненныхъ чувствъ возбудила во мнѣ ея тщедушная, печальная фигура! Тайная безнадежная тоска и безъисходное горе глубоко запечатлѣлись на ея блѣдномъ, сильно изнуренномъ лицѣ. Даже легкій морозъ не въ силахъ былъ возбудить на впалыхъ щекахъ „несчастной“ хотя бы слабый румянецъ. Тяжело переступала арестантка по снѣжной дорогѣ, низко опустивъ на грудь свою симпатичную голову... Вотъ она бросила на меня быстрый, едва уловимый, взглядъ и еще ниже опустила голову, словно желая скрыть свое лицо отъ любопытныхъ глазъ проѣзжаго. Ясно, что „несчастная“ еще не успѣла свык-

нуться со своимъ позоромъ, съ тяжелой, грустной обстановкой отверженной отъ той среды, изъ которой, можетъ быть, ее вырвали случайно сложившіяся неотвратимыя обстоятельства жизни. Глядя на страдальческое лицо каторжной, мнѣ представлялась страшная страница житейской драмы, ужасной своими послѣдствіями и муками...

Но вотъ конецъ печальнаго шествія арестантовъ... Лихо взмахнулъ ямщикъ кнутомъ и молодецки свистнулъ. Тройка рванулась, словно бѣшенная, и стрѣлой понеслась къ показавшемуся впереди селу, осыпая меня сухой, снѣжной пылью... Не болѣе какъ черезъ пять минутъ опорошенная снѣгомъ кибитка остановилась у почтовой станціи, большаго желтаго зданія, смахивавшаго больше на казарму или сумасшедшій домъ, чѣмъ на пріютъ для проѣзжающихъ. Въ дверяхъ показалось заспанное небритое лицо станціоннаго смотрителя. Приподнявъ кверху, точно гончая собака, выпачканный въ нюхательномъ табакѣ сизый съ багровыми жилками носъ, смотритель съ усиліемъ втянулъ въ себя струю морознаго воздуха, словно оріентируясь: чиновный ли прибылъ проѣзжій или изъ мелкотравчатыхъ? Повидимому, носъ не обманулъ смотрителя, который такъ же быстро скрылся, какъ и появился, не удостоивъ меня даже кивкомъ. Черезъ минуту выползла изъ тѣхъ же дверей толстая, обрюзглая фигура станціоннаго старосты.

— Лошадей нѣтъ!.. Всѣ въ разгонѣ!.. Раньше трехъ часовъ не будутъ, быстро отрапортовалъ староста хриплымъ, полупьянымъ голосомъ.

— Не прикажете ли самоварчикъ? добавилъ онъ уже заискивающимъ тономъ при видѣ новой медвѣжьей шубы и бобровой шапки.

Я съ досадой вылѣзъ изъ кибитки и пошелъ въ просторную комнату для проѣзжающихъ, проклиная въ душѣ и пьянаго старосту, и заспаннаго, выпачканнаго въ нюхательномъ табакѣ, смотрителя, неизвѣстно куда запропастившагося...

II.

Едва я успѣлъ выпить стаканъ чаю, какъ услышалъ какое-то печальное, заунывное пѣніе. Я съ недоумѣніемъ началъ прислушиваться, вопросительно поглядывая на станціоннаго старосту, хлопотливо суетившагося у пузатаго, давно нечищеннаго самовара, шумѣвшаго и пыхтѣвшаго, словно дырявый паровикъ.

— Несчастные идутъ! вывелъ меня изъ недоумѣнія староста и быстро юркнулъ за дверь, охваченный, повидимому, неотразимымъ любопытствомъ.

Я, въ свою очередь, спѣшно накинулъ на плечи шубу и вышелъ на крыльцо станціоннаго дома. Въ единственную, занесенную снѣгомъ, улицу втягивалась только что обогнанная мною въ степи партія каторжныхъ. Арестанты шли до нельзя замедленнымъ шагомъ, возбуждая своею заунывною пѣснею сердоболіе и сожалѣніе обитателей села, высыпавшихъ на улицу цѣлыми семьями

Милосердные наши батюшки,
Не забудьте насъ, невольниковъ,
Заключенныхъ—Христа ради!
Пропитайте-ка, наши батюшки,
Пропитайте насъ, бѣдныхъ заключенныхъ!..

Заунывно тянули каторжные разбитыми, словно надтреснутыми голосами.

Грустно проходитъ партія въ двухъ шагахъ отъ меня. Неотразимое, неизъяснимое волненіе охватываетъ мое забившееся сердце при видѣ несчастныхъ, изможденныхъ преступниковъ, отверженныхъ неумолимымъ закономъ и правосудіемъ отъ общества, оторванныхъ за свои проступки отъ семьи, роднаго крова и всего для нихъ дорогаго и обожаемаго...

Сожалѣйтеся, наши батюшки,
Сожалѣйтеся, наши матушки.
Заключенныхъ, Христа ради!
Мы сидимъ въ неволюшкѣ.
Во неволюшкѣ: въ тюрьмахъ каменныхъ,

За рѣшетками—за желѣзными,
За дверями—за дубовыми,
За замками—за висячими.
Распростились мы съ отцемъ, съ матерью,
Со всѣмъ родомъ своимъ племенемъ...

Стонали каторжные... Да, это была не пѣсня „милосердная", когда-то сочиненная невѣдомымъ преступникомъ-піитомъ, а тяжкій страдальческій стонъ, хватавшій за сердце, раздражавшій нервы и волновавшій кровь. Въ высшей степени тоскливомъ, ноющемъ напѣвѣ „милосердной" слышались необъятная печаль и скорбь, горькая жалоба на злосчастную судьбу и безъисходная, тяжелая грусть... Очевидно, преступники силились разжалобить собравшійся народъ и, взывая къ его милосердію, вымолить своимъ стономъ болѣе или менѣе щедрыя подаянія. Своей корыстной цѣли они достигали очень успѣшно. Подаянія сыпались со всѣхъ сторонъ: кто клалъ въ арестантскіе мѣшки ломоть хлѣба, кто совалъ въ закорузлыя руки преступниковъ копѣйку, кто дарилъ холстъ, кто выносилъ цѣлыя крынки молока, жадно выпиваемаго каторжниками тутъ же на дорогѣ, на ходу. Каждый спѣшилъ подать свою лепту съ искреннимъ желаніемъ облегчить тяжкую, горькую участь „несчастныхъ". Конвойные не мѣшали проявленію народнаго соболѣзнованія къ арестантамъ и благодушно дозволяли втискиваться постороннимъ въ самую середину партіи...

Каторжные растянулись почти на все село, проходя мимо меня печальной вереницей... Вотъ идетъ, замѣченная мною раньше, молодая симпатичная женщина, поразившая меня своимъ исхудалымъ лицомъ, преисполненнымъ страданія и нравственной муки. Въ виду предстоящаго отдыха она какъ будто нѣсколько оживилась: на ея щекахъ играетъ слабый румянецъ; она шагаетъ бодрѣе, смотритъ не такъ убито и уныло. Немного позади ея съ усиліемъ передвигаетъ закованныя ноги мужикъ среднихъ лѣтъ съ окладистой бородой и впа-

лыми мутными глазами, въ которыхъ отражается одна лишь мертвенная покорность злосчастной судьбѣ. Несмотря на лучшую пору своей жизни, арестантъ уже сильно сгорбился, словно шестидесятилѣтній болѣзненный старикъ, сгорбился не отъ физическаго разстройства, но подъ тяжестью нравственныхъ страданій и невыносимыхъ душевныхъ мукъ. Рядомъ съ этимъ, можетъ быть случайнымъ, преступникомъ бойко переступаетъ, позванивая кандалами, молодой парень съ дерзкимъ, вызывающимъ лицомъ и ухарскими ухватками. Его хищные, пронизывающіе глаза смотрятъ смѣло и съ задорнымъ цинизмомъ. Повидимому, онъ нисколько не смущается своимъ исключительнымъ, позорнымъ положеніемъ „отверженнаго", нисколько не пеняетъ на свое заключеніе, не жалуется на горькую судьбу, бросившую его въ среду всевозможныхъ преступниковъ и злодѣевъ, вольныхъ и невольныхъ... Во всей наружности парня проглядываютъ наглое самохвальство и черствая закоренѣлость. Повидимому, онъ давно уже потерялъ всякое понятіе о совѣсти. Онъ казался мнѣ злодѣемъ, закоренѣлымъ во всевозможныхъ преступленіяхъ, не признающимъ въ жизни ничего святаго...

Дальше идутъ молодые и старые, почти дѣти и дряхлые старики, убѣленныя сѣдиной, женщины и мужчины. Одни изъ арестантовъ невольно возбуждаютъ къ себѣ своимъ убитымъ, несчастнымъ видомъ большое сочувствіе и неотразимое сожалѣніе. Напротивъ, наглая, разбойническая наружность другихъ порождаетъ неудержимую гадливость и отвращеніе. Смѣсь всевозможныхъ лицъ—добрыхъ и злыхъ, печальныхъ и самодовольныхъ искренно убитыхъ и нахальныхъ, покорныхъ злосчастной судьбѣ и вызывающихъ—поразительная! Передо мной медленно проходятъ, какъ въ панорамѣ, отъявленные злодѣи, малодушные преступники, жертвы своего темперамента и наконецъ „невольные" арестанты, попавшіе въ кандальную партію вслѣдствіи какихъ нибудь случайныхъ неотвратимыхъ стеченій обстоятельствъ жизни

Эти дѣйствительно „несчастные“ возбудили во мнѣ глубокое сожалѣніе, и помимо воли я сталъ скорбѣть ихъ скорбью; сердце мое заныло отъ ихъ горькой участи...

III.

Вскорѣ кандальная партія была размѣщена въ этапномъ домѣ, стоявшемъ отдѣльно на краю села, посреди высокой прочной ограды. Пользуясь свободнымъ временемъ, я рѣшилъ непремѣнно познакомиться хотя нѣсколько съ бытомъ каторжныхъ и обратился съ этою просьбою къ начальнику партіи, пожилому офицеру, выслужившемуся, повидимому, изъ нижнихъ чиновъ. На мое счастье офицеръ этотъ оказался очень предупредительнымъ, любезнымъ человѣкомъ и тотчасъ же согласился провести меня въ этапный домъ. Изъ этого одного поступка я справедливо заключилъ, что имѣю дѣло съ честнымъ, добросовѣстнымъ начальникомъ партіи, не обижающимъ „несчастныхъ“ и довольствующимъ ихъ всѣмъ „по положенію“. Иначе онъ ни за что не допустилъ бы совершенно незнакомаго проѣзжаго въ этапный домъ, не сталъ бы знакомить его съ каторжными нерѣдко чрезвычайно смѣлыми въ заявленіи каждому „господину“ разныхъ, болѣе или менѣе справедливыхъ, „претензій“. Словомъ, партіонный начальникъ не боялся огласки своихъ законныхъ, правильныхъ и безупречночистыхъ дѣйствій...

Мы вошли въ этапный домъ уже съ сумерками. Представьте себѣ маленькую холодную избу, крытую тесомъ и крашенную неизмѣнной, казенной, желтой краской. Небольшое помѣщеніе для конвойныхъ примыкаетъ къ узкому темному коридору, изъ котораго идутъ двери въ двѣ отдѣльныя камеры—для мужчинъ и женщинъ. Мы вошли въ первую камеру; въ ней было еще достаточно свѣтло; широкія грязныя нары тянулись вдоль стѣнъ и придавали камерѣ вполнѣ острожный видъ. Кандальные лежали и сидѣли въ самыхъ разно-

образныхъ положеніяхъ; нѣкоторые уже спали крѣпкимъ сномъ сильно уставшаго человѣка; другіе вели между собою какую-то таинственную бесѣду, но при нашемъ появленіи мгновенно затихли и поднялись на ноги, непріятно позвякивая тяжелыми кандалами. Я началъ искать глазами знакомыхъ уже мнѣ каторжныхъ. Первымъ привлекъ мой взоръ нахальный парень, только что порвавшій таинственную бесѣду съ нѣсколькими товарищами по заключенію. Немного въ сторонѣ сидѣлъ на нарахъ примѣченный мною ранѣе мужикъ съ окладистой бородой; упершись локтями въ колѣни и опустивъ голову на сложенныя ладони, онъ имѣлъ чрезвычайно убитый видъ. Онъ не спалъ, хотя глаза его были закрыты. Повидимому, тяжелыя думы давили и терзали этого „несчастнаго", заброшеннаго злою судьбою за тысячи верстъ отъ роднаго крова и семьи. Взоръ мой невольно приковался къ сгорбленной фигурѣ преступника; сердце переполнилось къ нему искреннимъ сожалѣніемъ и глубокимъ сочувствіемъ. Я былъ увѣренъ, что вижу не злодѣя, не душегубца, не грабителя, но лишь „случайнаго преступника", совершившаго „нѣчто" для него самого неожиданное и страшное. Жгучее любопытство заставило меня обратиться къ партіонному начальнику съ просьбой:

— Можно спросить: за что сосланъ въ каторгу этотъ несчастный?

При этомъ я указалъ своему спутнику на мужика, привлекшаго мое вниманіе и возбудившаго во мнѣ столько сожалѣній.

— Пожалуйста, не тревожьте его тяжелыми разспросами, живо проговорилъ партіонный начальникъ съ какимъ-то теплымъ участіемъ. Оставьте несчастнаго въ покоѣ... Если же вамъ ужъ такъ желательно знать причину его ссылки, то я вамъ разскажу за стаканомъ чая на станціи.

— А этотъ молодой парень за что сосланъ на работу? полюбопытствовалъ я.

— Этого можете сами спросить, разрѣшилъ партіонный начальникъ.—Не удивите его и не обидите: закоренѣлость въ немъ большая-съ..

Я приблизился къ нахальному парню.

— За что попалъ на каторгу?

— За храбрость! отвѣтилъ онъ смѣло, не спуская съ меня своихъ дерзкихъ, вызывающихъ глазъ.

— За какую храбрость? невольно вырвался у меня удивленный вопросъ.

Парень усмѣхнулся и скороговоркой проговорилъ:

— По большимъ дорогамъ, господинъ, не боялся ходить и по темнымъ лѣсамъ не страшился шататься... Зато почтеннымъ купцамъ при встрѣчахъ такого страху нагонялъ, что все добровольно выкладывали мнѣ: лишь бы душеньку ихъ на покаяніе отпустилъ...

— Проще сказать за грабежъ ты сосланъ? вопросительно перебилъ я нахальнаго арестанта.

— По вашему, пожалуй, и за грабежъ будетъ, а по нашему такъ за храбрость, за которую проѣзжіе купцы и господа всегда съ поклономъ и дорого платили, тѣмъ же вызывающимъ тономъ отвѣтилъ парень, видимо рисуясь передъ „товарищами", которые поглядывали на злодѣя съ нескрываемымъ восторгомъ.

— А много ли душъ загубилъ ты своею храбростью? продолжалъ я разспрашивать, охваченный неотразимымъ любопытствомъ.

Парень опять усмѣхнулся.

— Не велъ имъ счета, господинъ... Много ли, мало ли — все едино на каторгу угодилъ, а тамъ какъ уйду на волю, „кукушку слушать" *), такъ всенепремѣнно считать начну и, если встрѣчусь гдѣ либо съ вашей милостью, то и счетъ преподнесу, коли желаете...

— Ну, ну, довольно, Сенька! ты, я вижу, завираться

*) Весенніе продолжительные побѣги изъ тюремъ и другихъ мѣстъ заключеній обозначаются острожнымъ терминомъ „слушать кукушку". Арестантъ, задумавшій кратковременную отлучку изъ тюрьмы обыкновенно говоритъ: „пойду простоквашу кушать".

сталъ! строго остановилъ партіонный начальникъ расходившагося арестанта.

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе! по солдатски гаркнулъ парень и, тряхнувъ головой, вытянулся въ струнку.

Нахальство парня возмутило и меня; я отошелъ отъ него съ невольнымъ чувствомъ омерзенія... Черезъ минуту мы перешли въ женскую камеру; въ ней помѣщались только четыре преступницы; всѣ онѣ лежали на нарахъ и спали, повидимому, сильно измученныя тяжелымъ переходомъ по глубокому снѣгу отъ одного этапнаго пункта до другаго. Въ наступившемъ полумракѣ я не могъ разглядѣть ни одну изъ скорчившихся на нарахъ отъ холода фигуръ, хотя мнѣ очень хотѣлось еще разъ взглянуть на симпатичную молодую женщину, такъ сильно поразившую меня своимъ убитымъ страдальческимъ видомъ.

IV.

Черезъ полчаса мы сидѣли уже на станціи за шипящимъ самоваромъ и дружно бесѣдовали. Разговорчивый, предупредительный партіонный начальникъ посвящалъ меня въ закулисныя тайны кандальной партіи, доставляя мнѣ большое развлеченіе своими безъискусственными разсказами о житьѣ-бытьѣ каторжныхъ.

— Есть у меня въ партіи всякіе: и убійцы, вольныя и невольныя, разсказывалъ мнѣ мой словоохотливый собесѣдникъ, — и грабители большихъ дорогъ, и фальшивые монетчики, и поджигатели, и даже есть одна „жертва свободныхъ идей“, какъ называетъ себя одинъ изъ наиболѣе пакостныхъ кандальныхъ... Что это за жертва — не съумѣю объяснить вамъ, такъ какъ оффиціальныхъ свѣдѣній о ней не имѣю, а разсказамъ ея не довѣряю, потому что во всѣхъ фразахъ этого субъекта чувствуется одна только фальшь и ерунда. Каторжные. народъ чуткій, хорошо, повидимому, раскусили эту „жертву“ и сторонятся отъ нея, словно какъ отъ заразы.

— Тяжело, вѣроятно, вамъ приходится при исполненіи вашихъ трудныхъ и подчасъ пожалуй, опасныхъ обязанностей? спросилъ я.

— Смирному да покладистому человѣку вездѣ, всюду и среди всѣхъ, батюшка мой, хорошо, и я на свою участь жаловаться не смѣю... Хотя и толкуютъ разные разумники, что каторжникъ не человѣкъ, а если и человѣкъ, то непремѣнно злой, скверный, опасный, но это, доложу вамъ напрямикъ, въ большинствѣ случаевъ одинъ наговоръ, хотя, можетъ быть, иногда и не умышленный. Не вѣрьте, батюшка мой, и десятой долѣ разсказовъ о безусловно черной душѣ „несчастныхъ". Я вотъ уже двадцать лѣтъ живу среди каторжныхъ и острожниковъ и долженъ сознаться, что у нихъ подчасъ проявляется больше честныхъ и хорошихъ порывовъ, чѣмъ у многихъ лицъ нашего сословія. Правда, вы найдете среди нихъ и закоренѣлыхъ негодяевъ, въ родѣ того парня, съ которымъ вы изволили только что бесѣдовать, но въ семьѣ не безъ урода, какъ говорится... Потормошите хорошенько вокругъ себя, всмотритесь пристальнѣй въ дѣйствія и проступки окружающаго васъ люда, и вы воочію убѣдитесь, какъ много подобныхъ же уродовъ среди насъ: настоящіе волки въ овечьей шкурѣ... При всемъ этомъ обратите вниманіе на то весьма важное обстоятельство, что каторжникъ, оторванный отъ всего, презираемый и отвергаемый людьми, долженъ бы, кажется, горѣть непреодолимой злобой и ожесточеніемъ ко всѣмъ безъ исключенія... Это ожесточеніе было бы ему, пожалуй, даже простительно, потому что „звѣрь-человѣкъ" онъ есть, какъ утверждаютъ многіе... На самомъ же дѣлѣ подобное ожесточеніе я встрѣчалъ очень рѣдко. Мало того, почти у каждаго, самаго отъявленнаго, повидимому, злодѣя всегда тлѣютъ подъ золой преступленій неугасимыя искры совѣсти... Съумѣйте только раздуть эти искры, и я ручаюсь, что изъ десяти разъ — девять, вы достигнете удовлетворительныхъ результатовъ: звѣрь сдѣлается опять человѣкомъ... Да-съ,

батюшка, на все нужна извѣстная сноровка и мѣра. Многіе считаютъ каторжныхъ нравственными уродами, которыхъ можно сдерживать только безпощадной поркой. Эти господа слишкомъ вѣрятъ въ могущественную силу плетей и розогъ, придаютъ послѣднимъ непозволительно большое значеніе въ дѣлѣ исправленія. Я же такого мнѣнія, что страхъ наказанія сдерживаетъ страсти только до поры до времени... Тотъ жестоко ошибается, кто видитъ въ арестантѣ лишь одну скотскую натуру, кто не желаетъ заглянуть въ него поглубже, не желаетъ разобраться въ его сердечныхъ и душевныхъ тайникахъ, кто не желаетъ, наконецъ, понять гуманныхъ цѣлей правительства, ссылающаго въ каторгу не для беззаконной порки и истязаній, а лишь съ цѣлью выдѣлить изъ общества болѣе испорченныхъ субъектовъ и заставить ихъ искупить свои преступленія тяжелой, но человѣческой работой. Между тѣмъ очень часто изъ каторги дѣлаютъ незаконное наказаніе, а непозволительную пытку, и все оттого, что нехотятъ понять, что на арестанта можно подѣйствовать чаще добрымъ, во-время сказаннымъ, словомъ, чѣмъ плетьми, розгами и кулаками... Вотъ вы навѣрно не повѣрите мнѣ, если скажу, что я рѣшился бы, напримѣръ, еслибы начальство разрѣшило, вести свою партію до слѣдующаго этапа безъ конвойныхъ и довелъ бы всѣхъ преблагополучно.

— Какимъ образомъ? вырвалось у меня невольное восклицаніе.

— Очень просто: довѣрился бы слову нѣсколькихъ молодцовъ, и они исполнили бы свое дѣло лучше всякихъ конвойныхъ... На моемъ вѣку, доложу вамъ, бывали такіе удивительные случаи, что вы, пожалуй, и не повѣрите мнѣ, если я разскажу про нихъ. Я поспѣшилъ увѣрить своего собесѣдника въ противномъ и просилъ его непремѣнно познакомить меня съ нѣкоторыми фактами изъ жизни кандальныхъ.

— Бѣжалъ у меня разъ изъ партіи, началъ разсказывать онъ послѣ краткаго раздумья, —одинъ каторжный.

только что переданный мнѣ изъ острога для доставки въ Усть-Кару. Къ слову сказать, партію свою я необижалъ, довольствовалъ ее всѣмъ по положенію и большими переходами не томилъ, словомъ, съ кандальными своими жилъ мирно и дружно... Побѣгъ Майданщика (такъ звали каторжнаго) очень напугалъ меня. Ну, думаю дѣло плохо: суда не миновать. Раздумываю я и слышу, что и въ партіи неожиданный побѣгъ переполоху надѣлалъ: шумятъ, ругаютъ бѣглаго на чемъ свѣтъ стоитъ и о чемъ-то шепчутся. Черезъ нѣкоторое время просятъ переговорить со мной. Что, спрашиваю, братцы, вамъ надо? Выступилъ впередъ ихъ артельный староста и повелъ такую рѣчь: „Тобою, ваше благородіе, мы оченно довольны; въ обиду насъ не даешь и самъ не обижаешь; крохи наши не крадешь и плетью да кулаками по спинамъ нашимъ не гуляешь... Оченно за все благодарны!.. Вотъ мы и рѣшили міромъ, за твою къ намъ доброту и ласку, изловить бѣглаго и тебѣ представить, чтобъ ты въ отвѣтѣ передъ своимъ начальствомъ не былъ!“ Благодарю, говорю, братцы, за доброе слово, да какъ вы рѣшеніе свое исполните? „Ты, ваше благородіе, не сумлѣвайся“, продолжалъ староста... „Прикажи только снять кандалы съ Дрозда и Брюхача: они народъ здоровый, крѣпкій и смѣтливый — все дѣло тебѣ махомъ сладятъ“. Ну, думаю, за семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Была не была, попробую. Недолго размышляя, приказалъ снять кандалы и наручники съ указанныхъ каторжныхъ и пустилъ ихъ на всѣ четырѣ стороны... Прошли сутки, прошли другія, и я, признаться, сталъ уже раскаиваться, что рѣшился на сдѣлку съ преступниками, но безпокойства и сомнѣнія мои оказались напрасными. На третій день Дроздъ съ Брюхачемъ нагнали партію и привели съ собой Майданщика... Досталось же ему отъ товарищей! Я ужъ не вмѣшивался. Ему задали знатную дерку, чтобы въ другой разъ не вздумалъ бѣжать... Разъ шесть я входилъ съ каторжными въ такую сдѣлку, и всегда они выполняли свое слово

свято и ненарушимо. А почему?.. Да потому, что добрымъ словомъ и хорошимъ обхожденіемъ ихъ полонилъ...

— А то такой разъ случай былъ, продолжалъ разсказывать мой собесѣдникъ, — попала въ партію тихая, славная женщина, сосланная въ каторгу за убійство мужа-тирана. Шла она мѣсяцъ, шла другой, вдругъ объявляетъ, что беременна и должна на дняхъ родить. Вскорѣ стало ей не въ моготу идти. Я только руками развелъ. До города далеко и денегъ на подводу нѣтъ. Провѣдали о моемъ затруднительномъ положеніи кандальные и шлютъ ко мнѣ для переговоровъ старосту. „Слышали мы", — началъ тотъ, „что наша „горемыка" (такъ прозвали каторжную въ партіи) родить должна, и міромъ рѣшили помочь ей, чѣмъ можемъ, а ребенка на наше попеченіе взять до мѣста: пускай партійнымъ младенцемъ будетъ". Да что вы надумали, братцы? спрашиваю. „Партія рѣшила, ваше благородіе", продолжалъ староста, израсходовать часть денежныхъ подаяній на подводу для „горемыки", а тамъ и для младенца что нибудь скопимъ, потому онъ нашъ будетъ, „партіонный"... Я, конечно, согласился и до сихъ поръ не могу забыть, какъ эти закоренѣлые, по мнѣнію многихъ столичныхъ жителей, преступники наперерывъ ухаживали за „горемыкой", какъ нянчились съ ея ребенкомъ, неся его поочереди отъ привала къ привалу, и какъ отказывали себѣ часто въ самомъ необходимомъ, чтобы только доставить своему питомцу кое-какія удобства...

Я пробесѣдовалъ съ словоохотливымъ партіоннымъ начальникомъ до глубокой ночи. Онъ разсказалъ мнѣ много интереснаго изъ жизни „несчастныхъ". Отъ него я узналъ трогательныя подробности ссылки въ каторжную работу заинтересовавшей меня преступницы. Онъ познакомилъ меня съ горестной „одиссеей" нѣкоторыхъ „случайныхъ" кандальныхъ, попавшихъ въ каторгу въ силу какихъ-то роковыхъ недоразумѣній... Но объ этомъ въ другой разъ.

Охотникъ за пантами.

(Эпизодъ изъ жизни одного хищника Крайняго Востока).

~ o ~

I.

Пантами (по-китайски Лу-жцимъ) русскіе жители Уссурійскаго края называютъ изюбровые и оленьи молодые рога, изъ которыхъ китайцы приготовляютъ укрѣпляющее, животворное, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно дорогое лѣкарство для слабыхъ и разстроенныхъ организмовъ. Панты, вслѣдствіе этого, очень цѣнятся: за нихъ платятъ, смотря по достоинству, отъ полутораста до трехъ сотъ серебряныхъ рублей за пару. Въ виду такой цѣнности, добываніе пантовъ считается весьма прибыльнымъ промысломъ, которымъ занимаются въ краѣ многіе охотники, какъ инородцы, такъ и русскіе. Послѣдніе охотятся преимущественно съ ружьемъ, изъ инородцевъ же нѣкоторые предпочитаютъ устраивать для изюбровъ и пятнистыхъ оленей разнообразныя ловушки, изъ которыхъ особенно гибельны для животнаго царства края, такъ называемыя, звѣриныя ямы. При помощи этихъ ямъ, маньцзи *) звѣропромышленники уничтожаютъ животное богатство нашего Крайняго Востока съ такою

*) Маньцзами зовутъ китайцевъ, поселившихся въ Уссурійскомъ краѣ.

безсовѣстностью, что Уссурійскій край, еще недавно переполненный разнообразнымъ звѣремъ, начинаетъ теперь постепенно ощущать недостатокъ то въ той, то въ другой породѣ. Ради пары пантовъ, манъцзи готовы истребить сотню головъ самаго разнообразнаго звѣря. На всѣхъ, хорошо извѣстныхъ, звѣриныхъ тропинкахъ китайцы вырываютъ несмѣтное число ямъ, иногда занимающихъ площадь въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ. Для ловли звѣря ямами, прежде всего устраиваютъ засѣку изъ поваленныхъ деревьевъ, до двухъ аршинъ вышиной; въ засѣкѣ вырываютъ ямы, отъ десяти до четырнадцати футъ глубиною, съ широкимъ основаніемъ и менѣе широкимъ отверстіемъ; такимъ образомъ бока ямъ наклонны. Отверстія закладываютъ сухой травой, такъ что ловушки совершенно незамѣтны; передъ ямами вбиваютъ, сверхъ того, рядъ кольевъ съ наложенными на нихъ жердями, съ цѣлью заставить звѣря непремѣнно сдѣлать прыжокъ, причемъ покрышка ямы легко пробивается, и звѣрь падаетъ на дно. Кромѣ оленей, изюбровъ и козъ, попадаются въ ямы кабаны, волки, лисицы, еноты, иногда даже тигръ, но послѣдній легко выскакиваетъ изъ предательской ловушки. Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что какъ бы тигръ ни былъ голоденъ, онъ никогда не рискнетъ полакомиться уже пойманной добычей, но спѣшитъ выбраться на свободу: неволя отнимаетъ у него аппетитъ. За то медвѣди частенько сами забираются въ ямы и нерѣдко уничтожаютъ дорогіе экземпляры попавшагося звѣря. Въ этомъ случаѣ хищники выказываютъ большую сообразительность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмотрительность. Они обыкновенно подтаскиваютъ къ ямѣ какой-либо, близъ лежащій, стволъ дерева, опускаютъ его на дно ловушки и храбро ползутъ къ лакомой добычѣ по импровизированной сходнѣ. При помощи того же ствола находчивые медвѣди легко вылѣзаютъ и назадъ изъ ямъ, неотразимо губительныхъ для остальныхъ представителей животнаго царства.

Трудно даже вообразить, какое громадное число *) звѣря пропадаетъ даромъ въ этихъ звѣриныхъ ямахъ. Маньцзи звѣропромышленники ищутъ только самцовъ изюбровъ и пятнистыхъ оленей; все остальное не удостоивается ихъ вниманія. Пойманныхъ оленей и изюбровъ звѣроловы приводятъ домой живыми, держатъ въ особыхъ стойлахъ и кормятъ сѣномъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ не спадутъ старые рога и не замѣнятся новыми — пантами. Процедура эта довольно длинная и требуетъ безусловнаго вниманія, чтобы звѣри въ неволѣ не попортили своихъ молодыхъ роговъ, цѣнность которыхъ при этомъ совершенно теряется. Вслѣдствіе этого многіе болѣе отважные инородцы, а также русскіе охотники края — охотятся за изюбрами и пятнистыми оленями, въ извѣстное время года, съ ружьемъ, несмотря даже на то, что подобная охота сопряжена съ опасностями и не всегда бываетъ удачна: все зависитъ отъ случая и счастья...

Не такъ давно, во время нашего продолжительнаго пребыванія въ Уссурійскомъ краѣ, намъ представлялась возможность встрѣчаться со многими охотниками за пантами, болѣе или менѣе счастливыми; но особенно счастливымъ считался нѣкто Перекатовъ, отставной солдатъ, прекрасно освоившійся съ тайнами и опасностями необъятной тайги. Каждый разъ онъ приносилъ богатую добычу. Всѣ удивлялись подобному рѣдкостному счастью и превозносили Перекатова, какъ охотника выдающагося, не имѣвшаго соперника въ цѣломъ краѣ. Его необычайному счастью завидовали какъ русскіе, такъ и инородцы. Многіе старались объяснить эту неизмѣнную удачу разными, болѣе или менѣе правдоподобными, предположеніями. Нѣкоторые даже утверждали, что Перекатовъ вошелъ въ полюбовное соглашеніе съ самимъ

---

*) Маньцзи постоянно роютъ новыя и новыя ямы, причемъ старыя не зарываются и безслѣдно губятъ собою массу звѣря. Особенно много гибнетъ подростковъ, легко попадающихъ въ ямы даже не прикрытыя хворостомъ или травой.

лѣсовикомъ; но никто не зналъ, до поры до времени, правды и дѣйствительной причины замѣчательныхъ успѣховъ Перекатова во всѣхъ его охотничьихъ экскурсіяхъ.

Геркулесовскаго тѣлосложенія, замѣчательный стрѣлокъ, сбивавшій пулей головы у плавающихъ гагаръ на разстояніи пятидесяти шаговъ; всегда отлично вооруженный винтовкой, револьверомъ и ножомъ, Перекатовъ уходилъ въ тайгу обыкновенно на нѣсколько сутокъ, днюя и ночуя въ тайникахъ, ему только извѣстныхъ. Онъ чувствовалъ себя въ лѣсной глуши, какъ дома; ему были знакомы всѣ звѣриныя тропы, недоступнѣйшія, повидимому, пади, каждое вѣковое дерево и каждый ручей. До нельзя отважный, Перекатовъ не страшился возможныхъ встрѣчъ съ тиграми, барсами, свирѣпыми чернобурыми медвѣдями, и нерѣдко приносилъ съ собой, вмѣстѣ съ пантами, роскошную шкуру какого-нибудь хищника, случайно подвернувшагося подъ его мѣткую пулю. Перекатовъ, повидимому, не вѣдалъ страха. Всѣ хищники, самые опасные и кровожадные, были въ его мнѣніи положительно ничтожны. Онъ убивалъ ихъ при случаѣ всегда на повалъ, съ одного выстрѣла безъ малѣйшаго дрожанія мускулистыхъ рукъ, съ усмѣшкою, точно стрѣлялъ по зайцу или лисицѣ. Не было случая, чтобы Перекатовъ когда-либо терялъ присутствіе духа: при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, въ моменты смертельной опасности, онъ всегда сохранялъ изумительное самообладаніе и хладнокровіе, словно опасности для него не существовало. Необыкновенно находчивый, онъ десятки разъ изыскивалъ выходъ изъ невозможнаго, повидимому, положенія и всегда возвращался домой съ богатой добычей, веселый и здоровый. Отдохнувъ денька два-три, Перекатовъ опять вооружался, забиралъ кое-какую провизію и безслѣдно исчезалъ въ глухой тайгѣ, иногда на недѣлю и даже дольше. При этомъ онъ всегда обставлялъ свой уходъ въ тайгу безусловною, непроницаемою таинственностью. Никто никогда не зналъ, въ какой день онъ уйдетъ на охоту,

куда именно пошелъ и когда возвратится. Несмотря на жгучее любопытство многихъ, никто не могъ отгадать, въ какихъ благодатныхъ мѣстностяхъ охотится Перекатовъ всегда такъ успѣшно и съ такимъ рѣдкимъ счастьемъ. Всѣ только удивлялись его удачѣ.

II.

Солнце только что показало свою золотую макушку изъ-за горизонта и обдало пурпурнымъ отблескомъ ближайшія, щетинистыя вершины холмовъ, безпорядочно разбросанныхъ на громадномъ полуостровѣ Муравьевъ-Амурскій. Ущелья и пади еще остаются погруженными въ таинственный полумракъ, среди котораго недвижно дремлютъ величественные кедры, ильмы, сосны и другіе столѣтніе великаны, гордо подымающіе пышные вершины изъ едва проницаемой чащи густолиственнаго подлѣска. Высокая трава, покрытая, словно жемчужною пылью, обильною утреннею росою, приникла, подъ тяжестью влажныхъ испареній, почти къ самой землѣ и терпѣливо ждетъ первыхъ жгучихъ лучей лѣтняго солнца, чтобы гордо подняться выше человѣческаго роста. Мертвая тишина пока царитъ какъ въ лѣсной чащѣ, такъ и вдоль побережья двухъ величественныхъ заливовъ, омывающихъ полуостровъ съ западной и восточной сторонъ. Вся окружающая природа еще объята сладостной, предразсвѣтной дремотой, не успѣвъ сбросить волшебнаго очарованія чудной лунной ночи, только что миновавшей. Не слышно ни звука, ни крика, ни шороха. Животныя и птицы притаились гдѣ-то въ глуши тайги и хранятъ таинственное молчаніе... Но вотъ солнце поднялось выше линіи хребта и разомъ обдало яркимъ, животворнымъ свѣтомъ дремлющихъ лѣсныхъ великановъ, подлѣсокъ и приникшую къ землѣ траву. Картина мгновенно измѣнилась. Казалось, какой-то могущественный, невидимый волшебникъ вдругъ сдернулъ со всей окружающей мѣстности мрачный ночной покровъ и

набросилъ вмѣсто него новый, сверкающій всѣми цвѣтами роскошной радуги. Позлащенныя деревья словно ожили и затрепетали. Жемчужная пыль, обильно покрывавшая доселѣ всю зелень, быстро свернулась въ крупныя капли, отражавшія милліоны солнечныхъ лучей. Пышная трава и листва засверкали чудными брилліантами, сапфирами, изумрудами и другими драгоцѣнными каменьями, будто разбросанными вдругъ щедрою рукою невѣдомаго чудодѣя. Лѣсная чаща проснулась и оживилась. Отовсюду понеслись навстрѣчу яркому солнцу разнообразные звуки пробуждающейся животной жизни. Ночная тишина смѣнилась утреннимъ радостнымъ оживленіемъ...

Изъ небольшаго, низкаго шалаша, ревниво скрытаго отъ любопытныхъ взоровъ густѣйшею зарослью, выползъ атлетическаго роста охотникъ, взглянулъ на ясное, сверкающее небо и прошепталъ:

— Эге, солнышко ужъ поднялось высоконько... Пора и намъ въ путь-дороженьку...

— Шарикъ!.. Шарикъ!.. Полно дрыхать, старикъ!..— крикнулъ онъ послѣ краткаго раздумья.

На энергичный зовъ тотчасъ же выползла изъ того же шалаша крѣпкая, мускулистая собака, мохнатая, остромордая, съ пушистымъ хвостомъ и торчащими, какъ у волка, ушами. Лѣниво потянувшись, собака подошла степенною походкою къ хозяину и, вставъ на заднія лапы, положила переднія ему на грудь, выразивъ при этомъ намѣреніе лизнуть его прямо въ лицо.

— Ну, хорошо, хорошо... Пошелъ прочь!.. Нечего лизаться! —ласково проворчалъ охотникъ, отстраняясь отъ собаки. — Ишь какъ, дурачина, разоспался: даже восходъ солнышка прозѣвалъ... А жрать хочешь?

Шарикъ, словно понимая, вильнулъ хвостомъ и аппетитно облизнулся.

— Ну, покушаемъ, да побредемъ дальше,—рѣшилъ охотникъ и полѣзъ въ шалашъ, искусно сдѣланный изъ древесныхъ вѣтвей.

Чрезъ минуту онъ выползъ опять съ задней ногой козули, недавно, повидимому, убитой. Шарикъ подбѣжалъ къ хозяину, присѣлъ и сталъ внимательно слѣдить за всѣми его движеніями, терпѣливо ожидая обыденной подачки. Перекатовъ,—это былъ онъ,—не торопясь, вытащилъ изъ-за сыромятнаго, широкаго ремня охотничій ножъ, откромсалъ отъ принесенной туши сочный кусокъ съ костью и бросилъ его своему вѣрному спутнику по тайгѣ. Собака ловко на лету подхватила брошенную дичину, прилегла съ нею на траву и жадно стала ѣсть, изрѣдка пріостанавливаясь и облизывая языкомъ окровавленныя губы... Перекатовъ, между тѣмъ, раздулъ тлѣвшіеся еще уголья вечерняго костра, съ привычною быстротою поджарилъ на нихъ нѣсколько ломтей свѣжаго мяса и принялся, въ свою очередь, за незатѣйливый завтракъ, предварительно вытащивъ изъ кожаной сумки, висѣвшей чрезъ плечо, объемистую флягу съ водкой, два сухаря, соль и разложилъ всѣ эти предметы своего небольшаго запаса на примятой травѣ. Наливъ затѣмъ въ металлическій стаканчикъ довольно щедрую порцію живительнаго напитка, Перекатовъ опрокинулъ стаканчикъ, однимъ взмахомъ привычной руки, въ широко раскрытое горло, проглотилъ водку залпомъ и крякнулъ при этомъ такъ энергично, что Шарикъ, сосредоточившійся было на своемъ кускѣ мяса, на минуту пріостановился и уставился на хозяина, словно спрашивая, что случилось?.. Убѣдившись въ благополучномъ и правильномъ ходѣ дѣла, собака вновь принялась за неоконченный завтракъ, жадно раздирая мясо крѣпкими, какъ желѣзо, зубами...

Прошло нѣсколько минутъ сосредоточеннаго обжорства, какъ хозяина, такъ и собаки. Но вотъ Перекатовъ, видимо, насытился, обтеръ губы рукавомъ парусинной рубахи и, лѣниво поднявшись съ травы, размашисто перекрестился на востокъ.

— Много ли человѣку нужно: поѣлъ и дѣло въ шляпѣ,—проворчалъ онъ, складывая въ сумку флягу съ

водкой и соль.—А ты, старикъ, нажрался или еще хочешь?—обратился Перекатовъ къ Шарику, продолжавшему трудиться надъ начисто обглоданною костью.

Собака оторвалась отъ кости и покосилась на козью тушу, лежавшую по близости.

— Ишь, обжора какая!—продолжалъ охотникъ, по привычкѣ, разговаривать съ собакой.—Довольно, будетъ съ тебя... Не дамъ больше, а то разжирѣешь, какъ свинья, и къ охотѣ не будешь пригоденъ... Ну, собирайся, песъ, въ путь-дороженьку. Грѣшно вѣдь золотое времячко попусту терять. И такъ ужъ цѣлую недѣлю безъ пользы по тайгѣ прошлялись...

Собака, слушая, покорно виляла пушистымъ хвостомъ, точно соглашаясь съ доводами хозяина, снаряжавшагося въ то же время въ дальнѣйшій путь. Спрятавъ въ шалашъ оставшееся мясо и затушивъ огонь костра, во избѣжаніе возможнаго лѣснаго пожара, Перекатовъ закинулъ за плечи винтовку и быстро зашагалъ по извилистой тропѣ, проложенной дикимъ звѣремъ среди густѣйшей заросли. Шарикъ бѣжалъ на поводкѣ, прихваченномъ къ сыромятному кушаку охотника, который хорошо зналъ, что собака, пущенная въ тайгѣ на свободѣ, не только можетъ спугнуть дичь раньше, чѣмъ она попадется на глаза, но даже попасть въ зубы тигру, особенно любящему полакомиться вкуснымъ для него собачьимъ мясомъ. Вообще сибирскіе охотники, идя за крупнымъ звѣремъ, никогда не пользуются чутьемъ своихъ собакъ, но всецѣло довѣряются исключительно собственному уху и глазу. Собаки для нихъ нужны только на случай, когда раненый звѣрь начинаетъ уходить. Въ этотъ рѣшительный моментъ собака спускается съ поводка и преслѣдуетъ звѣря, стараясь перекусить сухожилье его заднихъ ногъ. Разъ это удается, подстрѣленная дичина уже дѣлается неотъемлемою добычею охотника...

Перекатовъ шелъ знакомой тропой, имѣя впереди, повидимому, ранѣе намѣченную, опредѣленную цѣль.

Выйдя изъ пади, онъ началъ подниматься по крутому склону одного изъ холмовъ, громоздившихся вокругъ въ живописномъ безпорядкѣ. Онъ шелъ увѣренно, даже не соблюдая извѣстной осторожности, столь необходимой при охотѣ на чрезвычайно пугливыхъ и чуткихъ пятнистыхъ оленей-пантачей. Повидимому, Перекатова занимала какая-то другая, болѣе важная цѣль, чѣмъ охота. Онъ куда-то торопился, не обращая вниманія на возможность встрѣчи съ какимъ-нибудь хищникомъ, притаившимся въ чащѣ.

Поднявшись на вершину холма, охотникъ на минуту пріостановился, чтобы перевести духъ, и затѣмъ опять зашагалъ по кочковатой тропѣ, видимо торопясь добраться до какого-то, извѣстнаго ему, пункта. Путь его лежалъ среди величественнаго кедроваго лѣса, фантастически перевитаго виноградомъ и другими вьющимися растеніями, создавшими всюду едва проходимую заросль. Густѣйшій подлѣсокъ образовалъ по обѣ стороны тропы сплошныя стѣны яркой зелени, во многихъ мѣстахъ слившейся въ роскошные своды удивительной красоты и причудливыхъ очертаній. Несмотря на жгучіе лучи полуденнаго солнца, подъ этими пышными сводами ощущалась пріятная, освѣжающая прохлада; здѣсь дышалось несравненно свободнѣе и легче, нежели въ другихъ мѣстахъ тайги, болѣе или менѣе открытыхъ дѣйствію палящаго дневнаго свѣтила. Непроницаемая зелень, вполнѣ тропическая по своей могучей силѣ и яркости красокъ, манила къ нѣгѣ и покою. Все окружающее дышало какою-то неотразимою, чарующею прелестью, которая волновала воображеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ производила на душу и сердце успокоивающее, примиряющее впечатлѣніе. Подобные чудные уголки можно встрѣтить въ лѣсныхъ чащахъ Уссурійскаго края на каждомъ шагу. По своей волшебной красотѣ, они напоминаютъ сказочныя мѣстности, полныя таинственной, необъяснимой прелести...

Перекатовъ шелъ подъ этими плѣнительными сво-

дами, сооруженными могущественной природой, попрежнему спокойно, не обращая вниманія на окружающія красоты. Ничто не прельщало его, не вызывало столь естественныхъ восторговъ. Втеченіе многолѣтнихъ шатаній по тайгѣ, суровый охотникъ достаточно освоился съ чудесами Уссурійской тайги, пригляделся къ ея красотамъ. Кромѣ того, мысли его, въ данный моментъ, были сосредоточены на другомъ, болѣе для него существенномъ. Его волновали иныя соображенія. Онъ спѣшилъ достигнуть цѣли своей охотничьей экскурсіи до заката солнца, медленно уже склонявшагося къ западу. Между тѣмъ, намѣченная мѣстность лежала еще достаточно далеко. Предстояло пройти чрезъ два громадныхъ холма, по ихъ мохнатымъ вершинамъ, связаннымъ небольшой сѣдловиной, спуститься въ слѣдующую падь и затѣмъ, миновавъ ее, достигнуть небольшой, давно заброшенной, фаньцзи *) звѣропромышленниковъ. Въ этой фаньцзѣ любили останавливаться на ночь охотники-туземцы, застигнутые темнотою вблизи той мѣстности. Перекатовъ заходилъ въ это убѣжище въ исключительныхъ случаяхъ, когда онъ испытывалъ особенную неудачу въ своихъ охотничьихъ экскурсіяхъ; а на этотъ разъ неудача была выдающаяся. Дѣйствительно, Перекатовъ пробродилъ по самымъ глухимъ мѣстамъ тайги цѣлую недѣлю и, какъ на зло, не встрѣтилъ ни одного пантача-оленя или изюбра. Приходилось возвращаться домой съ пустыми руками, а это было не въ обычаѣ у Перекатова, славившагося изумительными охотничьими удачами...

III.

Солнце уже зашло, когда Перекатовъ подошелъ къ заброшенной фаньцзѣ, притаившейся въ чащѣ разнообразной растительности, на крутомъ берегу небольшаго

---

*) Фаньцзи—китайскій домъ; дѣлается изъ плетня, обмазаннаго глиной; наружныя и внутреннія стѣны бѣлятся известью.

горнаго ручья. Соломенная, прогнившая крыша фаньцзи едва виднѣлась среди густолиственной зелени; ея почернѣвшія, потрескавшіяся отъ дождя и непогодъ стѣны почти сплошь покрыты были пышнымъ ковромъ изумительно разросшагося винограда, который во многихъ мѣстахъ перекинулся даже на близъ стоящіе гигантскіе ильмы и кедры и развѣсился на нихъ въ видѣ фантастическихъ кружевъ и гирляндъ...

Перекатовъ осторожно подошелъ къ двери фаньзии и пытливо поглядѣлъ чрезъ ея верхнюю рѣшетчатую часть, заклеенную бумагою, вмѣсто стеколъ. При первомъ взглядѣ чрезъ прорванную бумагу, Перекатовъ убѣдился, что въ фаньцзѣ кто-то ужъ пріютился. На полуразвалившемся очагѣ пылалъ небольшой огонь, распространявшій вокругъ слабый свѣтъ и наполнявшій фаньцзу удушливымъ дымомъ. На очагѣ что-то жарилось. Отвратительная вонь перегорѣвшаго кунжутнаго масла пробивалась наружу и заглушала, вблизи фаньцзи, ароматъ свѣжей зелени и смолистый запахъ величественныхъ сосенъ.

Простоявъ съ минуту въ нерѣшительности Перекатовъ, энергичнымъ движеніемъ руки, открылъ незапертую дверь и смѣло вошелъ въ полуосвѣщенную очагомъ фаньцзу. Шарикъ вбѣжалъ вслѣдъ за хозяиномъ, но, почуявъ чужаго, разомъ насторожился и сердито заворчалъ. Въ углу, на нарахъ, кто-то зашевелился, и одновременно раздался тревожный окликъ по-китайски:

— Кто тамъ!?...

— Охотникъ, — поспѣшилъ отвѣтить Перекатовъ, стараясь придать своему грубому голосу, по возможности, привѣтливую интонацію.

— А, халясо, халясо,—продолжалъ тотъ же голосъ коверканнымъ русскимъ языкомъ. -Моя тоже охотника есть... Моя рада, сибко рада... Здаластуй, здаластуй! Китайска понимай есть?..

— Немножко понимаю, а говорить не умѣю,—отвѣтилъ Перекатовъ, пожимая протянутую руку маньцзи-

охотника, который поднялся съ наръ и довѣрчиво приблизился къ нему.

Это былъ большаго роста, плечистый, рябой китаецъ, довольно пожилой, но еще чрезвычайно крѣпкій и мускулистый. Голова его, подбритая спереди и съ затылка, была обвита длинной косой, оканчивавшейся прядями чернаго шелку, тщательно переплетеннаго съ жесткими, грязными волосами. Короткая куртка, сшитая изъ синей дабы (бумажной матеріи туземнаго производства), широкія штаны изъ той же матеріи, перехваченныя у лодыжекъ ремешками, и мягкіе башмаки съ очень узкими и загнутыми вверхъ носками — составляли весь костюмъ маньцзы. За поясомъ торчалъ большой кривой ножъ въ чехлѣ; рядомъ висѣлъ длинный, узкій кисетъ съ табакомъ и трубкою. Тяжелое, фитильное ружье съ сошками лежало на нарахъ; тамъ же была брошена низкая, войлочная шляпа съ отвороченными вверхъ полями.

Поздоровавшись съ Перекатовымъ, маньцзы вытащилъ трубку, не торопясь набилъ табакомъ и, закуривъ у очага, молча передалъ ее вновь прибывшему товарищу по ремеслу. Въ данномъ случаѣ онъ игралъ роль гостепріимнаго хозяина, какъ пришедшій въ фаньцзу раньше.

Перекатовъ, достаточно освоившійся со всѣми обычаями туземцевъ, важно принялъ поданную трубку, затянулся нѣсколько разъ и опять передалъ ее маньцзѣ. Тотъ докурилъ и выколотилъ пепелъ въ очагъ. Такимъ образомъ китайская церемонія перваго знакомства была совершена по всѣмъ правиламъ.

— Какъ имя, капитанъ? *)- обратился маньцзи къ Перекатову, желая завязать съ гостемъ какой-либо разговоръ, пользуясь небольшимъ запасомъ извѣстныхъ ему русскимъ словъ, заученныхъ при предыдущихъ сношеніяхъ съ русскими.

*) Уссурійскіе маньцзи зовутъ всѣхъ, безъ исключенія, болѣе или менѣе почтенныхъ, по ихъ мнѣнію, „руссовъ“ — капитанами. Званіе это имъ кажется наиболѣе высокимъ и почетнымъ.

— Иванъ,— отвѣтилъ Перекатовъ, присаживаясь на нары, рядомъ съ китайцемъ.

— А!.. халясо, халясо!.. Знакома имя,—затараторилъ словоохотливый маньцзи.—Халясо имя... А моя зовута Тау-фу. Фаньцзи моя Цымухэ есть... Халясо фаньцзи, сибко халясо, огорода есть, капуста есть, картошка есть, все есть... Моя охотника есть...

— Убилъ что-нибудь? — полюбопытствовалъ Перекатовъ, окидывая товарища по ремеслу быстрымъ проницательнымъ взглядомъ.

При этомъ неожиданномъ вопросѣ, маньцзи вдругъ какъ-то съежился, жалостливо зачмокалъ языкомъ и, покачавъ головой, торопливо отвѣтилъ:

— Худо, совсѣмъ худо есть!.. Моя пять солнцъ (дней) назадъ охота пошелъ... Совсѣмъ худо есть!..

— Вретъ, — подумалъ про себя бывалый, опытный Перекатовъ. — По глазамъ вижу, что вретъ. Надуть, собака, хочетъ... Боится, чтобы кто на добытые панты не позарился.

— Моя на Янчихэ былъ, на Монгудай былъ и вездѣ худо есть, сибко худо есть,—продолжалъ Тау-фу увѣрять товарища въ своей полной неудачѣ.

Перекатовъ, зная скрытный, осторожный характеръ китайцевъ, отнесся къ этимъ настойчивымъ увѣреніямъ въ неудачѣ недовѣрчиво и терпѣливо ждалъ случая узнать правду.

— Чуфанъ (ѣсть) хочешь?—перемѣнилъ Тау-фу неpріятный, повидимому, для него разговоръ.—Моя тута мало-мало кушай, дѣлай...

И онъ указалъ закорузлымъ пальцемъ на едва тлѣвшійся очагъ, продолжавшій распространять отвратительную вонь перегорѣлаго кунжутнаго масла.

— Спасибо, кушай самъ на здоровье, — отказался Перекатовъ отъ угощенія.—У меня тоже кое-что есть... Не хочешь-ли?—предложилъ онъ въ свою очередь, вынимая изъ сумки сухари и флягу съ водкой.

Увидѣвъ водку, любимѣйшій и соблазнительнѣйшій

напитокъ всѣхъ инородцевъ Уссурійскаго края, Тау-фу такъ обрадовался, что даже подпрыгнулъ на нарахъ.

— А!.. халясо, халясо!.. Сибко халясо! — затараторилъ онъ опять, посматривая разгорѣвшимися глазами на объемистую флягу. — Луска ханшинъ (водка) моя лубитъ, сибко лубитъ... Луска ханшинъ сибко халясо... Китайска ханшинъ нѣтъ халясо...

Перекатовъ, между тѣмъ, уже налилъ водки въ походный стаканчикъ и подалъ послѣдній Тау-фу. Тотъ принялъ стаканъ трепетными руками, осторожно поднесъ его ко рту и сталъ медленно пить, протягивая живительную влагу чрезъ губы и зубы, точно желая продлить рѣдкое наслажденіе.

— Если понравилась водка, пей еще, — любезно предложилъ Перекатовъ.

— Спасибо, спасибо... Моя сибко лубитъ луска ханшинъ, — повторилъ Тау-фу свои симпатіи къ русской водкѣ, съ жадностью принимая вновь наполненную чарку. Послѣ втораго стаканчика онъ не замедлилъ выпить третій, четвертый и, наконецъ, совсѣмъ охмѣлѣлъ. Съ непривычки водка подѣйствовала на него чрезвычайно быстро и привела его крѣпкій организмъ въ совершенно разслабленное состояніе. Атлетическая фигура Тау-фу какъ-то съежилась. Подтянувъ колѣни къ груди, онъ охватилъ ихъ руками, свѣсилъ голову такъ низко, что былъ видѣнъ только его бритый затылокъ, и вдругъ затянулъ визгливымъ фальцетомъ какую-то безконечную, тоскливую пѣсню. Пѣніе это напоминало дикое завыванье голоднаго шакала. Потухающій очагъ слабо освѣщалъ крупную, скорчившуюся фигуру Тау-фу и сидящаго поблизости Перекатова, терпѣливо ожидавшаго результата своего гнуснаго опаиванія...

Прошло около получаса, Тау-фу продолжалъ пѣть, но не такъ уже громко. Тѣмъ не менѣе это тоскливое, однообразное пѣніе подѣйствовало на Шарика, и тотъ, присѣвъ противъ охмѣлѣвшаго маньцзы и задравъ морду кверху, неожиданно завылъ самымъ отчаяннымъ образомъ.

— Молчи! — сердито прошипѣлъ Перекатовъ, со злостью бросивъ въ собаку шапкой.

Шарикъ разомъ оборвалъ свой отчаянный вой и, поджавъ хвостъ, моментально забился подъ нары, видимо недоумѣвая по поводу безпричиннаго, какъ ему казалось, гнѣва хозяина.

Но вотъ Тау-фу смолкъ... Прошла еще минута: онъ повалился на нары и захрапѣлъ.

— Наконецъ-то уснулъ, поганая собака! — проворчалъ Перекатовъ, заглядывая въ поблѣднѣвшее и разомъ осунувшееся лицо опьянѣвшаго Тау-фу. Убѣдившись окончательно, что тотъ спитъ достаточно крѣпко, Перекатовъ осторожно придвинулся и сталъ ощупывать штаны и куртку безпомощнаго манцзи.

— Надо хорошенько пошарить,—шепталъ хищникъ, ловко работая привычными руками.—Навѣрное, бродяга навралъ, что ничего не добылъ... Скрываетъ... Да я, вѣдь, не промахъ: всѣ ихъ увертки хорошо знаю... Навѣрное, панты за пазуху припряталъ...

И Перекатовъ сталъ ощупывать около груди уснувшаго Тау-фу, становясь въ своихъ настойчивыхъ поискахъ все смѣлѣй и смѣлѣй... Вотъ онъ ощупалъ что-то твердое, какъ будто берестянку, въ которую обыкновенно охотники-инородцы прячутъ добытыя панты, завернувъ ихъ предварительно въ свѣжіе листья... Перекатовъ осторожно пропустилъ лѣвую руку за пазуху манцзи, нащупалъ берестянку и началъ тянуть ее. Берестянка не поддавалась, словно была къ чему-то привязана, либо прижата къ нарамъ. Потерявъ терпѣніе, Перекатовъ потянулъ берестянку сильнѣе. Въ этотъ моментъ Тау-фу вдругъ зашевелился и началъ что-то бормотать. Руки его закинутыя до того за голову, инстинктивно перебросились на грудь, точно силясь охранить отъ расхищенія драгоцѣнную добычу... Перекатовъ, не выдергивая лѣвой руки изъ-за пазухи манцзи, быстро выхватилъ правой охотничій ножъ и занесъ его надъ Тау-фу, готовый поразить жертву при первомъ

подозрительномъ движеніи. Не спуская глазъ съ опоеннаго, хищникъ началъ тащить застрявшую берестянку все сильнѣй и сильнѣй... Вотъ она чуть-чуть подалась и опять застряла, нажатая мускулистыми руками Тау-фу, безсознательно ухватившагося за грудь. Выведенный окончательно изъ терпѣнія, Перекатовъ, наконецъ, дернулъ завѣтную берестянку настолько энергично, что Тау-фу разомъ проснулся, широко раскрылъ глаза и остановилъ свой безсмысленный, мутный взглядъ на хищникѣ...

Наступилъ рѣшительный моментъ... Медлить было нельзя... Перекатовъ, не раздумывая, быстро опустилъ правую руку и вонзилъ свой охотничій ножъ въ открытую шею несчастной жертвы, по самую рукоятку. Ударъ былъ нанесенъ чрезвычайно сильно и ловко. Тау-фу не успѣлъ даже вскрикнуть, но только захрапѣлъ и судорожно поднесъ руки къ горлу, изъ котораго ринулся цѣлый потокъ крови, заливая синюю куртку жертвы, нары и земляной полъ фаньцзи. А убійца, съ какимъ-то дикимъ озлобленіемъ, нажималъ ножъ все крѣпче и крѣпче, словно силясь пригвоздить къ нарамъ трепещущее тѣло довѣрчиваго Тау-фу... Чрезъ минуту все было кончено: на нарахъ лежалъ уже бездыханный трупъ...

Выполнивъ свое страшное дѣло, Перекатовъ поспѣшно вытащилъ завѣтную берестянку, побѣжалъ къ очагу и вскрылъ ее трепетными, окровавленными руками: въ берстянкѣ лежала пара великолѣпныхъ пантовъ, совершенно свѣжихъ, только что снятыхъ съ пантача-оленя. Убѣдившись, что добыча стоила совершеннаго преступленія, хищникъ спряталъ берестянку въ сумку и проворчалъ:

— Теперь надо концы схоронить, чтобы дичь не напугать... До разсвѣта времени довольно... Никто не помѣшаетъ...

Убійца вышелъ изъ фаньцзи и, не мѣшкая, сложилъ на ближайшей лужайкѣ громадный костеръ, предназна-

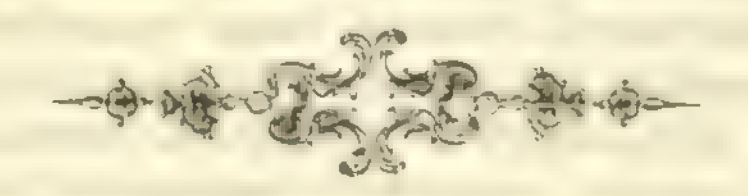
ченный для сожженія трупа жертвы: этотъ пріемъ сокрытія преступленія былъ у хищника наиболѣе излюбленный...

Къ утру всѣ слѣды гнустнаго убійства были тщательно уничтожены, и Перекатовъ, веселый и довольный, возратился домой, удивляя всѣхъ своею неизмѣнною удачею.

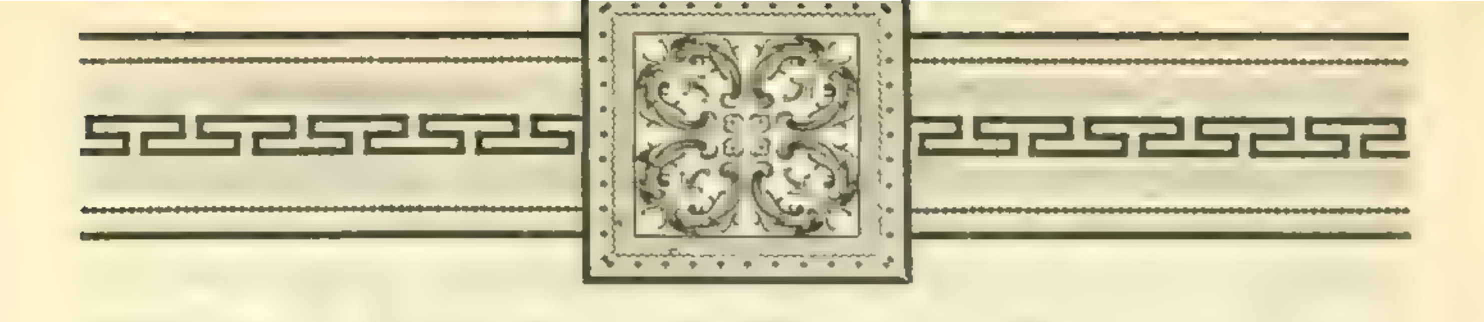
— Вотъ такъ счастливецъ! — толковали промежъ себя другіе охотники. — Опять, вѣдь, съ пантами воротился, да еще съ какими: болѣе двухсотъ серебромъ стоятъ... Везетъ ему!!..

Въ этомъ послѣднемъ восклицаніи слышались досада, недоумѣніе и зависть...

Ужасныя продѣлки злодѣя были разоблачены совершенно случайно самими маньцзами-охотниками, поймавшими хищника на мѣстѣ преступленія. Слѣдуя многовѣковому, коренному закону тайги, „око за око, зубъ за зубъ", маньцзи немедля подстрѣлили „счастливаго" охотника и сожгли его, еще полуживаго, вмѣстѣ съ послѣдней жертвой его гнуснаго промысла. До своего аутодафе, Перекатовъ былъ подвергнутъ жестокимъ истязаніямъ: такъ по крайней мѣрѣ разсказывали сами маньцзи, хвастаясь своимъ примѣрнымъ мщеніемъ надъ охотникомъ-хищникомъ.

Жертва злому духу.

(Изъ жизни уссурійскихъ гольдовъ).

I.

Рѣка Уссури, великая столбовая дорога Уссурійскаго края, беретъ свое начало въ семидесяти верстахъ отъ Японскаго моря, изъ таинственнаго, мрачнаго хребта Сихотъ-Алина, переполненнаго разнообразнымъ звѣремъ и птицей. Въ его глухихъ падяхъ, заглохшихъ подъ роскошной растительностью, таятся цѣлыя стада изюбрей, косуль и пятнистыхъ оленей; антилопа, кабарга и лось ищутъ въ нихъ оживляющую прохладу и спокойное уединеніе.

Въ едва проходимыхъ лѣсахъ, прикрывающихъ вершины хребта пышными, щетинистыми шапками, бродятъ, въ поискахъ за добычей, грозный бичъ края — бенгальскій тигръ, кровожадный барсъ и трусливый медвѣдь. Среди густой листвы таятся дикія кошки и свирѣпая рысь; гималайская куница и хищный соболь прыгаютъ съ дерева на дерево, преслѣдуя свою добычу—сибирскую бѣлку. Въ едва проницаемой, тропической зелени гнѣздятся тысячи разнообразныхъ птицъ, всевозможные представители птичьяго царства не только далекаго сѣвера и умѣренныхъ странъ, но даже дале-

каго юга и тропиковъ. Въ глубокихъ оврагахъ и мрачныхъ ущельяхъ Сихотъ-Алина рыщетъ красный волкъ, возбуждающій въ инородцахъ непреодолимый суевѣрный страхъ, а въ натуралистахъ желаніе короче познакомиться съ рѣдкой, постепенно исчезающей породой. По низменнымъ мѣстамъ бродятъ кабаны, лисицы, барсуки, выдры и енотовидныя собаки.

Вытекая изъ заповѣдной части хребта Сихотъ-Алина въ видѣ небольшаго, въ нѣсколько футовъ шириной, горнаго ручья, Уссури течетъ по узкой долинѣ, окаймленной роскошными холмами. Быстро мчатся ея свѣтлыя воды по извилистому ложу, усѣянному каменьями и громадными карчами, застрявшими въ илѣ и пескѣ. Бѣшено переливается вода черезъ гладкіе, словно вы-полированные, камни и высоко торчащія громады столѣтнихъ деревьевъ, свалившихся въ рѣку съ подмытыхъ ею береговъ, клубится, шумитъ, рокочетъ и быстро несется дальше. Но вотъ постепенно Уссури теряетъ характеръ горной рѣчки. Принявъ справа рѣку Даубн-Хе, а слѣва мутныя, пресыщенныя иломъ, воды Сунгачи, она превращается въ многоводную, широкую, но все еще извилистую рѣку богатую разнообразной рыбой, начиная съ тридцати-пудовой калуги, осетра, сома и таймена. Съ устья Сунгачи измѣняется и характеръ мѣстности; холмы отходятъ почти на самый горизонтъ; Уссури величаво несетъ свои свѣтлыя воды по плоскимъ, луговымъ степямъ, напоминающимъ тучныя американскія преріи; то тамъ, то здѣсь виднѣются дубовыя и осиновыя рощи, еще нетронутыя хищнической рукой человѣка. Густая трава, выше человѣческаго роста, волнуется справа и слѣва, служа убѣжищемъ безчисленныхъ стай птицъ, оживляющихъ луговыя степи, со множествомъ мелкихъ озеръ, во время весенняго и осенняго пролетовъ.

II.

На одномъ изъ мысовъ, среди зелени, бѣлѣютъ чистенькія фанзы (домики) ходзенскаго селенія Сянгіе. Несмотря на рабочую пору, несмотря на то, что было лучшее время рыбной ловли, все населеніе Сянгіе было на лицо и толпилось около одной изъ фанзъ, выдѣлявшейся среди прочихъ своей особенной чистотой, домовитостью и размѣрами. Ходзены находились въ возбужденіи, размахивали руками и о чемъ-то спорили. Женщины оглашали воздухъ визгливыми криками и своимъ торопливымъ, нервнымъ говоромъ. До десятка полунагихъ дѣтей шмыгали среди взрослыхъ и съ дѣтскимъ любопытствомъ прислушивались къ спору. Повидимому, они были очень заинтересованы этимъ споромъ и старались уловить его своимъ чуткимъ, маленькимъ ухомъ. Особенно любопытнымъ оказался сынъ наиболѣе зажиточнаго ходзена Цацыръ-Хонгко, краснощекій, семилѣтній мальчуганъ Ауа. Онъ быстро перебѣгалъ отъ одной группы спорящихъ къ другой и внимательно вслушивался въ каждое слово. Первое время онъ никакъ не могъ разобраться въ хаосѣ быстрыхъ словъ.

— Ѣрга (барсъ)!.. Маре (чортъ)!.. Амба (дьяволъ)!.. Ныргамафа (тигръ)!.. долетали до уха Ауа отдѣльныя восклицанія, но связь между странными словами онъ не могъ уловить; всѣ говорили и никто не хотѣлъ слушать. Каждый старался перекричать своего собесѣдника, несмотря на неоднократныя увѣщанія важнаго, грустнаго старика, время отъ времени выходившаго изъ фанзы и обращавшагося къ ходзенамъ съ просьбой говорить тише. Увѣщанія старика совершенно затерívались въ спорѣ.

— Мырга-мафа!.. кричали одни.

— Ѣрга!.. гремѣли другіе.

— Маре!.. Амба!.. взвизгивали женщины, не стѣсняясь присутствіемъ мужей.

— Ишь ты, опять мырга-мафа и ѣрга вспоминаютъ, думалъ краснощекій Ауа, стараясь понять. А тамъ говорятъ объ амба и марe... Ой, какъ спорятъ!.. У дяди Дзоадзо даже носъ отъ спора раскраснѣлся...

Ауа отлично зналъ, что мырга-мафà — такой звѣрь, что ему нипочемъ утащить въ горы цѣлаго быка; не даромъ же зовутъ его „богатымъ старикомъ". Зналъ онъ и про ѣргà кое что, хотя узналъ объ немъ только недавно. Подавился, вишь, онъ ходить каждую ночь въ Сянгіе: то барана утащитъ, то свинью, то собаку. А на дняхъ удавилъ дажъ лошадь дяди Дзоадзо, хорошую, большую лошадь, на которой Ауа не разъ ѣзжалъ по всему Сянгіе. Нагналъ этотъ ѣргà на всѣхъ такой страхъ, что въ сумерки боялись даже выходить изъ фанзъ... Что касается до амба и марè, такъ съ этими злыми духами Ауа познакомился съ той минуты, какъ сталъ понимать окружающій говоръ. Мать разсказывала ему, что отъ амба и марè ничѣмъ нельзя оградиться и что дѣлаютъ ходзенамъ много, много зла. Особенно ловокъ амба, постоянно преслѣдующій ходзенъ; любитъ онъ оборотиться въ какого нибудь звѣря и даже въ большую, большую рыбину, чтобы оборвать сѣти или переломать рыболовные крючки. Ауа хорошо зналъ, что амба не оставляетъ въ покое ходзена и пользуется каждымъ случаемъ, чтобы потѣшиться. Пойдетъ ходзенъ на рыбную ловлю — амба непремѣнно устроитъ такъ, что лучшая рыбина съ крючка сорвется; мало того, еще и оморочку, пожалуй, опрокинетъ, чтобы потѣшиться видомъ, какъ рыбакъ вмѣстѣ съ пойманной рыбой бьется въ водѣ. Пойдетъ ходзенъ на охоту—амба ужъ тутъ какъ тутъ и навѣрное изъ десяти разъ девять толкнетъ охотника подъ руку... Смотришь, пуля и засвиститъ гдѣ нибудь вверху, а звѣрю только и надо: взмахнетъ хвостомъ и поминай какъ звали. Любитъ амба водить охотниковъ по лѣсу!.. Заводитъ, закрутитъ такъ, что навѣрное дороги домой не найдешь—такъ и помрешь въ лѣсу съ голоду...

III.

Ауа наконецъ началъ постепенно понимать; спорщики стали говорить яснѣе и приходить къ соглашенію, которое и сложилось въ маленькой головѣ Ауа въ цѣлую странную исторію. Старшій сынъ сельскаго старшины, Линза, малый лѣтъ двадцати, пошелъ съ товарищами на охоту, да отбился отъ нихъ и, вмѣсто косули, повстрѣчался не то съ тигромъ, не то съ барсомъ, а вѣрнѣе что съ самимъ амба, принявшимъ образъ одного изъ этихъ звѣрей. Линза оказался не робкимъ, приложился съ сошекъ и выстрѣлилъ. Амба и тутъ подшутилъ надъ нимъ—толкнулъ подъ руку, и мѣткая пуля лучшаго стрѣлка въ Сянгіе угодила вмѣсто звѣря, въ дерево. Звѣрь бросился на Линзу и однимъ ударомъ лапы сшибъ съ ногъ. Не успѣлъ охотникъ вытащить ножа, какъ хищникъ уже насѣлъ на него и началъ грызть. Грызъ звѣрь Линзу, грызъ до тѣхъ поръ пока самому надоѣло. Погрызъ да и бросилъ несчастнаго въ лѣсу. Товарищи Линзы, какъ они разсказывали, слыхали его крики и пошли было къ нему на помощь, да пришли поздно, когда и слѣдъ звѣря простылъ. Можетъ побоялись придти пораньше, а можетъ быть и запоздали—объ этомъ достовѣрно не узнали. Старики думали, что молодцы навѣрное пришли бы во время, если бы ни непролазная тайга; они хорошо знали, что ходить по густому лѣсу, среди заросли, нелегко. Товарищи Линзы пришли поздно. Смотрятъ, лежитъ онъ въ большой лужѣ крови — ужъ не кричитъ, а только стонетъ да хрипитъ.

Подняли охотники Линзу, положили на носилки изъ древесныхъ сучьевъ, и принесли домой — умирать...

— Значитъ Линза-то теперь въ фанзѣ лежитъ, мелькнуло въ головѣ Ауа. Оттого двери и окна заперты, оттого и старшина разъ десять выходилъ изъ фанзы и просилъ чтобъ не шумѣли...

— Эхъ, какъ бы взглянуть на Линзу, подумалъ Ауа, и, не откладывая своего рѣшенія въ долгій ящикъ, осторожно подкрался къ ближайшему окну, прорвалъ пальцемъ просаленную бумагу и съ любопытствомъ приложилъ къ образовавшейся, щели свой зоркій глазъ.

— Ауа, пошелъ прочь! крикнула одна изъ женщинъ, мать Ауа, замѣтивъ продѣлку своего шустраго сына. Но мальчуганъ и безъ приглашенія матери рванулся отъ окна, словно кто ударилъ его по лбу палкой, и моментально спряталъ свою голову въ юбку матери.

— Экой ты глупый, ласково приговаривала Нуачь, мать Ауа, гладя ему голову. Совсѣмъ игана̀ (дуракъ)!.. Зачѣмъ полѣзъ туда?..

— Ахъ какой страшный Линза! судорожно прошепталъ Ауа и заплакалъ.

— Ну, не плачь, мой улѐнъ (хорошій), не плачь! съ нѣжностью успокаивала Нуачь сына.

— Ахъ ама̀ (мать), я боюсь... Смотри, не отдавай меня Ѳрга̀... Ты пугала меня, отдать ему за то, что балую... Онъ злой, онъ и меня такъ загрызетъ... шепталъ сквозь слезы Ауа, прижимаясь къ матери все крѣпче.

— Не отдамъ, мой хорошій, не отдамъ, мой глупенькій... успокаивала Нуачь сына, крѣпко цѣлуя его испуганные заплаканные глазки.

— Не отдамъ, мой глупенькій, не отдамъ, нѣжно повторяла она, унося его домой.

И вдругъ въ сердцѣ ея что-то кольнуло, словно вонзилась въ него острая стрѣла, и она сама вдругъ заплакала, не отдавая себѣ отчета въ этихъ неожиданныхъ, неудержимыхъ слезахъ...

IV.

Въ обширной фанзѣ старшины царствовала тяжелая тишина. Всѣ говорили шепотомъ, ходили на цыпочкахъ. Мать Линзы плакала какъ-то неестественно сдержанно, глухо, склонившись надъ обезображеннымъ сыномъ.

Линза лежалъ на мягкой, пушистой медвѣжьей шкурѣ, разостланной на широкихъ нарахъ, тянувшихся вдоль одной изъ стѣнъ фанзы. Онъ дышалъ съ трудомъ, словно на груди его лежалъ камень. Изъ его горла вылеталъ какой-то непрерывный, страдальческій хрипъ. Повидимому, онъ былъ въ полномъ безпамятствѣ и даже не слышалъ тяжкаго вопля своей убитой горемъ матери. Лицо Линзы было страшно обезображено.

Отецъ Линзы сидѣлъ на нарахъ, окруженный ближайшими родственниками и друзьями. Лицо старика выражало страшную душевную муку, но онъ продолжалъ сохранять серьезную осанку, соотвѣтствующую его положенію. Онъ мужественно сдерживалъ рыданія, не желая выказать передъ посторонними слабость. Онъ молча, сосредоточенно курилъ, усиленно затягиваясь и глотая табачный дымъ вмѣстѣ со слезами, невольно набѣгавшими на горящіе лихорадочнымъ огнемъ глаза. Старикъ молчалъ и внимательно выслушивалъ разнообразные совѣты друзей, предполагавшихъ всевозможныя средства спасти Линзу.

— Одна надежда на шамана Да-Хайцо, прошепталъ одинъ изъ друзей старшины, Хуамъ. Надо бы послать за нимъ...

— Да-Хайцо ничего не поможетъ, перебилъ Цацыръ-Хонгко, отецъ АУа. Да-Хайцо обманщикъ, а не шаманъ!..

Смѣлый отзывъ Цацыръ-Хонгко о лицѣ, во власти котораго, по общему мнѣнію, было задобрить злыхъ духовъ, произвелъ среди присутствующихъ волненіе. Особенно вознегодовалъ Хуамъ, предложившій вызвать шамана.

— Ты потому такъ говоришь о Да-Хайцо, что онъ врагъ тебѣ, сердито проговорилъ Хуамъ. Да-Хайцо не обманщикъ, а настоящій шаманъ... Онъ только одинъ можетъ отвратить несчастье и умилостивить злаго духа... Ты забылъ, самъ злой духъ избралъ его и облекъ силой вызывать амба во всякое время. Ты, забылъ это!?..

— Ничего не забылъ, отвѣтитъ Цацыръ-Хонгко. Онъ

васъ надулъ тогда, надуетъ и теперь... Онъ хорошо знаетъ, какъ это дѣлать.

— По твоему развѣ онъ надулъ, воткнувши въ брюхо ножъ по рукоятку и оставшись живымъ?!.. отстаивалъ Хуамъ авторитетъ шамана.

— Да-Хайцо и не втыкалъ ножа, скептически проговорилъ Цацыръ-Хонгко.

— Замолчи, Цацыръ-Хонгко, не оскверняй своими глупыми словами послѣднихъ минутъ умирающаго, важно остановилъ старшина Цацыръ-Хонгко.

— Я пошлю за Да-Хайцо, добавилъ онъ послѣ короткаго раздумья. Пусть онъ умилостивитъ достойными жертвами злыхъ духовъ, посѣтившихъ мою фанзу... Андà (другъ) Хуамъ, поѣзжай скорѣй къ Да-Хайцо привези его...

Хуамъ быстро вышелъ изъ фанзы. Онъ вѣрилъ въ чудодѣйственную силу друга. Каждая потерянная минута легла бы на его совѣсти тяжелымъ камнемъ.

— Слушай, Дату, Да-Хайцо ничего не поможетъ, грустно сказалъ старшинѣ Цацыръ-Хонгко. Пошли лучше за Хуаншу—этотъ хоть исцѣляющія травы знаетъ...

Но Дату не слушалъ Цацыръ-Хонгко. Поникнувъ сѣдой головой на грудь, онъ сосредоточенно о чемъ-то думалъ - можетъ быть о возможномъ спасеніи сына. На его загорѣломъ, морщинистомъ лицѣ лежала печать неизъяснимой душевной муки. При каждомъ стонѣ Линзы, старикъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и еще ниже склонялъ на грудь свою сѣдую голову. Лицо его дѣлалось угрюмѣе, сосредоточеннѣе и печальнѣе, глубокая морщина, легшая между сурово сдвинутыми сѣдыми бровями, стала еще глубже и рѣзче. Кругомъ всѣ молчали.

V.

Быстро мчится Хуамъ на своей оморочкѣ (легкая лодка) вверхъ по широкой рѣкѣ. Путь его не близокъ. Надо подняться противъ теченія выше устья Дауби-Хе;

считая всѣ извилины рѣки, Хуаму придется сдѣлать не менѣе тридцати верстъ, а можетъ быть и больше. Сильно работаетъ онъ гибкимъ, длиннымъ весломъ, и оморочка летитъ стрѣлой; надо достигнуть цѣли до солнечнаго заката, чтобы къ разсвѣту непремѣнно вернуться въ Сянгіе вмѣстѣ съ чудодѣемъ-шаманомъ. Онъ знаетъ, что времени терять нельзя: Линза такъ плохъ, что больше сутокъ не проживетъ безъ помощи могущественнаго Да-Хайцо... Солнце еще довольно высоко. Жарко Хуаму. Потъ крупными каплями скатывается съ его загорѣлаго, морщинистаго лба. Хуамъ уже сбросилъ съ себя халатъ изъ синей дабы, рубаху, остался въ однихъ бумажныхъ штанахъ, да войлочной шапочкѣ, а ему все было жарко, даже какъ будто бы, жарче стало...

Солнце начинало склоняться за темнѣющую вдали куполоподобную, высокую гору. Хуамъ зналъ, что солнце скоро зайдетъ именно за эту гору. Когда Хуамъ былъ еще мальчикомъ, онъ уже зналъ все это и часто любовался заходомъ солнца, особенно когда оно заходило за волшебную гору. Да-Хуангъ-Дынгза, изъ за которой вдругъ появились чудные, невиданные города, грозныя крѣпости съ башнями, какія то развалины и затѣмъ красивыя, громадныя фанзы и деревья... Старики тогда говорили, что всѣ эти эти волшебныя зданія, крѣпости и фанзы появляются на небѣ по волѣ добрыхъ духовъ, желающихъ показать ходзенамъ, въ какихъ чудныхъ фанзахъ будутъ обитать души тѣхъ ходзеновъ, которые до послѣднихъ минутъ жизни сохранятъ къ родителямъ и ко всѣмъ старикамъ вообще, теплую любовь, должное уваженіе и почтеніе, которые проживутъ на землѣ безъ раздора и вражды. Хуамъ отлично зналъ, что развалины въ небѣ уже дѣло злыхъ духовъ, желающихъ показать людямъ, что и въ загробной жизни они будутъ имѣть перевѣсъ надъ добрыми духами, что будто они въ силахъ обратить созидаемые послѣдними чудные города въ печальныя развалины.

Хуамъ энергично работалъ своимъ весломъ и думалъ

о своемъ всемогущемъ другѣ Да-Хайцо, недавно заявившемъ ходзенамъ, что самые главные злые духи сдѣлали его своимъ избранникомъ. Въ доказательство этого важного избранія, онъ совершилъ нѣсколько чудесъ, изъ которыхъ особенное впечатлѣніе произвело на Хуама чудо съ ножемъ. Да Хайцо дважды вонзилъ при всѣхъ въ свой животъ большой ножъ. Кровь полилась ручьемъ,— шаманъ ходилъ по фанзѣ, какъ ни въ чемъ небывало. Вотъ онъ досталъ изъ за пазухи какую то чудодѣйственную мазь, смазалъ ею свою ужасную рану, и кровь мгновенно остановилась. Потомъ Да-Хайцо показывалъ всѣмъ свой животъ, и на немъ даже не осталось слѣда отъ страшныхъ ударовъ ножемъ... Какъ тутъ не повѣрить, что Да-Хайцо дѣйствительно избранникъ злыхъ духовъ, и всѣ повѣрили, кромѣ Цацыръ-Хонгко...

„Цацыръ-Хонгко потому не повѣрилъ, что онъ дуракъ, усмѣхнулся Хуамъ, — глупостей наслышался, побывавъ разъ въ большомъ городѣ, который русскіе на берегу выстроили... Вѣдь Да-Хайцо не въ темной фанзѣ штуки свои показывалъ... Всѣ смотрѣли, никому такая глупость въ голову не пришла, какую выдумалъ Цацыръ-Хонгко... У Да-Хайцо есть такая мазь, онъ смажетъ бѣднаго Линзу, и онъ навѣрно выздоровѣетъ... Вотъ будетъ радъ мой бѣдный анда̀ (другъ) Дату...“

Отъ этой мысли Хуамъ даже ожилъ, и на его сухихъ, обвѣтрившихся губахъ появилась улыбка.

„Эхъ, какъ бы не опоздать и привезти во время Да-Хайцо“, начала давить Хуама тяжелая, неотвязчивая мысль... И онъ энергично ударилъ по водѣ своимъ тонкимъ весломъ. Оморочка рванулась впередъ и быстрѣе рыбы заскользила по извилистой рѣкѣ...

VI.

Было уже совсѣмъ темно, когда сильно уставшій Хуамъ остановился у небольшой фанзы, расположенной на самомъ берегу рѣки, среди роскошной рощи величе-

ственныхъ ильмовъ. Вытащивъ оморочку на песчаный мысокъ, Хуамъ направился по едва замѣтной тропѣ къ почернѣвшей, досчатой двери фанзы. Онъ шатался отъ усталости. Кругомъ была таинственная тишина. Посторонній навѣрное подумалъ бы, что фанза необитаема и заброшена; на всемъ окружающемъ лежала печать полной запущенности. Гряды огорода, на которыхъ когда то росли любимые овощи ходзена и табакъ, заросли бурьяномъ и сорными травами. Стойки амбара подгнили и повалились; отъ амбара осталось всего нѣсколько жердей — остальное было растащено. Отъ изгороди и воротъ не осталось слѣда, словно ихъ и не бывало. Дворъ заросъ высокой травой, почти въ полъ человѣческаго роста, и среди нея вилась къ покосившимся дверямъ фанзы едва замѣтная тропинка... Хуамъ слишкомъ хорошо зналъ привычки своего могущественнаго друга, отдавшагося исключительному служенію злымъ духамъ и давно забросившаго обыденныя занятія ходзеновъ. Да-Хайцо былъ одинокъ и любилъ уединеніе и тишину. Онъ даже не держалъ при фанзѣ собакъ, чтобы онѣ своимъ лаемъ не тревожили его спокойствія.

Хуамъ осторожно отворилъ дверь — она оказалась незапертою, и вошелъ въ небольшую фанзу, въ которой было такъ темно, что даже зоркіе глаза не могли ничего разглядѣть.

— Да-Хайцо!.. Да-Хайцо!,. тихо позвалъ онъ.

Въ одномъ изъ угловъ фанзы кто-то зашевелился.

— Эй, кто тамъ? раздался густой, сильный голосъ.

— Это я, другъ, Хуамъ... За дѣломъ, важнымъ дѣломъ пріѣхалъ...

— А, здорово, анда̀, здорово! весело проговорилъ шаманъ и, поднявшись съ кучи звѣриныхъ шкуръ, приблизился къ Хуаму. Ишь какая темень, разглядѣть тебя не могу... Постой немного, я зажгу ночникъ...

Шаманъ подошелъ къ небольшому очагу, разгребъ рукой золу и осторожно началъ раздувать едва тлѣв-

шіеся уголья. Черезъ минуту фанза освѣтилась слабымъ, неровнымъ пламенемъ ночника.

— Здорово, анда, здорово, повторилъ шаманъ свое привѣтствіе, положивъ свои мускулистыя руки на плечи Хуаму и цѣлуя его въ щеки. Ну, говори, зачѣмъ пріѣхалъ?.. И Да-Хайцо пытливо уставилъ на друга свои блестящіе, черные, проницательные глаза. Это былъ высокій, крѣпкій ходзенъ съ тонкими, хитрыми губами, выпуклымъ лбомъ, горбоносый и съ сильно развитыми скулами. Черные, какъ смоль, густые волосы были заплетены въ толстую косу, доходившую почти до пояса. На плечи шамана былъ накинутъ халатъ изъ синей дабы; на ногахъ—той же матеріи одежда, схваченная у лодыжекъ тонкими ремнями.

— Говори, зачѣмъ пріѣхалъ? повторилъ шаманъ.

— Ѣдемъ скорѣй, анда, къ Дату... Линзу звѣрь такъ изгрызъ, живаго мѣста не найти... Дату проситъ тебя пріѣхать, не мѣшкать: Линза очень плохъ.

— Зачѣмъ мѣшкать, зачѣмъ мѣшкать! засуетился шаманъ.

Да-Хайцо подошелъ къ кучѣ звѣриныхъ шкуръ и быстро сложилъ въ одну изъ нихъ свою шаманскую одежду.

— Я готовъ, проговорилъ онъ. Ѣдемъ!.,

Они немедля вышли изъ фанзы. Да-Хайцо столкнулъ оморочку на воду и взялъ въ руки весло: онъ хорошо видѣлъ, что Хуамъ сильно усталъ и ему уже не въ моготу грести и по теченію. Хуамъ занялъ мѣсто на кормѣ, и черезъ полминуты оморочка, управляемая сильными руками шамана, быстро неслась внизъ по рѣкѣ.

Долго они ѣхали молча. Уставшій Хуамъ даже задремалъ, убаюкиваемый легкой качкой оморочки.

— А что Цацыръ-Хонгко подѣлываетъ? спросилъ вдругъ шаманъ, такъ просто спросилъ, какъ бы только къ слову пришлось, невзначай.

Задремавшій Хуамъ встрепенулся:

— А?.. Что?.. Что ты сказалъ?..

— Да я о Цацыръ-Хонгко къ слову справлялся... Спрашивалъ объ другихъ, и объ немъ спросилъ... А ты, вишь, задремалъ, да мимо ушей пропустилъ, небрежно проговорилъ шаманъ, ударяя по водѣ весломъ.

— Другіе—ничего, живутъ себѣ, и Цацыръ-Хонгко живетъ и деньги копитъ... Да только все глупости про тебя говоритъ... Отъ зависти, добавилъ Хуамъ, желая сгладить произведенное впечатлѣніе.

— Что-жъ онъ говоритъ про меня? спросилъ Да-Хайцо, словно мало интересуясь, что именно говорилъ Цацыръ-Хонгко. А у самого даже дыханье захватило отъ ожиданія, что отвѣтитъ Хуамъ.

—Да и говорить объ этихъ глупыхъ словахъ не стоитъ, увертывался Хуамъ, опасаясь растревожить шамана.

— Отчего не сказать—скажи... Ты вѣдь знаешь, я Цацыръ-Хонгко не боюсь.

— Болтаетъ онъ глупости больше со злости, да ему никто не вѣритъ, опять уклонился Хуамъ.

— Что-жъ онъ болтаетъ? хладнокровно спросилъ Да-Хайцо. Хуамъ мялся и молчалъ.

— Да говори же наконецъ, что онъ болтаетъ? настойчиво повторилъ шаманъ, уставивъ на друга проницательные, горящіе, словно раскаленные уголья, глаза.

— Цацыръ-Хонгко толкуетъ, что ты надуваешь насъ, прошепталъ Хуамъ, прижатый къ стѣнѣ.

Весло дрогнуло въ рукахъ шамана; по всему его тѣлу пробѣжала нервная дрожь. Сильный гнѣвъ заклокоталъ въ немъ, но онъ сдержалъ себя и спокойно спросилъ:

— Что-жъ еще?..

— Да болтаетъ о какомъ-то пузырѣ съ кровью... Будто бы ты этотъ пузырь себѣ подъ брюхо привязалъ да ножемъ и пропоролъ, едва уже слышно отвѣтилъ Хуамъ, проклиная въ душѣ себя, что поднялъ этотъ разговоръ.

Да-Хайцо страшно поблѣднѣлъ и съ такой силой ударилъ весломъ по водѣ, что оно переломилось на-двое.

— Ему никто не вѣритъ, тихо добавилъ Хуамъ, испугавшись бѣшенаго порыва шамана.

— Подай-ка другое весло, тихо проговорилъ Да-Хайцо, бросивъ обломокъ весла на дно оморочки...

Взмахнулъ шаманъ новымъ весломъ, и оморочка понеслась, словно пущенная изъ лука стрѣла. Оба затѣмъ хранили глубокое молчаніе.

„Такъ вотъ ты каковъ, Цацыръ-Хонгко, злобно думалъ про себя шаманъ. Ты вызываешь меня, хорошо!.. Посмотримъ, кто кого“!

И Да-Хайцо заработалъ весломъ еще съ большей энергіей.

VII.

Дату не спалъ всю ночь, ожидая съ страстнымъ нетерпѣніемъ возвращенія Хуама. Чуть ни каждую минуту выходилъ онъ на берегъ и жадно всматривался въ ночную тьму: не видно ли оморочки... Тревожная ночь наконецъ прошла. Востокъ зарумянился первыми лучами, а Хуама все нѣтъ, какъ нѣтъ... „Не случилось ли что?.. Засталъ ли онъ Да-Хайцо дома“?..

Въ сотый разъ выбѣгалъ онъ изъ фанзы, въ сотый разъ пытливо всматривался въ свѣтлую даль... Солнце поднялось изъ за холмовъ и чудно золотило мохнатыя, лѣсныя вершины. Постоялъ Дату на берегу и грустно побрелъ къ фанзѣ... Вотъ онъ обернулся, чтобы еще разъ взглянуть на извивающуюся въ даль рѣку, и вздрогнулъ. Изъ-за отдаленнаго, ярко освѣщеннаго солнцемъ, мыска, вынырнула знакомая оморочка и быстро понеслась внизъ по теченію. Съ каждымъ взмахомъ весла оморочка, все ближе, и Дату ужъ хорошо теперь видѣлъ, что въ ней сидѣло двое: Хуамъ и ожидаемый имъ Да-Хайцо...

Прошло еще нѣсколько тяжелыхъ минутъ ожиданія, и высоко приподнятый носъ оморочки врѣзался въ прибрежный песокъ.

— Пойдемъ, пойдемъ, скорѣй, проговорилъ Дату

взволнованно и, схвативъ шамана за руку, потащилъ его къ своей фанзѣ. Хуамъ захватилъ пожитки Да-Хайцо и поспѣшилъ вслѣдъ за ними.

Шаманъ, войдя въ фанзу, принялъ важный, гордый видъ и твердыми шагами приблизился къ обезображенному Линзѣ; послѣдній находился, повидимому, въ предсмертной агоніи. Да-Хайцо не торопясь, досталъ изъ-за пазухи короткій прутъ съ навязанными на одномъ концѣ конскими волосами и началъ обмахивать имъ раненаго, произнося себѣ подъ носъ какія-то непонятныя заклинанія. Присутствующіе хранили благоговѣйное молчаніе, съ надеждой и страхомъ взирая на могущественнаго шамана. Фанза постепенно наполнялась ходзенами, узнавшими о пріѣздѣ Да-Хайцо.

Шаманъ кончилъ заклинаніе, присѣлъ на нары и, обнявъ правой рукой безпамятнаго Линзу, вперилъ въ пространство черные, проницательные глаза. Да-Хайцо сидѣлъ въ такомъ сосредоточенномъ состояніи нѣсколько минутъ. Ходзены съ трепетомъ ждали результата этого общенія съ духами и шепотомъ передавали другъ другу впечатлѣнія.

Но всѣ смолкли, замѣтивъ, что Да-Хайцо начинаетъ постепенно выходить изъ своего сосредоточеннаго состоянія

— Ходзены, заговорилъ вдругъ шаманъ глухимъ, гробовымъ голосомъ, обративъ сверкающіе глаза на безмолвную толпу, Ходзены! Къ вамъ, въ Сянгіе, прилетѣлъ изъ горы Да-Хуангъ-Дынгза самый страшный, злой духъ... Я сейчасъ бесѣдовалъ съ нимъ, и онъ сказалъ мнѣ, что караетъ васъ за невѣріе въ его могущество, за то, что вы не умилостивляете его обильными и пріятными ему жертвами... Онъ требуетъ жертвы!.. добавилъ Да-Хайцо грозно.

Суевѣрные ходзены затрепетали при словахъ шамана и со страхомъ склонили головы. Старшина Дату важно выступилъ впередъ и заговорилъ взволнованно.

— Скажи ему, Да-Хайцо, скажи, что мы готовы уми-

лостивить жертвами, какія бы онъ не потребовалъ... Пусть только оставитъ насъ, пусть только возвратитъ къ жизни бѣднаго Линзу...

— Мы готовы! подтвердили ходзены слова своего любимаго старшины. Только Цацыръ-Хонгко угрюмо молчалъ и насмѣшливо поглядывалъ на шамана. Да-Хайцо замѣтилъ этотъ насмѣшливый, презрительный взглядъ врага; кровь бросилась ему въ голову и онъ заговорилъ грознымъ, дрожащимъ отъ волненья голосомъ:

— Да, ходзены, злой духъ требуетъ жертвы!.. Онъ не оставитъ васъ своими страшными казнями, пока вы не умилостивите его... Онъ сказалъ мнѣ, что это онъ входитъ въ тѣло барса и тигра, и похищаетъ у васъ вашихъ собакъ, свиней и барановъ!.. Это онъ задавилъ лошадь Дзоадзо... Это онъ изуродовалъ Линзу!.. Злой духъ сказалъ мнѣ: пока вы не принесете добровольной жертвы, именно той жертвы, которую самъ потребуетъ, онъ будетъ похищать у васъ скотъ, онъ изуродуетъ многихъ ходзеновъ!..

Слова шамана произвели на ходзеновъ подавляющее впечатлѣніе; они со страхомъ жались одинъ къ другому и, казалось, ожидая, что злой духъ внезапно появится среди нихъ и выполнитъ страшну угрозу. Только Цацыръ-Хонгко отнесся къ словамъ шамана скептически, но не смѣлъ громогласно высказать своего невѣрія, въ виду слишкомъ возбужденнаго настроенія присутствующихъ. Онъ сознавалъ, что ему не подъ силу разрушить страшное обаяніе Да-Хайцо; онъ чувствовалъ, что только подольетъ въ огонь масла и молча, поглядывалъ на шамана.

Да-Хайцо, между тѣмъ, приходилъ все въ бо́льшее и бо́льшее возбужденіе, и вдругъ грозно крикнулъ, пронизывая суевѣрную, трепещущую толпу блестящимъ взоромъ:

— Ходзены, еще разъ спрашиваю васъ: готовы ли вы принести злому духу жертву?..

— Готовы!.. Готовы!.. глухо зашумѣли ходзены, падая ницъ на полъ фанзы.

— Ахъ, вы игана̀ (дураки), бальда̀ (бараны)! сердито проворчалъ Цацыръ-Хонгко и вышелъ изъ фанзы.

На губахъ шамана скользнула торжествующая улыбка. Онъ замѣтилъ быстро врага: онъ убѣдился, что его вліяніе на ходзеновъ велико. Да-Хайцо ясно видѣлъ, что ко всѣмъ его словамъ относятся съ вѣрою, достаточною для выполненія задуманной мести.

— Слушайте, ходзены! продолжалъ шаманъ тѣмъ же грознымъ голосомъ, оглядывая торжествующимъ взоромъ суевѣрную толпу. Слушайте! злой духъ требуетъ, чтобы вы принесли ему въ жертву лошадь чистой, бѣлой масти... Примѣты этой лошади: раздвоенное правое ухо, черное пятно подъ брюхомъ и переднія колѣна темныя .. Злой духъ требуетъ непремѣнно этой жертвы!..

— Злой духъ желаетъ жеребца Цацыръ-Хонгко, со страхомъ зашептали суевѣрные ходзены.

— Амба̀ разгнѣвался на Цацыръ-Хонгко за его невѣріе, прошепталъ Хуамъ, съ глубокимъ убѣжденіемъ.

— Найдите такую лошадь и приведите ее ко мнѣ къ полдню... Я принесу ее въ жертву злому духу!.. Ступайте!.. величественно проговорилъ Да-Хайцо.

Ходзены плотной толпой вышли изъ фанзы исполнять грозное повелѣніе злаго духа.

VIII.

Какъ ни бился Цацыръ-Хонгко, но не убѣдилъ своихъ односельчанъ, что Да-Хайцо глумится надъ ихъ невѣжествомъ, что онъ нарочно указалъ на его лошадь, чтобы отомстить ему. Ходзены настойчиво требовали лошадь, стращая насиліемъ.

— Не дашъ, такъ мы и силой возьмемъ, говорили они. Ты видишь, мы исполняемъ велѣніе злаго духа... Наша жизнь и покой дороже намъ твоей лошади... Лошадь можешь и новую купить—денегъ у тебя много, а жизнь намъ не купишь, если амба̀ вздумаетъ тѣшиться надъ нами, какъ тѣшился надъ Линзой... Ну, не разго-

варивай много... Глупыхъ словъ и слушатъ не хотимъ... Давай лошадь!..

— Возьмите же ее сами, а я рукъ своихъ не оскверню!.. Пусть ею амба подавится!.. крикнулъ Цацыръ-Хонгко и заплакалъ — ужъ очень ему было жалко своей единственной лошади...

Ходзены не мѣшкая, поймали бѣлаго жеребца Цацыръ-Хонгко и торжественно повели къ фанзѣ старшины.

— Да-Хайцо, лошадь привели, почтительно доложилъ шаману Хуамъ.

— Хорошо, сейчасъ выйду, важно проговорилъ Да-Хайцо и пошелъ за перегородку переодѣваться въ шаманскій костюмъ.

Черезъ полчаса, шаманъ вышелъ на дворъ, среди котораго уже былъ разведенъ большой, яркій костеръ. На немъ былъ короткій, стянутый на груди ремнями, кафтанъ изъ тюленьей кожи, обшитый по краямъ длинными, достигающими земли, ремешками и увѣшанный многочисленными желѣзными украшеніями и изображеніями рыбъ, птицъ, змѣй и ящерицъ. Фантастическій костюмъ этотъ дополнялся кожаннымъ же передникомъ, низъ котораго былъ обшитъ такими ремешками, какъ и кафтанъ. Весь передникъ сплошь былъ унизанъ разнообразными металлическими побрякушками. Длинные густые волоса шамана были распущены по плечамъ На его головѣ красовалась шапка съ двумя желѣзными рожками, къ концамъ которыхъ было навѣшано множество бубенчиковъ. Въ лѣвой рукѣ Да-Хайцо держалъ волшебный бубенъ (шаманскій волшебный бубенъ состоитъ изъ овальнаго, узкаго обруча, съ одной стороны котораго натянута выдѣланная тюленья кожа, а съ другой идутъ отъ краевъ четыре веревки, прикрѣпленныя въ центрѣ бубна къ мѣдному кольцу, такимъ образомъ, веревки составляютъ крестъ и служатъ для того, чтобы держать бубенъ во время употребленія), а въ правой — деревянную колотушку, обшитую тюленьей кожей. Ход-

зены встрѣтили шамана съ глубокимъ уваженіемъ и почтеніемъ... Да-Хайцо стремительно подошелъ къ приведенной лошади, быстро оглядѣлъ ее проницательнымъ взоромъ и, убѣдившись, что она вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ злаго духа, началъ вдругъ выкрикивать страшныя заклинанія. Ходзены слушали шамана съ трепетомъ и страхомъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, когда онъ начнетъ шаманить. Да-Хайцо кричалъ все громче и громче; глаза его горѣли зловѣщимъ огнемъ; на углахъ губъ показалась пѣна... Но вотъ, онъ разомъ умолкъ, безумно вперилъ въ пространство свои горящіе глаза, и... вдругъ завертѣлся вокругъ костра въ дикой неистовой пляскѣ. Шаманъ страшно корчился, перегибался съ боку на бокъ, моталъ головой, поводилъ плечами и вилялъ крестцомъ. При этомъ онъ неистово билъ деревянной колотушкой то по кожѣ, то по обручу бубна. Желѣзныя побрякушки, нашитыя на кафтанѣ и передникѣ, лязгали и дребезжали; навѣшанные на шапкѣ бубенчики звенѣли рѣзко и гармонично. Время отъ времени Да-Хайцо подбѣгалъ къ костру, нагрѣвалъ бубенъ, чтобы кожа натянулась туже, и затѣмъ продолжалъ корчиться еще съ большимъ ожесточеніемъ, аккомпанируя себѣ мѣрными, гулкими ударами въ бубенъ...

Съ каждой минутой движенія шамана дѣлались все порывистѣе и быстрѣе. Казалось, онъ не чувствовалъ усталости, словно его вертѣла какая-то сверхъестественная сила. Съ зеленовато-блѣднаго лица Да-Хайцо потъ катился крупными каплями; грудь его подымалась высоко и судорожно, но онъ продолжалъ неистово вертѣться, словно одержимый бѣсомъ... Но вотъ, движенія его начали замедляться и, вдругъ, онъ разомъ остановился, какъ вкопанный, вперивъ безумный взоръ въ огонь костра. Страшно блѣдный, съ пѣной у рта, онъ началъ бормотать какія-то заклинанія. Ходзены находились подъ тяжелымъ давленіемъ шамана и съ трепетомъ молча ожидали его предсказаній. Дѣйствительно, безсвязныя заклинанія Да-Хайцо вскорѣ начали посте-

пенно складываться въ отрывистыя предсказанія, прерываемыя стономъ и криками:

— Злой духъ недоволенъ!.. А-а-ахъ!.. Онъ требуетъ другой жертвы!.. Ой, ой, ой!.. Страшно!.. Страшно!.. О-о-охъ!.. Линза умреть!.. Долженъ умереть!.. Злой духъ не хочетъ даровать ему жизнь... Онъ жертва невѣрія!..

Дату зашатался при этихъ словахъ шамана и затрепеталъ, словно подстрѣленная птица. Мать Линзы безумно взглянула и стремительно бросилась въ фанзу, къ сыну, словно желая защитить его отъ козней злаго духа. Линза хрипѣлъ и метался въ предсмертной агоніи. Очевидно, смерть уже царила надъ нимъ и никакія чары не въ силахъ возвратить страдальца къ жизни. Несчастная мать Линзы съ отчаяннымъ, уже не сдерживаемымъ воплемъ упала на нары и начала рвать волосы, не слушая утѣшеній людей, собравшихся вокругъ нея...

На дворѣ, между тѣмъ, Да-Хайцо уже кончилъ свои предсказанія и выхвативъ изъ за пояса большой ножъ, вонзилъ его по самую рукоять въ шею жертвы. Лошадь жалобно заржала и упала на переднія ноги. Шаманъ быстро перерѣзалъ ей горло и началъ опять кружиться вокругъ трепещущей жертвы въ безумной пляскѣ. Онъ неистово колотилъ въ бубенъ, дико взвизгивалъ, кричалъ пѣтухомъ, вылъ волкомъ и рычалъ медвѣдемъ... Но вотъ онъ вдругъ остановился; страшно блѣдное лицо его выражало полное изнеможеніе; онъ дышалъ съ трудомъ, порывисто, изо рта его клубилась пѣна... Прошло еще нѣсколько мгновеній; глаза его закатились; онъ зашатался, словно подрубленное дерево, и упалъ на землю въ сильныхъ конвульсіяхъ: съ нимъ сдѣлалась падучая...

Стоявшіе вблизи Да-Хайцо ходзены тотчасъ же бережно подхватили его и внесли въ фанзу, въ полной увѣренности, что въ шамана вошелъ злой духъ, чтобы объяснить ему, какая желательна еще жертва для полнаго умилостивленія. Другіе ходзены сняли съ зарѣзанной лошади шкуру и тотчасъ же развѣсили ее на бли-

жайшихъ деревьяхъ; лошадиную тушу разрубили на части и снесли на то мѣсто, на которомъ подвергся Линза нападенію хищнаго барса... Этою жертвою ходзены надѣялись хотя нѣсколько умилостивить грознаго духа...

IX.

Амба̀ выполнилъ свою угрозу: къ вечеру Линза умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Фанза огласилась отчаянными воплями женщинъ, собравшихся оплакивать покойника. Что касается старшины — онъ сохранилъ полное самообладаніе. Какъ ни тяжко было ему потерять сына, онъ не выразилъ своего ужаснаго горя стонами, считая это малодушіе унизительнымъ для достоинства мужчины. Дату собственноручно сколотилъ деревянными гвоздями, изъ трехъ широкихъ досокъ, гробъ, положилъ въ него Линзу, перевилъ затѣмъ гробъ веревками, въ видѣ частой сѣтки...

Рано утромъ, только солнце выглянуло изъ за тѣмнѣющихъ вдали холмовъ, фанза старшины наполнилась ходзенами, прибывшими отдать Линзѣ послѣднія почести. Восемь мужчинъ подняли гробъ и бережно понесли его изъ фанзы, на берегъ рѣки, въ роскошную дубовую рощу, въ которой уже была воздвигнута гробница, въ видѣ небольшого деревяннаго сруба съ двускатной крышей. Отецъ и мать и ближніе родственники Линзы остановились въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ мѣста погребенія и, согласно съ обычаемъ, произвели троекратный, жалостный крикъ. То было послѣднее прощаніе съ прахомъ умершаго, и послѣ этого всѣ родственники покойника возвратились въ фанзу. Ходзены, несшіе гробъ, обошли могилу, по теченію солнца, три раза, и затѣмъ опустили покойника. Этимъ закончился обрядъ погребенія, послѣ котораго было приступлено къ приготовленіямъ для загробной жизни умершаго. У гробницы поставили лыжи и сани; на ближайшихъ деревьяхъ развѣсили рыболовные снаряды, самострѣлъ со стрѣлами

и другія вещи, въ которыхъ нуждался Линза при жизни, на случай, еслибы душа умершаго пожелала совершить какое либо путешествіе, сходить на рыболовную ловлю или на охоту...

Да-Хайцо во все время погребенія не показывался. Онъ сидѣлъ въ фанзѣ Дату за перегородкой, съ нетерпѣніемъ ждалъ извѣстія отъ Хуама, ушедшаго съ нѣсколькими ходзенами къ мѣсту принесенія жертвы, съ цѣлью узнать, насколько жертва оказалась угодною злому духу. Ходзены вернулись въ Сянгіе уже послѣ полудня, сильно встревоженные и блѣдные.

— Ахъ, Да-Хайцо, жертва не угодна амба... Онъ едва прикоснулся къ ней, сказалъ Хуамъ взволнованнымъ голосомъ.

— Да, я это знаю... Духъ вчера открылся мнѣ, что ему нужна другая жертва, грустно проговорилъ Да-Хайцо.

Принесенное Хуамомъ извѣстіе встревожило все селеніе. Мужчины и женщины немедленно собрались въ фанзу старшины и приступили къ шаману съ просьбами и даже требованіями указать, какъ окончательно умилостивить грознаго духа. Въ это время, словно нарочно, прибылъ на оморочкѣ изъ сосѣдняго селенія ходзенъ и разсказалъ, что барсъ похитилъ у него въ послѣднюю ночь лучшую собаку и поранилъ двухъ барановъ. Извѣстіе это окончательно встревожило суевѣрную толпу, увидѣвшую въ этомъ какъ бы прямое доказательство, что духъ не только не удовлетворенъ, но даже озлобленъ еще болѣе. Ходзенамъ хотѣлось выяснить причину этого и онѣ приступили къ шаману съ неотступными просьбами опять пошаманить съ цѣлью оградить себя отъ всѣхъ козней духа. Да-Хайцо, словно нехотя, уступалъ усиленнымъ мольбамъ ходзеновъ и, одѣвшись опять въ свой шаманскій костюмъ, началъ ужасать толпу своими дикими корчами и безумною пляскою вокругъ костра. Послѣ продолжительнаго бѣснованія, обезумѣвшій шаманъ началъ выкрикивать изступленнымъ голосомъ предсказанія:

— Охъ, горе, горе намъ!.. Амба страшно гнѣвенъ!.. Жертва ему неугодна!.. Злой духъ говоритъ, что невѣріе одного погубитъ всѣхъ... Цацыръ-Хонгко виноватъ, что жертва неугодна амба... Цацыръ-Хонгко не хотѣлъ отдать лошадь добровольно... Онъ пожелалъ даже, чтобы злой духъ подавился ею... Амба знаетъ каждое помышленіе, все знаетъ!.. Ходзены, Цацыръ-Хонгко виноватъ во всемъ, онъ одинъ виноватъ!..

— Врешь, прокаженный олень, врешь обманщикъ!.. съ бѣшенствомъ крикнулъ Цацыръ-Хонгко и стремительно бросился на шамана; но ходзены схватили его за руки и вывели изъ фанзы.

— Обманщикъ, шайтанъ!.. Пусть на лживомъ языкѣ твоемъ выростетъ олений рогъ!.. кричалъ страшно взбѣшенный Цацыръ-Хонгко, возвращаясь домой вмѣстѣ съ Нуачь.

Да-Хайцо съ закрытыми глазами даже не пошевельнулся при грозномъ порывѣ своего врага, словно ничего не видѣлъ и не слышалъ, и продолжалъ выкрикивать изступленнымъ голосомъ.

— Амба требуетъ другой жертвы!.. Ему нужна человѣческая жертва!.. *)

При этихъ словахъ, изъ груди всѣхъ присутствующихъ вырвался крикъ ужаса. Ходзены какъ бы обезумѣли отъ ужасныхъ предсказаній и съ трепетомъ ждали.

— Злой духъ требуетъ, чтобы ему принесли въ жертву мальчика, зловѣщимъ шопотомъ заговорилъ вдругъ шаманъ послѣ короткаго молчанія. Отдайте ему мальчика, и онъ оставитъ васъ въ покоѣ - иначе амба погубитъ еще многихъ... Онъ требуетъ мальчика не старше семи лѣтъ, здороваго, съ родинкой на правой щекѣ... Сегодня же къ ночи жертва должна быть на мѣстѣ, гдѣ былъ изуродованъ Линза...

---

*) Истинное происшествіе, имѣвшее мѣсто въ ходзенскомъ селеніи Дзоадза, на нижнемъ теченіи Уссури.

— Амба указалъ на мальчишку Цацыръ-Хонгко, зашептали со страхомъ ходзены.

— Бѣдный, бѣдный Луа! застонали женщины, закрывъ лицо полами халатовъ.

Шаманъ замолчалъ и тяжело опустился на земляной полъ фанзы, словно въ полномъ изнеможеніи.

— Ну, идите, идите вонъ!.. Да-Хайцо усталъ — ему надо отдохнуть, тихо проговорилъ старшина, выталкивая изъ фанзы ходзеновъ.

— Смотрите, не болтайте тамъ! крикнулъ онъ имъ вслѣдъ. А то пожалуй, Цацыръ-Хонгко опять заартачится и только еще больше озлобитъ злаго духа... Молчите же!..

— Да, молчите, а то злой духъ потребуетъ въ жертву и болтуна... Молчите!.. добавилъ съ суевѣрнымъ страхомъ Хуамъ.

Ходзены вышли изъ фанзы подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ ужасной сцены. Всѣ были такъ напуганы, что никто не рѣшился сообщить Цацыръ-Хонгко объ ужасной участи, ожидающей его маленькаго сына.

X.

Солнце уже начало склоняться за гору и золотило ся мохнатую, куполоподобную вершину. Удушливая дневная жара постепенно спадала и смѣнялась оживляющей вечерней прохладой. Въ Сянгіе господствовала необыденная тишина. Всѣ ходзены забились въ фанзы, предварительно загнавъ подъ навѣсы весь домашній скотъ. Даже собаки были припрятаны въ фанзахъ, чтобы не сдѣлались жертвой духа, уже много дней держащаго въ страхѣ окрестное инородческое населеніе.

Въ фанзѣ Дату собрались для совѣщанія: шаманъ, Хуамъ и трое старѣйшихъ ходзеновъ. Они вели между собой таинственную бесѣду о томъ, какъ выполнить грозное велѣніе амба

— Цацыръ-Хонгко конечно не отдастъ сына — надо взять его потихоньку, мрачно проговорилъ шаманъ.

— Надо торопиться — время дорого... Смотрите, солнце заходитъ, добавилъ старшина.

— Цацыръ-Хонго еще не знаетъ объ ужасной волѣ духа и знать не долженъ, пока она не будетъ выполнена, сказалъ одинъ изъ ходзеновъ, высокій сѣдой старикъ.

— Правда, а то еще пуще озлобитъ амба̀, добавилъ другой.

— Слушайте, ходзены, внимательно, что я скажу, началъ Да-Хайцо. Выполнить волю злаго духа ужасно, но необходимо. Главное возьмемъ на себя я и Хуамъ. Вы должны позвать сюда Цацыръ-Хонгко, какъ бы для совѣщенія и задержать его подольше. Мы и похитимъ Ауа... Это наше дѣло... Ну, Хуамъ пойдемъ! обратился шаманъ къ своему другу и фанатическому поклоннику.

Хуамъ съ ужасомъ но покорно поднялся и вышелъ изъ фанзы вслѣдъ за Да-Хайцо, захватившимъ съ собой нѣсколько звѣриныхъ шкуръ и связку веревокъ...

Прошло около получаса. Солнце давно скрылось за горизонтомъ, и наступила таинственная полутьма лѣтней ночи...

Въ то время, когда Цацыръ-Хонгко довѣрчиво бесѣдовалъ у Дату, Хуамъ и Да-Хайцо осторожно пробирались къ его фанзѣ. Головы обоихъ были плотно окутаны шкурами и только для глазъ были оставлены просвѣты.

— Ну, теперь Нуачь не узнаетъ насъ, прошепталъ Да-Хайцо, подходя къ окну фанзы Цацыръ-Хонгко. Смотри, не зѣвай!.. Помни, что я тебѣ говорилъ!..

Хуамъ дрожалъ, однако, всѣмъ тѣломъ; его била сильная лихорадка; зубъ не попадалъ на зубъ; ему было жалко и страшно. Онъ шелъ на такое дѣло и не смѣлъ отказаться, изъ боязни навлечь на себя гнѣвъ амба̀ и Да-Хайцо.

— Ты дрожишь, точно собака передъ тигромъ? сурово спросилъ шаманъ, замѣтя состояніе своего друга.

— Ахъ, Да-Хайцо, жалко, страшно! На худое дѣло пошли мы!.. прошепталъ трепещущій Хуамъ. Охъ, какъ жалко!..

Черные глаза шамана метнули молніи.

— Игана (дуракъ)! злобно проворчалъ онъ дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ. Ты хочешь, чтобы злой духъ каралъ тебя... Ты хорошо знаешь, онъ жестоко мститъ за ослушаніе... Амба избралъ тебя, выполнить его желаніе, и ты долженъ повиноваться... Смотри, эту же ночь ты сдѣлаешся жертвой!.. съ угрозою добавилъ шаманъ.

Суевѣрный Хуамъ вздрогнулъ и затрепеталъ пуще прежняго.

— Будешь ты повиноваться волѣ злаго духа? грозно прошепталъ Да-Хайцо, сильно сжимая руку Хуама.

— Да! едва слышно отвѣтилъ послѣдній, въ ужасѣ опустивъ голову.

На губахъ шамана промелькнула торжествующая улыбка. Онъ выпустилъ руку Хуама, осторожно подошелъ къ окну и, прорвавъ пальцемъ бумагу, окинулъ внутренность фанзы быстрымъ, проницательнымъ взоромъ. Нуачь сидѣла на нарахъ и шила при слабомъ свѣтѣ сальнаго ночника. Ауа спалъ, широко разметавшись на козьей шкурѣ.

— Слушай, Хуамъ! едва слышно прошепталъ шаманъ. Какъ только мы вбѣжимъ въ фанзу, ты хватай Ауа, завертывай въ шкуру и бѣги вонъ. Тѣмъ временемъ я справлюсь съ матерью... Жди меня въ дубовой рощѣ... Смотри, Хуамъ, исполни волю злаго духа, иначе тебя ждетъ страшное наказаніе!..

Да-Хайцо перешелъ къ двери. Быстро открывъ ее, онъ стремительно бросился на Нуачь и накинулъ ей на голову звѣриную шкуру. Неожиданное нападеніе ошеломило бѣдную женщину такъ, что она не успѣла крикнуть, и была крѣпко связана. Плотно завернутая въ звѣриную шкуру, она не видѣла, какъ вскочилъ въ фанзу Хуамъ, схватилъ спящаго Ауа и стремглавъ бросился вонъ. Нуачь впала со страху въ полузабытье,

ничего не понимая, не сознавая что означало такое неожиданное нападеніе. Она хотѣла кричать, но крики ея превращались въ едва слышный хриплый стонъ; плотно обмотанная вокругъ головы шкура давила ее и заглушала ея страдальческій крикъ...

XI.

Черезъ четверть часа, Да-Хайцо и Хуамъ сошлись въ дубовой рощѣ, раскинувшейся въ полуверстѣ отъ Сянгіе. Хуама словно трясла лихорадка. Онъ едва держалъ въ рукахъ сильно бьющагося Ауа, обезумѣвшаго отъ страха и охрипшаго отъ продолжительнаго, дикаго крика. Тщетно звалъ онъ потрясающимъ душу голосомъ: „Ама̀, ама̀“!..

— Дай его мнѣ! коротко проговорилъ шаманъ.

Хуамъ молча передалъ мальчика Да-Хайцо.

— Молчи, чертенокъ!.. Будешь кричать и биться, я удавлю тебя, какъ волченка, прошепталъ зловѣщимъ голосомъ шаманъ быстро шагая по дубовой рощѣ.

Ауа, охваченный безотчетнымъ ужасомъ, сразу смолкъ продолжая изрѣдка только стонать и нервно всхлипывать. Онъ не понималъ, куда его несутъ, не сознавалъ ожидающей его страшной участи. Ему казалось, что онъ видитъ страшный сонъ...

Прошло нѣсколько минутъ. Роща постепенно стала рѣдѣть, и Да-Хайцо вышелъ наконецъ на слегка холмистую, совершенно открытую мѣстность, причудливо освѣщенную мягкими, ласкающими лучами луны, только что показавшейся изъ за мглистаго горизонта. Вдали едва темнѣлъ вѣковый лѣсъ — цѣль ихъ пути. Да-Хайцо шелъ впередъ, увѣренно. Хуамъ безпрекословно слѣдовалъ за нимъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, хотя мѣстность была ему знакома вдоль и поперегъ, и въ другое время, при другихъ условіяхъ, онъ прошелъ бы по ней, не споткнувшись, даже съ завязанными глазами. Ноги его были словно чужія и подгибались; помутив-

вшіеся глаза ничего не видѣли. Онъ шелъ вслѣдъ за шаманомъ въ какомъ-то полубезсознательномъ состояніи, съ трепетомъ ожидая конца мучительнаго путешествія. Тяжкій, едва слышный стонъ Ауа раздражалъ его нервы; сердце Хуама ныло и трепетало отъ жалости; Хуаму стало невыносимо жалко этого бѣднаго, красиваго, безпомощнаго мальчика, предназначеннаго въ жертву кровожадному амба̀. Нѣсколько разъ онъ порывался спасти Ауа отъ его участи, но каждый разъ его останавливалъ неотразимый страхъ злаго духа. Хуамъ былъ очень суевѣренъ. Онъ страшился мести могущественнаго шамана и гнѣва злаго духа...

— Бѣдный Ауа! думалъ Хуамъ, слѣдуя за неумолимымъ Да-Хайцо неровными шагами. Бѣдный Цацыръ-Хонгко, несчастная Нуачь!.. Какое будетъ горе потерять мальчика. Вотъ и опушка величественнаго, безмолвнаго лѣса, волшебно освѣщеннаго луной, высоко поднявшейся надъ горизонтомъ. Да-Хайцо смѣло вступилъ въ едва проницаемую чащу столѣтнихъ, широковѣтвистыхъ деревъ. Послѣ получасовой ходьбы по ея замѣтной тропѣ, вьющейся среди густо разросшагося виноградника, шаманъ вышелъ на небольшую, ярко освѣщенную луной, лужайку. На мягкомъ коврѣ темной зелени лежали фантастическія тѣни отъ гигантскихъ деревьевъ, окружавшихъ лужайку плотнымъ мрачнымъ кольцомъ.

— Здѣсь! глухо проговорилъ шаманъ и положилъ на траву совершенно уже обезпамятѣвшаго Ауа.

— Что ты хочешъ дѣлать? съ тревогой спросилъ Хуамъ дрожащимъ отъ душевнаго волненія голосомъ.

— Ты знаешъ, что я долженъ исполнить волю духа! коротко отвѣтилъ Да-Хайцо, вынимая изъ за пазу̀хи жертвенный ножъ.

Хуамъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, словно шаманъ собирался рѣзать его самого. Подъ страшнымъ гнетомъ предстоящаго гнустнаго убійства, онъ забылъ на время свой суевѣрный страхъ къ Да-Хайцо и амба̀.

— Слушай, Да-Хайцо, не обагряй своихъ рукъ невинною кровью! прошепталъ онъ прерывающимся голосомъ.

— Я долженъ выполнить волю духа! твердо повторилъ шаманъ, наклоняясь къ Ауа, безпомощно распластавшемуся на травѣ. Хуамъ безсознательно схватилъ Да-Хайцо за правую руку и заговорилъ горячо съ мольбой:

— Да-Хайцо, другъ, не рѣжь мальчика!.. Не рѣжь его!.. Вѣдь амба̀ приказалъ тебѣ принести Ауа въ жертву, но не указалъ: мертваго или живаго... Не рѣжь же мальчика!.. Оставь его здѣсь!.. Если злой духъ захочетъ этой жертвы, онъ самъ придетъ и возьметъ ее... Прошу, Да-Хайцо, не рѣжь мальчика!.. Лучше зарѣжь меня, но Ауа не тронь... Слышишь, не тронь его!.. вдругъ рѣзко крикнулъ Хуамъ, крѣпко держа руку шамана.

— Прочь, Хуамъ! съ бѣшенствомъ проворчалъ Да-Хайцо, напрасно стараясь высвободить руку.

— Не тронь!.. Не тронь!.. стоналъ Хуамъ, судорожно вцѣпившись въ шамана. Слышишь, если ты ударишь его ножемъ, я побѣгу въ Сянгіе и всѣмъ разскажу, что ты убилъ Ауа... О, тогда страшись Цацыръ-Хонгко!..

— Чего ты хочешь отъ меня? злобно крикнулъ шаманъ.

— Оставь Ауа живымъ!.. Пусть самъ амба̀ возьметъ его, а ты не обагряй рукъ кровью несчастнаго мальчика... Ты принесъ его сюда и выполнилъ волю злаго духа... Оставь Ауа здѣсь!..

— А если онъ очнется и убѣжитъ, проворчалъ Да-Хайцо, видимо испугавшись,

— Свяжи его, но не рѣжь!.. продолжалъ лихорадочно путаясь Хуамъ.

— Ну, пусти—я его не трону, согласился тотъ. Пусть амба̀ возьметъ его живымъ...

Хуамъ выпустилъ руку шамана и въ изнеможеніи опустился на траву, обезсиленный жестокой борьбой и

волненіемъ. Въ то-же время въ сердце его началъ опять закрадываться безотчетный, суевѣрный страхъ. Ему вдругъ стало казаться, что онъ совершилъ страшное преступленіе, остановивъ Да-Хайцо, при выполненіи воли духа, преступленіе, значеніе котораго онъ раньше не сознавалъ, находясь подъ давленіемъ охватившей его жалости къ несчастному Ауа. Хуамъ началъ опасаться, какъ бы амбà не отомстилъ ему за вмѣшательство, какъ бы онъ самъ не сдѣлался жертвой козней духа. Суевѣрный ужасъ охватывалъ Хуама все сильнѣе и сильнѣе. Вздумай шаманъ въ этотъ мигъ привести въ исполненіе звѣрское намѣреніе, и Хуамъ не оказалъ бы ему даже противодѣйствія.

Но Да-Хайцо и самъ находился подъ вліяніемъ невольнаго страха и уже не рѣшался исполнить свое намѣреніе. Онъ крѣпко связалъ бѣднаго мальчика,—барсъ навѣрно придетъ въ эту ночь на лужайку и растерзаетъ сына его смертельнаго врага.

— Пойдемъ!.. проговорилъ шаманъ.

Хуамъ молча поднялся и шатаясь побрелъ изъ глухой чащи. Онъ не могъ собраться съ мыслями. Онъ даже не помнилъ зачѣмъ ходилъ въ лѣсъ и совершенно забылъ, что въ немъ оставленъ въ жертву звѣрямъ несчастный Ауа...

XII.

Густымъ лѣсомъ, раскинувшимся на отлогихъ скатахъ холмовъ, осторожно пробирались два казака-охотника. Ихъ привычныя, крѣпкія ноги твердо ступали по кочковатой, извилистой, протоптанной, дикимъ звѣремъ, тропинкѣ, загражденной во многихъ мѣстахъ стволами, повалившихся и полусгнившихъ столѣтнихъ деревъ... Луна едва виднѣлась сквозь чащу сплетшихся вершинъ, бросая на тропу тихій, волшебный свѣтъ. Хорошо знакомые съ мѣстностью, охотники шли бодро, чутко прислушиваясь къ шелесту листвы. Ружья они держали на готовѣ. Казаки люди опытные, не довѣряютъ окру-

жающей тишинѣ, и каждую секунду готовясь отразить нападеніе хищника. Они хорошо знають, что въ заросли этой таится не мало звѣрей. Ноги казаковъ, обутыя въ легкіе чарки, ступали безшумно и мягко. Тихо отстраняя вѣтви деревьевъ, низко склонившіяся надъ тропой, безшумно перелѣзая черезъ сгнившіе стволы, перевитые дикимъ виноградомъ и обросшіе мшистой травой, словно длинной бородой... Къ поводкамъ, прихваченнымъ къ поясу охотниковъ, привязаны были двѣ мохнатыя собаки, съ торчащими ушами и бойко завернутыми въ кольцо пушистыми, словно лисьими, хвостами. Собаки весело бѣжали впереди своихъ хозяевъ, постоянно потягивая чуткимъ носомъ сырой ночной воздухъ...

— Ну, Иванъ, скоро и поляночка будетъ: тамъ и заночуемъ, заговорилъ впереди идущій охотникъ, высокій, мускулистый казакъ обросшій густой черной бородой.

— А забрели мы, однако далеконько, проговорилъ Иванъ, молодой, еще безбородый казакъ, съ смѣлымъ и энергичнымъ лицомъ.

— Да, далеконько, подтвердилъ чернобородый охотникъ. Надо полагать, дома раньше послѣ-завтра не будемъ...

— Соскучилась, однако, женка, по тебѣ въ станицѣ, усмѣхнулся молодой охотникъ. Вѣдь мало-мало что ни недѣлю въ отлучкѣ были... Поди, каждую минуту изъ избы выбѣгаетъ.

— Прошлый разъ и дольше въ отлучкѣ былъ, однако не соскучилась, сердито отвѣтилъ Петръ, повидимому недовольный своей женой, красивой и легкомысленной казачкой.

Охотники говорили сдержанно, едва слышно, и въ то-же время чутко продолжали вслушиваться.

— Гляди, собаки почуяли кого-то, замѣтилъ Петръ послѣ короткаго молчанія. Дѣйствительно, собаки бѣжали уже не такъ бодро, каждую минуту пріостанавливаясь и усиленно втягивая въ себя ночной воздухъ. Поводки

повисли, и охотники принуждены были подобрать ихъ... Вдругъ, ночная тишина нарушилась отчаяннымъ, рѣзкимъ крикомъ, полнымъ невыразимаго ужаса, и опять все смолкло, словно, закричавшій потерялъ сознаніе или-же какая нибудь посторонняя сила оборвала этотъ отчаянный вопль какимъ нибудь насильственнымъ дѣйствіемъ. Охотники невольно вздрогнули и пріостановились. Собаки пугливо поджали пушистые хвосты и стали тереться въ ногахъ хозяевъ, выражая страхъ слабымъ, едва слышнымъ, взвизгиваніемъ... Не прошло и десяти секундъ, какъ по чаще пронеслось протяжное мяуканье, закончившееся короткимъ, грознымъ рычаніемъ, словно притаившійся въ заросли хищникъ почуялъ приближеніе охотниковъ, и это приближеніе для него крайне было непріятно.

— Что-бы это значило? едва слышно прошепталъ Петръ, взводя курокъ своей винтовки и всматриваясь въ чащу.

— Тигра по близости бродитъ, проговорилъ Иванъ спокойнымъ голосомъ. Встрѣча съ тигромъ была для него не въ диковинку.

— Она-то она, а кричалъ-то, однако, кто... Ну, Господи благослови! И Петръ осторожно сталъ подвигаться впередъ, чутко вслушиваясь и зорко оглядывая каждую вѣточку заросли, каждый вершокъ темной чащи. Вдругъ онъ разомъ остановился и вскинулъ винтовку,..

— Не зѣвай! едва слышно прошепталъ онъ Ивану.

Охотники стояли на рубежѣ небольшой лужайки, ярко освѣщенной луной. На противуположномъ концѣ полянки, всего въ десяти саженяхъ, припалъ къ травѣ огромный барсъ. Спина его какъ-то съежилась и выгнулась, словно у кошки. Глаза хищника горѣли зловѣщимъ огнемъ и упорно уставились на лежащаго въ нѣсколькихъ шагахъ мальчика, крѣпко связаннаго и потерявшаго сознаніе. Изрѣдка барсъ переводилъ свои горящіе глаза на охотниковъ и, повидимому, находился

въ нерѣшительности: на кого направить свой страшный прыжокъ. Хищникъ гнѣвно билъ себя по бедрамъ длиннымъ, гибкимъ хвостомъ и рылъ передними лапами землю. Изъ мощной груди его вырывалось сдержанное глухое рычанье...

Но вотъ барсъ началъ ползти, тихо, осторожно, не спуская своихъ страшныхъ глазъ съ Ауа... Повидимому, онъ рѣшился схватить намѣченную, беззащитную жертву.

— Не зѣвай! повторилъ Петръ и сталъ наводить ружье между глазъ хищника... Почти одновременно раздались два выстрѣла и глухо зарокотали въ чащѣ... Барсъ подпрыгнулъ, словно подъ нимъ внезапно развернулась стальная пружина, описалъ въ воздухѣ дугу и въ одинъ мигъ пролетѣлъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ охотниковъ. Изъ груди хищника вырвалось болѣзненное рычаніе.

— Не далеко ускачешь! спокойно усмѣхнулся Петръ, заряжая ружье.

Барсъ припалъ опять къ травѣ, желая сдѣлать новый прыжокъ, но вдругъ опрокинулся на спину, визжа и мяукая. Изъ подъ его лѣвой лопатки текла густая, черная кровь, обильно смачивая травяной коверъ. Онъ безсильно щелкалъ раздробленной челюстью, катался на спинѣ и бѣшено билъ себя по бедрамъ сильнымъ хвостомъ, въ предсмертной агоніи. Тѣмъ не менѣе онъ грозно выставилъ наружу четыре лапы, вооруженныя страшными когтями, и, казалось, ждалъ нападенія враговъ. Шерсть его щетинилась; налитые кровью глаза горѣли, словно раскаленные уголья...

— Не прикончить-ли? спросилъ Иванъ.

— Оставь, и такъ подохнетъ — не для чего порохъ расходывать, отвѣтилъ Петръ, подходя къ Ауа и разрѣзая ножемъ веревки.

— Однако, бѣднаго мальчугана крѣпко стянули, проговорилъ онъ съ глубокимъ сожалѣніемъ. Ничего, отойдетъ—крѣпкій мальчишка... Во время мы съ тобой подоспѣли!..

— Зачѣмъ бросили его здѣсь? спросилъ Иванъ.

— Знамо дѣло зачѣмъ... Это гольденокъ, а гольды такой пропащій народъ—самъ знаешь... Навѣрно своему духу жертву...

Развязанный Ауа быстро придя въ себя, хотѣлъ было отчаянно крикнуть, но, увидѣвъ склонившіяся надъ собой привѣтливыя лица казаковъ, только заплакалъ и началъ жалостно вскрикивать: „Амà!.. Амà“!..

— Мамку зоветъ, проговорилъ Петръ, хорошо говорившій по гольдски. Не плачь, не плачь, мальчуганъ, началъ онъ ласково утѣшать Ауа по гольдски, — мы тебя къ мамкѣ снесемъ... Скажи, откуда ты и какъ тебя звать?..

— Ауа, отвѣтилъ сквозь слезы мальчикъ. Мой отецъ живетъ въ Сянгіе, Цацыръ-Хонгко прозывается...

— Ну, и не плачь—сегодня же дома будешь... Эй, Иванъ, сними-ка шкуру со звѣря, а тамъ въ Сянгіе пойдемъ—знаю я это селеніе, недалече отсюда...

Иванъ немедленно сталъ снимать шкуру съ барса...

XIII.

Цацыръ-Хонгко и не подозрѣвалъ, что противъ него составленъ заговоръ. Онъ ничего не зналъ объ умыслѣ своего врага Да-Хайцо, не подзрѣвалъ о высказанномъ шаманомъ ужасномъ требованіи злаго духа. Цацыръ-Хонгко шелъ въ разставленныя сѣти довѣрчиво: ему и въ голову не приходила мысль, что сынъ и жена могутъ сдѣлаться, въ его отсутствіе, жертвами насилія. Въ мирной бесѣдѣ съ Дату и другими ходзенами, онъ не замѣтилъ, какъ прошла короткая лѣтняя ночь и на далекомъ востокѣ заиграли первые лучи восходящаго солнца...

Ничего не предчувствуя, возвращался Цацыръ-Хонгко домой. Селеніе, не смотря на раннее утро, уже давно пробудилось. Трудолюбивые ходзены брели на рыбную ловлю: хозяйки, накормивъ домашнюю птицу, развѣ-

шивали на солнцѣ недавно пойманную, распластанную кэту (красная рыба), сушили рыбью чешую и жилы. Господствовало оживленіе наступавшаго трудоваго дня. Только вокругъ фанзы Цацыръ-Хонгко царствовала необычайная тишина.

— Ишь, какъ разоспалась, прошепталъ Цацыръ-Хонгко, входя въ фанзу, освѣщенную яркими лучами солнца, только что показавшагося изъ-за горизонта.

— Гдѣ же она?.. Куда ушла она съ Ауа? съ недоумѣніемъ подумалъ онъ, оглядывая пустую фанзу... Но вотъ взоръ его упалъ на какую-то неподвижную массу, лежащую на земляномъ полу и прикрытую звѣриными шкурами. Онъ быстро подошелъ къ этой массѣ, сдернулъ съ нея наброшенныя шкуры и обомлѣлъ. Передъ нимъ лежала, повидимому, бездыханная Нуачь. Руки и ноги ея были крѣпко связаны; голова плотно обмотана шкурой. Цацыръ-Хонгко дрожащими руками началъ рѣзать веревки и развертывать шкуру, теряясь въ тяжелыхъ догадкахъ, какимъ образомъ Нуачь очутилась въ такомъ страшномъ положеніи...

Наконецъ Нуачь была развязана и освобождена отъ давившей ее шкуры. Изъ ея сдавленной груди вырвался слабый стонъ:

— Нуачь!.. Нуачь!.. съ тревогой звалъ Цацыръ-Хонгко, осторожно встряхивая жену за плечи. Нуачь глубоко вздохнула, широко раскрыла черные глаза и начала осматриваться съ дикимъ недоумѣніемъ. Долго ея глаза смотрѣли тупо и безжизненно. Но вотъ въ нихъ загорѣлся огонекъ сознанія. Науч разомъ вскочила на ноги, словно ее подбросила невидимая сила, оглянула фанзу быстрымъ взоромъ и вдругъ вскрикнула пронзительно и отчаянно:

— Ауа!.. Гдѣ Ауа!..

Цацыръ-Хонгко даже похолодѣлъ отъ этого дикаго вопля жены, до того онъ былъ ужасенъ. Это былъ крикъ тигрицы, у которой отняли дѣтенышей...

— Ауа!.. Ауа!.. продолжала съ безумнымъ отчая-

ніемъ звать Нуачь, стараясь вырваться изъ рукъ мужа и порываясь куда-то бѣжать.

— Разскажи, что такое? уговаривалъ Цацыръ-Хонгко жену, дрожа всѣмъ тѣломъ, словно въ лихорадкѣ.

— Шайтаны!.. Отняли Ауа, отняли моего бѣднаго мальчика!.. Шайтаны!.. безумно кричала Нуачь. Глаза ея горѣли зловѣщимъ огнемъ; грудь подымалась судорожно и высоко; побѣлѣвшія губы трепетали.

— Разскажи, что случилось? умолялъ Цацыръ-Хонгко, а у самого неудержимо полились изъ глазъ слезы и крупными каплями покатились со щекъ на земляной полъ фанзы.

— Цацыръ-Хонгко, слушай!.. Они отняли нашего мальчика!.. Они убили его!..

— Кто?.. Скажи, кто?.. спрашивалъ растерявшійся Цацыръ-Хонгко.

— Не знаю... Прежде вбѣжалъ одинъ, словно хищный волкъ, набросилъ на меня шкуру и связалъ... Потомъ, я слышала, вбѣжалъ другой и унесъ Ауа... Ахъ, какъ страшно кричалъ мальчикъ, разсказывала та съ лихорадочною торопливостью. Шайтаны!.. Волки!.. дико кричала она опять.

— Ты знаешь ихъ?..

— Нѣтъ!.. Головы ихъ были обмотаны шкурами... Я ихъ не видѣла, продолжала Нуачь съ тою же лихорадочною торопливостью. Но мнѣ кажется, добавила она страдальческимъ шепотомъ, мнѣ сердце говоритъ, что одинъ изъ нихъ былъ Да-Хайцо...

— Да-Хайцо! яростно вскрикнулъ Цацыръ-Хонгко.

— Да-Хайцо! повторилъ онъ отчаяннымъ, тревожнымъ голосомъ. А, теперь я понимаю, что означали слова Дату... Онъ говорилъ мнѣ сегодня ночью, что злой духъ выбралъ новую, страшную жертву... Дату говорилъ мнѣ, что необходимо исполнить волю амба, чтобы оградить всѣхъ ходзеновъ отъ его козней... Онъ говорилъ мнѣ!.. Да, я понимаю теперь... Эта жертва — нашъ Ауа!.. Да-Хайцо укралъ мальчика, чтобы отдать его

злому духу. Извергъ!.. Обманщикъ!.. И Цацыръ-Хонгко, какъ безумный, выбѣжалъ изъ фанзы. Нуачь съ отчаяннымъ воплемъ бросилась вслѣдъ за нимъ... На дворѣ оба вдругъ остановились, какъ вкопанные; имъ показалось какое-то чудное явленіе... Въ ворота входили два охотника-казака, и у одного ихъ нихъ, чернобородаго, высокаго, сидѣлъ на рукахъ веселый Ауа, котораго за минуту они считали погибшимъ.

— Ама̀! Ама̀! закричалъ Ауа, протягивая руки къ отцу и матери.

Цацыръ-Хонгко и Нуачь вздрогнули, и съ крикомъ радости бросились обнимать его. Между тѣмъ все населеніе Сянгіе уже собралось на дворѣ Цацыръ-Хонгко, съ удивленіемъ оглядывая казаковъ, Ауа и свѣжую шкуру, снятую съ огромнаго барса. Всѣ недоумѣвали, какимъ это образомъ случилось, что Ауа, предназначенный въ жертву амба̀, остался живъ, а шкура самого амба̀ оказалась на плечахъ молодаго казака. Въ числѣ прочихъ прибѣжалъ и Хуамъ. Увидѣвъ Ауа живымъ онъ обрадовался, какъ будто собственный его сынъ возвращенъ былъ къ жизни.

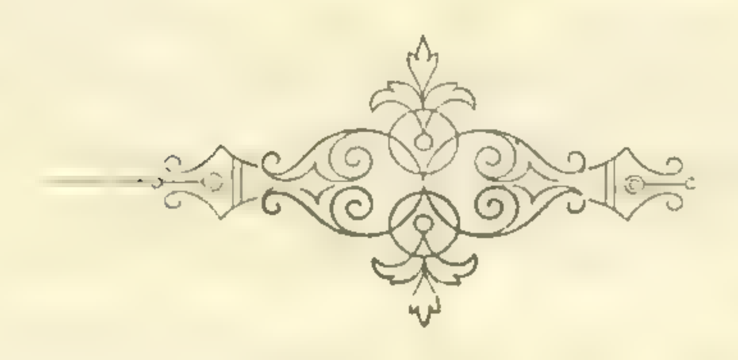
— Молодчина, Ауа! приговаривалъ Хуамъ, похлопывая жесткой, костлявой рукой по розовой щекѣ мальчугана. Затѣмъ онъ присталъ къ Петру и началъ упрашивать разсказать, какъ ему удалось спасти мальчика и убить барса.

Петръ разсказывалъ, обстоятельно совсѣми подробностями. Ходзены слушали, широко разинувъ рты, прерывая разсказчика восклицаніями и похвалами.

— Спасибо, другъ! просто проговорилъ Цацыръ-Хонгко, когда Петръ кончилъ разсказъ. Спасибо!.. И Цацыръ-Хангко крѣпко пожалъ руки отважныхъ охотниковъ.

Охотники-казаки были героями дня. Ихъ приглашали изъ одной фанзы въ другую, щедро угощали и дарили соболями. Все населеніе Сянгіе ликовало, что наконецъ-то пришли богатыри и убили духа, держав-

шаго въ страхѣ все окрестное населеніе, въ теченіи чуть ли не мѣсяца. Да-Хайцо не показывался и тайкомъ убрался домой, разочарованный. Значеніе его шаманства среди окрестныхъ ходзеновъ поколебалось, и они уже относились къ его предсказаніямъ съ меньшимъ довѣріемъ... Впрочемъ, ходзены всетаки скоро подчинились вліянію другаго шамана Хуашу. Суевѣрные инородцы и теперь продолжаютъ думать, что одинъ только Хуашу можетъ оградить ихъ отъ козней жестокаго амбà.

Въ Японіи.

(Изъ записной книжки моряка).

I.

Въ концѣ октября нашъ крейсеръ оставилъ гостепріимный Владивостокъ и взялъ курсъ на излюбленный русскими моряками Нагасаки. При облачномъ небѣ дулъ ровный сѣверо-западный вѣтеръ; барометръ стоялъ высоко и, повидимому, ничто не предвѣщало особенной непогоды. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, мы поставили почти всѣ паруса и стали быстро удаляться отъ непривѣтливыхъ, скалистыхъ береговъ нашихъ дальнихъ окраинъ. Легко, плавно несся крейсеръ, покачиваясь съ борта на бортъ на ровной, крупной, попутной волнѣ. То глубоко зарывался онъ въ пѣнистыхъ вершинахъ своимъ острымъ носомъ, при чемъ корма взлѣтала подъ небеса, то смѣло бросался впередъ и лезъ на громоздившіеся передъ нимъ валы, погружая корму въ изумрудную, прозрачную воду Японскаго моря. Десятки чаекъ настойчиво преслѣдовали насъ, оглашая воздухъ пронзительными, жалобными криками; съ нахальствомъ кружась почти надъ самой палубой, онѣ съ жадностью высматривали добычу и

своимъ рѣзкимъ крикомъ, казалось давали знать, что онѣ голодны и ждутъ какой либо подачки. На каждый выброшенный случайно кусокъ сухаря, чайки бросались хлопотливой стаей и нахально вырывали добычу одна у другой, почти изъ самаго клюва. При подобной борьбѣ прожорливыхъ птицъ, заглушался ихъ жалобный, пронзительный крикъ. Онѣ старались отбить, одна у другой, вкусный кусокъ совершенно молча, усиленно работая при этомъ только крыльями и клювами... Но вотъ опредѣлилась борьба. Воздухъ опять огласился непріятными, рѣжущими ухо криками, самаго разнообразнаго характера. Одновременно послышались звуки жалобные и торжественные, побѣдные, радостные и разочарованные...

Передъ заходомъ солнца, погода разомъ перемѣнилась. Барометръ началъ быстро падать. Постоянно усиливавшійся вѣтеръ уныло завылъ въ снастяхъ, сердито похлопывая о мачты и реи. Чайки скрылись неизвѣстно куда; вмѣсто нихъ появились молчаливые, зловѣщіе буревѣстники и стали носиться надъ самою поверхностью потемнѣвшаго моря, едва не касаясь своими длинными, дугообразными крыльями пѣнистыхъ гребней валовъ. Разорванныя, темныя тучи плыли по пасмурному небу съ демонскою быстротою, опускаясь все ниже и ниже, словно грозя придавить собой разбушевавшееся, сердитое море... Крейсеръ неистово прыгалъ съ волны на волну, трепеща всѣмъ корпусомъ и жалобно поскрипывая переборками и шпангоутами *)...

Къ полуночи, уже ревѣлъ отъ сѣвера-запада умѣренный штормъ. Крейсеръ едва уходилъ отъ постоянно набѣгавшихъ, шумѣвшихъ волнъ. Каждую минуту можно было ожидать, что вотъ-вотъ сейчасъ насядетъ съ кормы громадная, грозная волна и пройдетъ черезъ всю палубу, неся за собой смерть и разрушеніе...

— Свистать всѣхъ на верхъ паруса крѣпить и при-

*) Шпангоуты ребра судна.

водить *)! отдалъ приказаніе командиръ, въ виду положительной невозможности бѣжать съ попутнымъ штормомъ.

Прошло нѣсколько секундъ. Послышались протяжные, переливающіеся трелями свистки, вслѣдъ за которыми раздались дружные, зычные голоса вахтенныхъ унтеръ-офицеровъ:

— Пошелъ всѣ на верхъ паруса крѣпить и приводить!..

Лѣниво, молча поднялись матросы съ нагрѣтыхъ коекъ, нехотя натягивая на себя закорузлые парусинные штаны и рубахи... Погода между тѣмъ разгулялась. Вѣтеръ свирѣпо хлопалъ парусами и снастями, словно торопя сонныхъ матросовъ вступить съ нимъ въ опасную, трудную борьбу... Быстро выбѣжали они на верхъ, и закипѣла тяжелая работа — борьба слабыхъ людей съ разсвирѣпѣвшей, грозной стихіей. Отважно работали матросы, вися на нокахъ **) и качаясь подъ мрачнымъ разбушевавшимся моремъ. Волны громоздились вокругъ на подобіе горъ, и каждую минуту грозя поглотить своими холодными объятьями слабую скорлупу. Крейсеръ то тяжело вздымался на волны, то стремительно падалъ въ зіяющую, страшную пропасть; съ ужасными размахами его бросало съ борту на бортъ, точно щепку. Одна волна за другой хлестали черезъ бортъ, обдавая всѣхъ холодной водой, разсыпавшейся по палубѣ на тысячи фосфорическихъ искръ. Крейсеръ содрогался во всѣхъ своихъ частяхъ, стоналъ и скрипѣлъ...

Ночь прошла безпокойно. Каждую минуту всѣ были на готовѣ продолжать борьбу съ разбушевавшимъ моремъ. Къ утру вѣтеръ усилился. Громадныя волны, съ ужасною силою, били въ борта и корму; отъ этихъ адскихъ ударовъ крейсеръ судорожно содрогался, жалобно скрипѣлъ и, казалось, готовъ былъ распасться на нѣсколько кус-

*) Приводить — уменьшать уголъ между направленіемъ вѣтра и направленіемъ судна.

**) Ноками называются концы рей.

ковъ. Черезъ расшатавшіеся борта и палубу вода лилась въ каюты, гдѣ съ шумомъ плескалась при каждомъ размахѣ судна. Нельзя было найти сухого мѣста. Невольно приходилось отдыхать, послѣ тяжелыхъ работъ въ намокшихъ койкахъ; цѣлыми сутками приходилось не снимать намокшее до послѣдней нитки платье... Трое сутокъ трепала насъ разбушевавшаяся стихія. Трое сутокъ не было возможности сварить горячую пищу. При каждомъ размахѣ крейсера, летѣли съ плиты поставленныя кастрюли, сковороды и чайники, звенѣла въ буфетѣ разбившаяся посуда и валилось на палубу все, что только не было прихвачено или привязано...

На четвертыя сутки погода стихла, небо разъяснилось и мы продолжали плаваніе при вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ. Черезъ недѣлю, показались первые острова великаго японскаго архипелага. Вдали на горизонтѣ, едва синѣлъ обширный, гористый Кіузіу — цѣль нашего плаванія. Издали, японскіе берега казались суровыми и негостепріимными; они напоминали мнѣ сильно взволновавшееся и внезапно окаменѣвшее море. Всюду высились къ небу тысячи горныхъ вершинъ, очертаніемъ своимъ очень схожихъ съ очертаніемъ морскихъ валовъ. Вершины громоздились одна на другую въ хаотическомъ безпорядкѣ, ниспадая въ море отвѣсными, полизанными волнами, скалами и утесами. На всемъ лежалъ суровый отпечатокъ безжизненности и мертвеннаго однообразія... Но вотъ постепенно, по мѣрѣ приближенія крейсера къ угрюмымъ берегамъ японскаго архипелага, эта кажущаяся издали безжизненность стала смѣняться шумною животною жизнью; однообразіе картины исчезло: сплошное, окаменѣвшее море превратилось въ сотни отдѣльныхъ прелестныхъ островковъ, самой разнообразной величины, контура и формы... Вотъ справо виднѣется совершенно голый островъ, въ видѣ массивной сахарной головы, рѣзко выдѣляющейся на ясной лазури южнаго неба; подошва ея окаймлена бѣлой пѣной неумолчно

шумящаго прибоя. Рядомъ съ этимъ величественнымъ камнемъ. вздымается къ небу стройная, пирамидальная вершина, прикрытая мохнатой шапкой вѣчно зеленѣющихъ кедровъ и лиственницы. Нѣсколько далѣе, возвышаются со дна морскаго бѣлыя стѣны базальтовыхъ скалъ дикой красоты и волшебныхъ очертаній. Кажется, передъ вами громоздятся фантастическія башни и шпицы сказочныхъ замковъ и дворцовъ, самой причудливой, поражающей взоры архитектуры... Черезъ часъ, базальтовыя скалы смѣнились длиннымъ рядомъ небольшихъ, прелестныхъ островковъ, изрѣзанныхъ восхитительными бухточками. Вокругъ этихъ островковъ кипѣла хлопотливая, неустанная дѣятельность разнообразныхъ представителей пернатаго царства. Тысячи чаекъ и морскихъ куликовъ стаями вились надъ отмелями и песчаными мысами, собирая моллюсокъ, выброшенныхъ услужливымъ приливомъ. Безконечныя вереницы утокъ, гусей и лебедей перелетали съ одного острова на другой, оглашая воздухъ то мягкими, то гортанными, то рѣзкими, то трубными криками. Высоко, въ синемъ небѣ, рѣяли копчики и орланы, зорко высматривавшіе жертвы среди беззаботнаго, суетливаго воздушнаго населенія. Въ глубинѣ бухточекъ, въ тѣни роскошной тропической растительности, важно расхаживали по песчаному побережью длинноногія цапли, журавли и фламинго, граціозно покачивая своими красивыми, гибкими шеями. Въ воздухѣ царствовалъ хаосъ самыхъ разнообразныхъ звуковъ и криковъ. Повидимому, представители пернатаго царства считали себя полными господами этихъ прелестныхъ островковъ. Не тревожимые человѣкомъ, они создали здѣсь фантастическое птичье царство, своевольное, дикое и необузданное, государство сильныхъ и ловкихъ, государство безъ подданныхъ и безъ владыкъ...

II.

Чѣмъ ближе подходили мы къ Нагасаки, тѣмъ болѣе и болѣе затеривались, повидимому, въ непроходимомъ лабиринтѣ прелестныхъ островов, поражавшихъ взоры дивнымъ разнообразіемъ картины и роскошью граціозной растительности... Но вотъ показался справа лѣсистый, обработанный островъ Ивоозиму. Быстро миновали мы прелестные острова Каминозимо и Кагхера передовые стражи нагасакской бухты, наиболѣе дивной изъ всѣхъ бухтъ міра. При входѣ ея стоитъ высокая, увѣнчанная зеленью гора. Это — знаменитый островъ Папенбергъ (японцы зовутъ его Такабоко), лобное мѣсто первыхъ японскихъ христіанъ. Въ 1638 году, въ дни страшныхъ гоненій христіанъ въ Японіи, съ вершины Папенберга были сброшены въ море четыре тысячи искреннихъ послѣдователей святой религіи. Вмѣстѣ съ учениками погибли ихъ учителя — энергичные цивилизаторы невѣжественной Японіи, отважные просвѣтители дикаго, воинственнаго народа. Въ то тяжкое для японскихъ христіанъ время, островъ Папенбергъ оглашался богохульными криками свирѣпыхъ извергов, сбрасывавшихъ мучениковъ вѣры въ морскую пучину. Крики эти смѣшивались со стройнымъ, священнымъ пѣніемъ шедшихъ на казнь христіанъ. Съ покорностью отдавались они въ руки кровожадныхъ палачей, съ радостью стремясь воспринять мученическій вѣнецъ... Теперь же, этотъ самый островъ служитъ для европейцевъ, проживающихъ въ Нагасаки, мѣстомъ разгульныхъ пикниковъ. Вмѣсто тяжкихъ стоновъ и религіознаго пѣнія японскихъ мучениковъ раздаются здѣсь теперь веселыя шансонетки подгулявшихъ христіанъ новѣйшаго шаблона. Вмѣсто хряста разбиваемыхъ объ утесы костей страдальцевъ, звенятъ теперь бутылки и стаканы, переливающіе живительную влагу въ бездонные желудки европейскихъ кутилъ... Когда-то Папенбергъ былъ тор-

жественной ареной борьбы варварства съ христіанствомъ, борьбы страшной, неравной, при которой христіанская кровь лилась широкой рѣкой. Въ настоящее время этотъ освященный страданіями мучениковъ островъ служитъ мѣстомъ вакханическихъ прогулокъ и попоекъ, дикихъ оргій и всякаго безобразія. Грустное, дикое пренебреженіе къ памяти четырехъ тысячъ мучениковъ, постыдное неуваженіе къ мѣсту, облитому кровью поборниковъ истинной религіи!.. Дальше, дальше отъ этого грустнаго острова, попраннаго святотатственными ногами европейскихъ кутилъ!.. Но вотъ и нагасакскій рейдъ — прелестнѣйшій въ мірѣ. Дивная бухта обставлена крупными, роскошными холмами, почти сокрытыми отъ взоровъ разнообразною, почти тропическою растительностью. Городъ расположенъ амфитеатромъ и въ общемъ представляетъ по истинѣ чудную картину, которой невольно любуется каждый путешественникъ. На восточномъ берегу бухты прячется въ садахъ миніатюрный европейскій кварталъ, спускающійся уступами къ самой набережной. На самомъ видномъ господствующемъ мѣстѣ красуются: католическая церковь, окруженная гигантскими акаціями, величественное зданіе англійскаго консульства, русское консульство и другія, болѣе или менѣе прелестныя постройки, утопавшія въ роскошной, густой зелени. Въ глубинѣ бухты, виднѣется историческій, искусственный островъ Дежима — древняя голландская факторія. Позади его громоздится живописными террасами туземный городъ, окруженный высокими, зеленѣющими холмами. На послѣднихъ красуются прелестные японскіе храмы, ревниво скрытые отъ взоровъ христіанскаго населенія вѣковыми, священными рощами... Западный берегъ нагасакской бухты усѣянъ веселенькими сельскими домами, рыбачьими хижинами, правительственными и портовыми постройками, охватывающими рейдъ, совмѣстно съ европейскимъ кварталомъ и туземнымъ городомъ, живописнымъ, восхитительнымъ поясомъ. Выше всѣхъ

жилищъ живого населенія города, почти на самыхъ вершинахъ холмовъ, тянутся обширныя хранилища праха умершихъ. Японскія кладбища охватываютъ живой городъ почти неразрывнымъ, картиннымъ поясомъ. Тысячи миніатюрныхъ, бѣлыхъ, сверкающихъ на солнцѣ, каменныхъ памятниковъ производятъ какое-то отрадное впечатлѣніе, совершенно противуположное тому, которое мы испытываемъ на нашихъ мертвенныхъ, скорбныхъ кладбищахъ...

Нашъ крейсеръ войдя на нагасакскій рейдъ, всталъ на якорь почти противъ зданія русскаго консульства. Не успѣлъ еще замолкнуть грохотъ якорной цѣпи, какъ мы были окружены десятками сампанъ (японскихъ лодокъ). На палубу полезли всевозможные торговцы, коммисіонеры, прачки и просто любопытные туземцы, въ національномъ костюмѣ, состоящемъ изъ короткаго халата (киримона) съ широкими рукавами, подвязаннаго шелковымъ, узкимъ кушакомъ, бумажныхъ носковъ и сандалій. Многіе изъ туземцевъ оказались старыми знакомыми нѣкоторыхъ офицеровъ и матросовъ, побывавшихъ въ Нагасаки въ былыя времена. Пошли крѣпкія рукопожатія и послышались вполнѣ искреннія взаимныя привѣтствія. Большинство японцевъ объяснялось по русски довольно порядочно, вслѣдствіе чего вскорѣ завязались на палубѣ оживленные разговоры. Торговцы незамедлили разложить свои товары, состоявшіе изъ черепаховыхъ издѣлій, и кое какихъ бездѣлушекъ изъ лакированнаго дерева и фруктовъ. Японцы-прачки зашмыгали по каютамъ и суетливо связывали узлы грязнаго бѣлья. Они распоряжались, словно у себя дома, рылись въ комодахъ, рундукахъ и чемоданахъ, всюду разыскивая предметы, нуждавшіяся въ ихъ услугахъ. Никто не мѣшалъ имъ. Каждый изъ насъ отлично зналъ безукоризненную честность японцевъ и былъ вполнѣ увѣренъ, что все взятое будетъ возвращено въ блестяще-чистомъ видѣ, при самомъ добросовѣстномъ счетѣ. Въ каютъ-компанію забрался хорошо

извѣстный всѣмъ морякамъ „черепаха-человѣкъ“ *) и разложилъ на столѣ роскошнѣйшія, изящныя издѣлія изъ прелестной черепахи: портсигары, запонки, браслеты, медальоны, цѣпочки и т. п. Торгъ шелъ очень оживленно. Хорошенькія вещицы раскупались на расхватъ, тѣмъ болѣе что „черепаха-человѣкъ“ не запрашивалъ и назначалъ весьма добросовѣстныя цѣны. Умильно улыбаясь, онъ расхваливалъ свой товаръ съ большимъ искусствомъ, изрѣдка поглаживая свою, жиденькую бородку. Распродавъ добрую половину своего товара и тщательно пересчитавъ полученные доллары, черепаха-человѣкъ удалился съ низкими поклонами. Вмѣсто него юркнулъ въ каютъ-кампанію проворный продавецъ лакированныхъ вещей. Черезъ минуту, большой, обѣденный столъ былъ заставленъ прелестными вещицами изъ лакированнаго дерева, инкрустованнаго, съ изумительнымъ совершенствомъ, фарфоромъ, золотомъ, серебромъ и черепахой. Тутъ были шкатулки всевозможныхъ размѣровъ и формъ, коробки, чашечки, шахматныя доски и т. п. Невольно. глаза наши разгорались отъ оригинальныхъ, чрезвычайно художественныхъ, произведеній японской промышленности. Черезъ полчаса, бо̀льшая часть шкатулокъ, чашечекъ и коробокъ перемѣстилась со стола въ каюты. а японецъ-торговецъ занялся пересчитываніемъ долларовъ. ловко позванивая ими, съ цѣлью опредѣлить качество металла. Убѣдившись въ отсутствіи фальшивыхъ монетъ, японецъ сложилъ доллары въ небольшой мѣшочекъ, осторожно вытащенный изъ складокъ киримона. и занялся затѣмъ уборкой нераскупленнаго товара. Быстро исчезли и оставшіяся вещицы въ разнообразныхъ футлярахъ и кардонахъ; увязавъ послѣднія въ большой черный платокъ, торговецъ низко раскланявшись прокартавивъ „блахатарю“, исчезъ за дверью, пропустивъ

*) Богатый торговецъ черепаховыми издѣліями, за которымъ укорѣнилось прозвище „черепаха-человѣкъ“, что означаетъ на ломаномъ русскомъ языкѣ японца — „продавецъ черепаховыхъ издѣлій“.

мимо себя коренастаго, повидимому ожидавшаго за дверью своей очереди, товарища съ цѣлымъ ворохомъ всевозможныхъ шелковыхъ матерій.

— Угодно вамъ?.. Самый лучшій матерій! — проговорилъ заискивающимся тономъ вновь появившійся японецъ, склонивъ на бокъ жирно напомаженную голову.

— Теперь некогда, собираемся на берегъ! — крикнулъ кто-то.

— Пріѣзжай завтра! — послышался голосъ изъ другой каюты.

— Хорошо, непримѣнно: — проговорилъ торговецъ шелковыми матеріями и исчезъ за дверью такъ же быстро, какъ и появился. Вмѣсто него хотѣлъ было юркнуть въ каютъ компанію еще какой-то купецъ, но вѣроятно, предупрежденный на ходу товарищемъ, тотчасъ же показалъ намъ широкую спину и безшумно скрылся за дверью, вслѣдъ за торговцемъ шелковыми матеріями. Такимъ образомъ, мы могли свободно готовиться къ предстоящему съѣзду на берегъ, казавшійся съ палубы такимъ заманчивымъ и восхитительнымъ.

III.

Черезъ часъ, первый вертѣвшійся у борта сампанъ доставилъ насъ къ низкой, городской набережной, на которой уже стоялъ цѣлый рядъ изящныхъ, двухъ колесныхъ экипажей-дженрикши, ожидавшихъ прибытія щедрыхъ иностранцевъ. Мы размѣстились почти въ игрушечныхъ колясочкахъ: японцы-возчики гикнули и и понеслись въ перегонку, по ровно вымощенной набережной, мимо европейской части Нагасаки. Вотъ мы миновали цѣлый рядъ болѣе или менѣе изящныхъ построекъ въ европейскомъ вкусѣ и въѣхали наконецъ, по круто изогнутому мосту, на искусственный островъ Дежима, служившей связывающимъ звеномъ двухъ совершенно различныхъ, по внѣшности и народонаселенію, кварталовъ; европейскаго и японскаго. Мы очути-

лись въ знаменитой голландской факторіи, основанной въ 1638 году и служившей, въ теченіи слишкомъ двухъ столѣтій, очагомъ и гнѣздомъ всевозможныхъ гнусныхъ интригъ завистливыхъ голландцевъ, желавшихъ сохранить за собой исключительныя права и выгоды всей японской торговли.

Островъ Дежима очень небольшой; его можно пройти въ длину въ теченіи трехъ минутъ; ширина же его всего нѣсколько десятковъ шаговъ. Исключая дома занятаго нидерландскимъ консуломъ, остальные дома—современной архитектуры; они воздвигнуты послѣ пожара, уничтожившаго до тла около тридцати лѣтъ тому назадъ, всѣ древнія постройки или, вѣрнѣе сказать, тѣсныя тюрьмы голландскихъ негоціантовъ, переведенныхъ сюда японскимъ правительствомъ съ острова Фирандо, въ 1638 году, во время страшнаго гоненія христіанъ. До 1858 года, голландцы не имѣли права оставлять отведенное имъ мѣсто и находились на островѣ Дежима подъ постояннымъ, строгимъ присмотромъ японскихъ чиновниковъ. Японцы терпѣли присутствіе голландцевъ въ Нагасаки, какъ необходимое зло; голландцы, въ свою очередь, поддерживали свои монопольныя права цѣною жестокихъ униженій и оскорбленій. Особенно печальную, позорную роль играли члены голландской факторіи въ періодъ преслѣдованія христіанъ. Въ это тяжелое время они отреклись, ради гнусной наживы, отъ своей религіи и всѣми силами старались убѣдить японцевъ въ томъ, что между ними и христіанами нѣтъ ничего общаго, что никакого Бога они не знаютъ и нисколько не сочувствуютъ избиваемымъ миссіонерамъ и христіанамъ. Мало того, они еще подстрекали японскихъ фанатиковъ къ дальнѣйшимъ убійствамъ и звѣрствамъ, съ цѣлью вытѣснить окончательно изъ страны своихъ соперниковъ на торговомъ поприщѣ—португальцевъ, еще владѣвшихъ въ то время нѣсколькими цвѣтущими факторіями. Такимъ образомъ, голландцы, съ цѣлью захватить въ свои хищническія руки монополію

японской торговли. почти противъ Бога, совѣсти, чести и разума!.. Японцы однако, несмотря на всѣ ухищренія голландцевъ, относились къ нимъ подозрительно и, запретивъ оставлять островъ Дежима, обратили ихъ жилища въ тюрьмы, а жизнь—въ муку и наказаніе. Впрочемъ, магическая сила золота значительно облегчала печальную участь голландцевъ. При этомъ они были очень терпѣливы, настойчивы и твердо выжидали въ своихъ тюрьмахъ время, когда японцы обратятъ на нихъ милостивое вниманіе и возвратятъ имъ свободу дѣйствія и жизни. Каждые четыре года, голландцы посылали къ тайкуну, въ Іеддо, униженныя посольства, съ цѣлью испросить себѣ прежнія льготы и свободу, но напрасно: каждый разъ посланные возвращались съ категорическимъ отказомъ, испытавъ, за время своего посольства, безконечный рядъ позорныхъ униженій. Обыкновенно, членовъ голландской факторіи отвозили въ Іеддо въ закрытыхъ паланкинахъ, чуть ли не съ завязанными глазами, чтобы голландцы не могли ознакомиться съ внутренней страной. По дорогѣ, съ ними обращались, какъ съ преступниками, осмѣлившимися ступить на землю, еще не оскверненную давленіемъ европейской ноги. Введенные въ присутствіе тайкуна, члены посольства должны были, прежде всего, дать театральное представленіе и затѣмъ уже высказывать цѣль своего прибытія въ столицу. Ихъ заставляли разговаривать между собой на родномъ языкѣ, ругаться, драться, представляться пьяными и плясать. Мало того, какъ утверждаютъ японцы, ихъ принуждали ходить по кресту и топтать его!.. Голландцы, съ цѣлью добиться какихъ нибудь льготъ, ради голода, съ позорнымъ рвеніемъ клоуничали передъ японскимъ владыкой, унижая свое человѣческое достоинство и святотатствуя надъ символомъ христіанской религіи. Впрочемъ, все это было для нихъ не ново. Они и въ Нагасаки, въ эпоху большихъ гоненій христіанъ, продѣлывали передъ японскими чиновниками всѣ эти безобразія, съ цѣлью избѣжать об-

шей печальной участи послѣдователей Христа. Позорный фактъ этотъ подтверждается многими историческими документами и не подлежитъ сомнѣнію...

Вотъ краткая, печальная исторія голландской факторіи на островѣ Дежима, который и по настоящее время глядитъ какъ-то грустно и хмуро, словно съ прискорбіемъ вспоминая тяжелыя, позорныя картинки изъ жизни давно умершихъ голландскихъ коммерческихъ дѣятелей...

Миновавъ мостъ, переброшенный черезъ узкій, грязный каналъ, отдѣляющій островъ Дежима отъ материка, мы очутились въ японскомъ городѣ, сплошь почти состоящемъ изъ однѣхъ лавокъ, переполненныхъ разнообразными туземными товарами и издѣліями. Улицы здѣсь узкія, вымощенныя каменными плитами. Непрерывныя ряды лавокъ тянутся съ обѣихъ сторонъ, выставляя на показъ замѣчательныя, художественныя произведенія японской промышленности. Тутъ красуются роскошныя бронзовыя и фарфоровыя издѣлія, изящныя лакированныя и черепаховыя вещицы; дальше привлекаютъ взоры цѣлыя груды разнообразныхъ шелковыхъ матерій и разноцвѣтнаго шелка. Еще дальше тянутся безконечные рыбные ряды, лавки со всевозможными японскими сластями и наконецъ обжорные ряды, въ которыхъ бѣдный рабочій всегда найдетъ, за нѣсколько темпо *), готовый незатѣйливый завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Общую картину необыкновеннаго торговаго оживленія дополняютъ столярныя мастерскія, цирульни, прачешныя и чайные дома, а также множество мелкихъ лавчонокъ со всевозможнымъ старьемъ и тряпьемъ.

Всѣ эти магазины, лавки, заведенія и мастерскія образуютъ такой лабиринтъ, что незнакомому человѣку чрезвычайно легко заблудиться среди сотенъ узкихъ

*) Темпо—мелкая, мѣдная, японская монета, продолговатой формы, съ четыреугольнымъ отверстіемъ въ центрѣ. На каждый долларъ даютъ, смотря по курсу, отъ 1400 до 1900 штукъ этой монеты (на нашу копѣйку отъ десяти до четырнадцати темпо).

улицъ, переулковъ и проулковъ, пересѣкающихся между собой въ хаотическомъ безпорядкѣ.

Чтобы вполнѣ ознакомиться съ разнообразною японскою промышленностью, необходимо обойти всѣ эти лавки и пересмотрѣть массу всевозможныхъ издѣлій изъ дерева, бумаги, шелка, кости, металла, фарфора, черепахи и т. п. матерьяловъ. Пренебрегать посѣщеніемъ всѣхъ этихъ магазиновъ и мастерскихъ положительно грѣшно, такъ какъ въ нихъ возможно получить опредѣленное, точное понятіе о богатой промышленной дѣятельности японскаго народа и ознакомиться дѣйствительно съ художественнымъ, артистическимъ вкусомъ японцевъ.

Въ Нагасаки, каждый магазинъ, каждая лавка имѣетъ извѣстную спеціальность. Остановимся прежде всего передъ магазиномъ фарфоровой посуды и издѣлій. Трудно представить себѣ что либо восхитительнѣе массы роскошныхъ вещей, начиная отъ самыхъ миніатюрныхъ, прелестныхъ чашечекъ тонкаго, какъ листъ бумаги, прозрачнаго фарфора и кончая массивными, почти саженными вазами самой художественной и изящной формы и отдѣлки. Каждая вещь артистически разрисована роскошными цвѣтами, поражающими взоръ натуральностью красокъ, и птицами, воспроизведенными съ тонкимъ пониманіемъ природы. Роскошныя гигантскія вазы не имѣютъ себѣ соперницъ во всемъ мірѣ; особенно изящны вазы изъ свѣтло-зеленаго и свѣтло-сѣраго фарфора, украшенныя, словно частой сѣткой, самыми тонкими, художественно выполненными рисунками.

Изъ магазина фарфоровыхъ издѣлій зайдемте въ магазинъ бронзы. Здѣсь нерѣдко можно натолкнуться на древнія, рѣдкостныя, бронзовые вещицы, поражающія взоры совершенствомъ гравировки, чеканки и артистичною, рельефною рѣзьбою. Главная масса бронзовыхъ издѣлій состоитъ изъ вещей, необходимыхъ для украшенія буддискихъ храмовъ. Тутъ вы увидите изящныя

статуэтки Будды, во всѣхъ видахъ и положеніяхъ, изображенія разныхъ священныхъ животныхъ, всевозможные колокола, гонги, барабаны, жаровни, лампы, жертвенники и т. п. вещи самой художественной работы и отдѣлки. Но кульминаціонной точкой совершенства, до которой можетъ достигнуть искусство, служатъ роскошныя, бронзовыя вазы, нерѣдко достигающія до двухъ съ половиной аршинъ высоты. Здѣсь, передъ вами красуются вазы превосходнаго желтаго цвѣта, роскошно украшенныя рельефными изображеніями изъ японской миѳологіи: рядомъ, стоятъ вазы совершенно черныя, гладкая поверхность которыхъ украшена восхитительными рисунками деревьевъ, цвѣтовъ, птицъ и звѣрей, сдѣланныхъ изъ тончайшей серебряной проволоки. Если вы ощупаете эту дивную инкрустацію руками, то не ощутите ни одного выступа, ни малѣйшей выпуклости. Вся эта серебряная инкрустація вдѣлана въ бронзу настолько артистично, что, кажется, вы видите передъ собой не металлическую инкрустацію, а легкій, изящный рисунокъ, воспроизведенный свѣтлыми красками.

На ряду съ прелестными произведеніями изъ фарфора и бронзы, заслуживаютъ также вниманія разнообразныя произведенія изъ лакированнаго дерева, инкрустованнаго, съ изумительнымъ совершенствомъ, фарфоромъ, серебромъ, золотомъ, перламутромъ и черепахой, а также издѣлія изъ слоновой кости.

Среди массы японскихъ магазиновъ и лавокъ изрѣдка попадаются небольшія лавчонки сыновъ Поднебесной Имперіи, прибывающихъ въ Японію ради скорой наживы. Китайцы—жиды крайняго востока; жадные до долларовъ, они занимаются на чужбинѣ, обыкновенно, разными таинственными сдѣлками, куплей и продажей краденыхъ вещей, мелкимъ торгашествомъ и различнаго рода гешефтами. Японцы очень недолюбливаютъ своихъ длиннокосыхъ, жадныхъ, безнравственныхъ сосѣдей и стараются держаться отъ нихъ въ сторонѣ. Китайцы, вполнѣ сознавая эту неприязнь, избѣгаютъ

общественнаго сліянія съ японцами и держатся особнякомъ. Въ Нагасаки, они образовали свою миніатюрную колонію, въ которую и внесли національные нравы и обычаи, традиціонную грязь и нестерпимый запахъ чеснока и черемши.

IV.

Нагасаки, съ его изящными, веселыми кладбищами, величественными храмами, роскошною, разнообразною растительностью и многочисленными зеленѣющими полями, представляетъ, по красотѣ природы и климатическимъ условіямъ, одинъ изъ наиболѣе прелестнѣйшихъ уголковъ земнаго шара. По мягкости климата, онъ смѣло можетъ поспорить съ любою мѣстностью всѣми воспѣваемой Италіи; его чистый, укрѣпляющій воздухъ служитъ приманкой для европейцевъ, мѣстомъ пріятнаго, здороваго отдохновенія для лицъ, привязанныхъ, по дѣламъ торговли и службы, къ гнилому, жаркому Китаю—очагу всевозможныхъ эпидемій и злокачественныхъ болѣзней.

Нагасаки окруженъ сплошнымъ кольцомъ роскошныхъ, дивныхъ пейзажей, достойныхъ кисти знаменитѣйшихъ художниковъ. Съ любаго холма, изъ числа возвышающихся вокругъ нагасакской бухты, открываются такія восхитительныя панорамы, что только окончательно зачерствѣвшее сердце въ состояніи не переполниться восторженнымъ чувствомъ, при видѣ этихъ дивныхъ красотъ природы. Куда ни взглянешь, всюду блещутъ, яркою, свѣжею зеленью, ряды роскошныхъ, обработанныхъ холмовъ, раздѣленныхъ цвѣтущими, прелестными долинами, прорѣзанными блестящими, сверкающими на солнцѣ, бурливыми ручьями и ручейками, прихотливо извивающимися среди темной листвы кипарисовъ, лавровъ, апельсиновъ и дубковъ. Куполоподобныя вершины холмовъ осѣнены роскошными, пышными шапками вѣчнозеленѣющихъ кедровъ, пихтъ и лиственницы, манящихъ въ свою освѣжающую тѣнь каждое живое

существо. На темномъ фонѣ ближайшихъ отлогостей рельефно выдѣляются обширныя кущи чудесныхъ камелій, сплошь обсыпанныхъ красными и бѣлыми цвѣтами, небольшія рощи тутовыхъ деревьевъ, сверкающихъ на солнцѣ своими широкими, бѣлыми листьями, и наконецъ отдѣльныя прелестныя группы вишенъ, сливъ и персиковыхъ деревьевъ. Немного дальше, вздымается къ небу, гигантскими снопами, стройный, суставчатый бамбукъ, играющій своими легкими, узкими листьями при малѣйшемъ дуновеніи освѣжающаго вѣтерка.

На берегахъ шумящихъ ручейковъ и рѣчекъ, ниспадающихъ съ уступа на уступъ сверкающими каскадами, уютно притаились легкія, сельскія жилища и фермы, окруженныя прелестными, тѣнистыми садами.

Любуясь искусстно и терпѣливо обработанными полями, невольно чувствуешь уваженіе и симпатію къ трудолюбивому, честному сельскому населенію. Въ гористой Японіи нѣтъ того вольнаго, широкаго простора для земледѣлія, которымъ богатъ сосѣдній Китай; поэтому и нѣтъ клочка земли, необработаннаго и невоздѣланнаго; даже совершенно безплодные, каменистые склоны холмовъ превращены, образцовымъ терпѣніемъ и трудолюбіемъ японцевъ, въ плодородныя, прекрасныя поля, на которыя нанощена земля съ долинъ и морскихъ береговъ, нерѣдко на высоту двухъ тысячъ футъ. Туземцы стараются дѣлать свои поля повозможности горизонтальными, вслѣдствіе чего имъ приходится разбивать склоны холмовъ на множество мелкихъ участковъ и возвышать переднія ихъ части нерѣдко на сажень и болѣе. За исключеніемъ стороны, примыкающей къ холму, остальныя три стороны полей обложены большими, каменными плитами, придающими обработаннымъ холмамъ видъ гигантскихъ, каменныхъ террасъ. Доступъ ко всѣмъ полямъ вполнѣ свободенъ и удобенъ; тысячи извилистыхъ, выложенныхъ каменными плитами, тропинокъ прорѣзаютъ холмы по всѣмъ направленіямъ;

въ болѣе крупныхъ мѣстахъ сдѣланы прочныя ступени. Глядя на эти положительно циклопическія сооруженія, невольно удивляешься энергіи, неутомимости и мощности народа, съумѣвшаго превратить голый камень въ плодородныя, цвѣтущія поля, покорившаго своимъ терпѣніемъ даже суровую природу, щедро разбросавшую по островамъ японскаго архипелага безконечныя цѣпи скалъ и каменистыхъ холмовъ. Тѣмъ не менѣе Японія, со своими вѣчно зеленѣющими полями, напоминаетъ каждую минуту неувядаемую, роскошную юность; здѣсь не видно ни ржавчины, ни развалинъ, ни плесены, ни мертвенности, все выглядитъ какъ-то особенно молодо; отовсюду вѣетъ ободряющею свѣжестью жизни. Даже кладбища, эти города мертвыхъ, тонутъ, во всякое время года, въ цвѣтахъ и прелестной, пышной зелени. Восхитительно живописное мѣстоположеніе дѣлаетъ эти печальныя вмѣстилища уже отжившихъ поколѣній настолько привлекательными, что живущее, молодое поколѣніе причисляетъ ихъ къ лучшимъ, любимѣйшимъ мѣстамъ прогулокъ. Даже старики посѣщаютъ съ удовольствіемъ эти восхитительные некрополи и съ тихой улыбкой любуются своими семейными гробницами, осѣненными пышною зеленью, и высматриваютъ среди нихъ уютное мѣстечко для приближающагося вѣчнаго отдохновенія отъ житейскихъ тревогъ и треволненій.

Каждое семейство имѣетъ въ городѣ мертвыхъ опредѣленный участокъ, окруженный, смотря по средствамъ, болѣе или менѣе изящною оградою. Люди менѣе зажиточные ограждаютъ свои семейные гробницы непроницаемой чащей вьющихся, вѣчно зеленѣющихъ, растеній. Природа дѣятельно помогаетъ имъ въ ихъ скромныхъ желаніяхъ и, нужно прибавить, помогаетъ съ полнымъ совершенствомъ: эти живыя, вѣчно-юныя ограды несравненно прелестнѣе самыхъ дорогихъ, изящныхъ оградъ, сдѣланныхъ человѣческими руками. Каждый прахъ имѣетъ на этомъ полѣ всеобщаго отдохновенія свой надгробный камень, вытѣсанный въ видѣ неболь-

шаго (не болѣе полутора футъ высоты) параллелопипеда съ полукруглой или пирамидальной вершиной. Вѣковыя деревья съ роскошной листвой склоняются надъ этими простыми памятниками и вмѣстѣ съ ними, кажется, внимательно и строго смотрятъ на шумъ и суету жилища живыхъ, напоминающаго растревоженный муравейникъ.

На ряду съ кладбищами заслуживаютъ особенное вниманіе японскіе храмы; окруженные священными, вѣковыми рощами, они поражаютъ взоръ своею грандіозностью, смущаютъ сердце какою-то таинственною торжественностью. Вы подымаетесь къ нимъ по гигантскимъ, нерѣдко въ триста ступеней, каменнымъ лѣстницамъ, вытѣсаннымъ въ песчаниковой горѣ; съ обѣихъ сторонъ громоздятся потрескавшіяся, почернѣвшія отъ солнца и воздуха стѣны, сплошь покрытыя пышнымъ ковромъ ползучихъ растеній. Выше, надъ вашей головой, шумятъ своими мохнатыми вершинами величественныя пихты, сосны, кедры и дубы. Щедрая природа создала здѣсь дивныя, фантастическія группы роскошной зелени, среди которой рѣзко выдѣляются гигантскія многовѣковыя деревья, въ нѣсколько саженъ въ обхватѣ; древніе, мшистые стволы ихъ почти совершенно обросли, словно бородой, цѣпкими ползучими растеніями, усѣянными, точно бисеромъ, разноцвѣтными мелкими цвѣточниками...

Съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ поворотомъ открываются передъ вашими глазами все новыя и новыя величественныя картины природы, одна восхитительнѣе другой. Еще нѣсколько фантастическихъ поворотовъ, и передъ вами появляется роскошная священная аллея, украшенная цѣлымъ рядомъ каменныхъ воротъ или тори *), по-

*) Тори дѣлаются изъ двухъ каменныхъ столбовъ, немного наклоненныхъ одинъ къ другому и связанныхъ нѣсколькими горизонтальными, каменными же, перекладинами, причемъ верхняя перекладина дѣлается нѣсколько толще и обѣ ея оконечности слегка загнуты кверху.

степенно уменьшающихся размѣровъ, что придаетъ перспективѣ необыкновенный эффектъ и красоту. Въ священной аллеѣ все преисполнено глубокой таинственности; мертвая, подавляющая тишина невольно возбуждаетъ въ сердцѣ чувство страннаго, непонятнаго опасенія; вокругъ—ни одного живаго существа, точно все замерло въ этомъ священномъ мѣстѣ сношеній человѣка съ божественнымъ Буддой...

Священная аллея обсажена обыкновенно самыми древними, дуплистыми деревьями, возбуждающими въ японцахъ чувство глубокаго, безграничнаго уваженія. Японцы вполнѣ увѣрены, что старыя деревья имѣютъ, подобно людямъ, душу, которая дается имъ высшимъ божествомъ за ихъ многовѣковую старость...

Но вотъ и храмъ, совершенно скрывшійся въ пышной зелени гигантскихъ деревьевъ; сквозь роскошную листву едва бѣлѣется широкая, мраморная лѣстница, ведущая къ алтарю Будды... Входите въ храмъ смѣло васъ никто не остановитъ: массивныя двери его открыты настежь, точно приглашаютъ войти. Осматривайте все въ мельчайшихъ подробностяхъ—никто не потревожитъ вашу любознательность. Одно условіе: соблюдайте возможную тишину, ведите себя прилично, сдержанно и съ должнымъ благоговѣніемъ. Надо помнить, что японцы слишкомъ религіозны, чтобы допустить въ своемъ храмѣ какой либо безпорядокъ; они требуютъ къ своему божеству отъ постороннихъ посѣтителей того же почтенія и уваженіе, какое питаютъ къ нему сами.

Въ капища, въ которыхъ возсѣдаютъ божественныя изображенія, вамъ не попасть: они закрыты рѣшетчатыми воротами. Вамъ позволяютъ только издали любоваться гигантскими, каменными, вызолоченными богами. Японцы, въ этомъ отношеніи, представляютъ крайнюю противоположность китайцамъ, позволяющимъ въ своихъ храмахъ ощупывать божественнаго Будду по усмотрѣнію посѣтителей-иностранцевъ, которые, особенно англичане, доходятъ нерѣдко до грубаго цинизма, поощряе-

маго апатичнымъ отношеніемъ китайцевъ къ своему божеству. Вообще, будизмъ въ Японіи имѣетъ прочную, религіозную подкладку, между тѣмъ какъ въ Китаѣ къ нему относятся слишкомъ небрежно, апатично и формально. Прежде чѣмъ войти въ святилище, каждый японецъ обязанъ вымыть лицо и руки освященной водой, наполняющей каменный резервуаръ, помѣщающійся передъ входомъ въ храмъ. Обувь оставляется передъ лѣстницей, и богомольцы всходятъ на нее въ однихъноскахъ, преклоняясь на каждой ступени. Съ набожностью распростираются они ницъ передъ божественными изображеніями, тихо бормочатъ молитвы и просятъ боговъ о покровительствѣ и заступничествѣ. Помолившись, богомольцы бросаютъ на алтарь, сквозь рѣшетку, разныя приношенія: свѣжую зелень, мелкія монеты, рисъ и т. п....

Японцы чрезвычайно религіозны. Каждое японское семейство непремѣнно имѣетъ свой домашній. миніатюрный алтарь, помѣщающійся обыкновенно въ самомъ отдаленномъ углу дома. Здѣсь совершается домашнее богослуженіе, безъ всякаго вмѣшательства духовника. Въ глубокомъ уединеніи, вдали отъ уличнаго и домашняго шума, усердно взываетъ къ богамъ отецъ или мать семейства и проситъ божественнаго покровительства своему семейному очагу. Большинство японцевъ не любитъ шумныхъ, общественныхъ богослуженій, при которыхъ, по ихъ справедливому мнѣнію, мысль отвлекается громомъ барабановъ и гонговъ и сосредоточивается больше на порядкѣ богослуженія, чѣмъ на религіозныхъ размышленіяхъ. Вообще искреннѣе, религіозное чувство японцевъ заслуживаетъ полнаго уваженія. Народъ, сознающій всю прелесть уединенной молитвы, долженъ имѣть доброе, мягкое сердце, чистую и спокойную совѣсть. Наединѣ со своими богами, японцы искреннѣе провѣряютъ свои дѣла и поступки, чаще оглядываются на прошлое, свѣтлѣе смотрятъ въ даль будущаго...

V.

Японцы любятъ природу и живо сочувствуютъ ея красотамъ; на каждомъ, болѣе или менѣе прелестномъ, живописномъ мѣстѣ они стараются воздвигнуть какой нибудь изящный павильонъ, часовню, тори или наконецъ ресторанъ, съ цѣлью обратить на это мѣсто общественное вниманіе. При каждомъ почти храмѣ, въ тѣни роскошной зелени, можно встрѣтить восхитительныя мѣста отдохновенія, съ которыхъ непремѣнно открываются дивные, прелестные пейзажи. Чаще всего попадаются въ таинственной чащѣ величественныхъ кедровъ, граціозныхъ камелій и стройнаго бамбука, прехорошенькіе, необыкновенно чистенькіе рестораны, въ которыхъ усталые, голодные путники находятъ пріятный отдыхъ, всѣ мелочи японскаго кулинарнаго искусства и чай; кромѣ того они могутъ наслаждаться оригинальнымъ пѣніемъ, музыкой и танцами пресловутыхъ гекъ *).

Японскіе рестораны — прелестныя двухъэтажныя игрушки. Чистота работы, удивительная бѣлизна наружныхъ стѣнъ, изящность отдѣлки придаютъ этимъ игрушкамъ необыкновенно эффектный, привлекательный видъ. Рестораны, четыреугольной, правильной формы, окруженные красивою верандою, строятся изъ тонкихъ, чуть ли не отполированныхъ досокъ. Въ нижнемъ этажѣ находятся комнаты для прислуги, буфетъ и кладовая. Верхній этажъ предназначенъ для пріема посѣтителей; онъ имѣетъ видъ голландскаго бумажнаго фонаря; всѣ четыре его стѣны состоятъ исключительно изъ рѣшетчатыхъ, тонкихъ рамъ, проклеенныхъ, вмѣсто стеколъ, хлопчатой бумагой необыкновенной бѣлизны и тонкой какъ кисея. Рамы эти, по желанію, можно подвигать одну на другую и такимъ образомъ сообщать внутреннему помѣщенію желательную прохладу...

*) Подъ именемъ „гекъ“ вообще подразумѣваются японскія пѣвицы, танцовщицы и музыкантши.

При входѣ въ ресторанъ, всѣхъ посѣтителей убѣдительно просятъ оставлять обувь внизу и подниматься въ верхній этажъ въноcкахъ. Такая же просьба была обращена и къ намъ. Просьба эта въ первый моментъ насъ крайне удивила, но вскорѣ мы вполнѣ убѣдились въ ея полной основательности. Во-первыхъ, мы поднялись на верхъ по деревянной, лакированной лѣстницѣ; во-вторыхъ, комнаты были устланы циновками такой необычайной чистоты, что положительно было бы жалко топтать ихъ не только грязными, но даже пыльными сапогами. Все верхнее помѣщеніе было раздѣлено на нѣсколько комнатъ тонкими, раздвигающимися перегородками. Въ комнатахъ мебель отсутствовала. Насъ любезно попросили усѣсться по японски, прямо на циновки, и предупредили, что геки сейчасъ будутъ, что за ними уже послано. Затѣмъ, безъ всякаго съ нашей стороны требованія, намъ быстро подали всевозможныя японскія угощенія, разставивъ ихъ тутъ же на низенькихъ, откуда-то принесенныхъ столикахъ. Чего только намъ не подали. Нѣсколько десятковъ миніатюрныхъ фарфоровыхъ чашекъ были наполнены верхомъ многочисленными и разнообразными кушаньями японскаго таберо (обѣда): вареными яйцами, рыбой разныхъ сортовъ, ракушками, моллюсками, морской капустой, вареннымъ рисомъ, какими-то грибами, раками, японскими сластями, фруктами. Въ фарфоровыхъ же графинчикахъ былъ налитъ разогрѣтый японскій напитокъ сàкки; тутъ же стояли пшеничные, превкусные пироги (кастеро), напоминающіе наши тортовыя печенія. Небольшая жаровня съ угольями для разогрѣванія сàкки и закуриванія трубокъ дополняла общую картину предстоявшаго пиршества съ пресловутыми геками...

Черезъ полчаса вошли въ комнату съ самсенами *) четыре геки и, словно по командѣ, сдѣлали земной поклонъ;

---

*) Самсенъ — національная трехструнная гитара; звучный, мелодичный инструментъ имѣетъ деревянные бока, а переднюю доску и спинку — изъ выдѣланной ягнячьей кожи. Длинная рукоятка дѣ-

затѣмъ, не говоря ни слова, граціозно усѣлись вокругъ приготовленнаго таберо. Мы не замедлили предложить имъ приступить къ угощенію; тогда одна изъ нихъ налила въ фарфоровую чашечку сакки и подала ее намъ, предлагая выпить первымъ, по праву хозяевъ. По японскимъ обычаямъ, мы не могли отказаться отъ предлагаемаго напитка, должны были хотя прикоснуться къ нему губами и передать чашечку ближайшей гекѣ. Съ этого только момента онѣ приступили къ угощенію, не забывая подавать намъ изрѣдка, въ видѣ любезности, лучшіе куски и чашечки съ сакки. Все это продѣлывалось въ высшей степени граціозно и скромно. Всѣ геки пили сакки какъ легкій медъ; напитокъ этотъ, несмотря на извѣстную крѣпость и опьяняющее свойство, общеупотребителенъ: его пьютъ не только женщины и дѣвушки, но даже для дѣтей онъ считается очень полезнымъ и здоровымъ.

Геки были одѣты очень изящно; шелковые киримоны (халаты) обхватывали ихъ граціозныя фигурки съ необыкновеннымъ эффектомъ; прекрасно вышитые, цвѣтные оби (кушаки) плотно стягивали ихъ нѣжныя таліи. Къ сожалѣнію, не трудно было замѣтить, что всѣ геки были набѣлены и нарумянены; губы ихъ были подкрашены, брови подчернены. Эта страсть японскихъ женщинъ и дѣвушекъ прибѣгать съ самаго юнаго возраста ко всевозможнымъ косметикамъ гибельно вліяетъ на ихъ нѣжную кожу и прекрасные зубы. На женщину въ двадцать лѣтъ уже непріятно смотрѣть: такъ она желта, такъ ея беззубая физіономія напоминаетъ сморщенное, печеное яблоко. Рѣдкая изъ дѣвушекъ довольствуется своимъ природнымъ, нѣжнымъ румянцемъ и не прибѣгаетъ къ искуственному, быстро разрушающему ея красоту...

Но вотъ геки покушали, взялись за самсены и начали пѣть, ударяя по струнамъ лопаточкой изъ слоновой кости.

лается изъ легкаго дерева безъ перехватовъ; струны у самсена шелковыя, покрытыя лакомъ.

Ни пѣніе, ни игру на самсенахъ нельзя назвать гармоничной; но въ томъ и другомъ есть достаточно оригинальной прелести, и пѣніе, и музыка слушаются съ большимъ удовольствіемъ. Японская мелодія имѣетъ нѣчто странное, неуловимое для европейскаго уха. Геки поютъ не грудью, а горломъ, черезъ что пѣніе ихъ имѣетъ рѣзкій оттѣнокъ; мотивы пѣсенъ заунывные и часто переходятъ въ речитативы. Аккомпаниментъ на самсенахъ чрезвычайно однообразенъ и изобилуетъ полутонами; онъ состоитъ только изъ нѣсколькихъ рѣзкихъ, отдѣльныхъ нотъ, постоянно повторяющихся; аккордовъ, не слышно. Для тонкаго слуха ощутительно, что аккомпаниментъ не согласуется съ пѣніемъ, но между тѣмъ этотъ оригинальный, едва замѣтный, диссонансъ производитъ пріятное слуховое впечатлѣніе. Пѣніе геки разнообразили національнымъ танцемъ, состоящимъ изъ граціозныхъ, чрезвычайно плавныхъ движеній корпуса и рукъ. Пантомима играетъ во время танцевъ большую роль. Изрѣдка, геки ударяли въ тактъ музыки въ ладони или-же отбивали его ногами, обутыми въ бумажные носки. Все это не лишено извѣстной граціи и изящества, но только чрезвычайно однообразно...

Въ былое время, геки занимали въ обществѣ исключительное положеніе, и жизнь ихъ много отличалась отъ жизни остальныхъ женщинъ. Прежде всего отъ нихъ требовалось полное цѣломудріе, и мѣстная администрація строго слѣдила за ихъ поведеніемъ. Геки были поставлены въ исключительное положеніе, схожее съ историческимъ положеніемъ римскихъ весталокъ. Разница заключалась только въ томъ, что согрѣшившую противъ цѣломудрія геку не приносили въ жертву богамъ, а ограничивались ея позорнымъ исключеніемъ изъ почетной, пользовавшейся общимъ уваженіемъ, корпораціи пѣвицъ, музыкантшъ и танцовщицъ. Впрочемъ, гекамъ не возбранялось выходить замужъ, но при этомъ онѣ были обязаны избрать человѣка со средствами и съ репутаціей во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненной.

Назначеніе гекъ было — пѣть народныя былины и сказанія, играть на самсенахъ и другихъ инструментахъ, танцовать и вообще увеселять тѣхъ, кто искалъ разсѣянья; за все это онѣ получали извѣстную, очень незначительную плату, установленную обычаемъ. Въ настоящее время геки потеряли свое народное, общественное значеніе. Тлетворная зараза обратной стороны европейской цивилизаціи задѣла и эти чистыя существа. Администрація не усмотрѣла; матери и родственницы прозѣвали, и геки пошли той торной дорогой, на которую такъ безстыдно толкаютъ всѣхъ первобытныхъ дѣвушекъ нѣкоторые европейскіе guasi-цивилизаторы и эмансипаторы. Геки уже не пользуются всеобщимъ уваженіемъ; корпорація эта стала почти солидарной съ корпораціей куртизанокъ. Въ настоящее время гекой можетъ сдѣлаться каждая, болѣе или менѣе красивая дѣвушка...

VI.

Въ десяти верстахъ отъ Нагасаки расположенъ небольшой, но привлекательный городокъ Ураками и нѣсколько далѣе—приморскій городъ Тогицъ, съ совершенно японскою наружностью и общественною жизнью, безъ всякой примѣси европейской цивилизаціи. Въ цѣломъ городѣ нѣтъ ни одной европейской постройки; онъ посѣщается европейцами очень рѣдко, почему послѣдніе считаются тамъ за диковинныхъ звѣрей. При нашемъ появленіи на узкихъ улицахъ, мы были окружены такой массой шумящихъ, кричащихъ и издѣвающихся надъ нами дѣтей, начиная съ трехъ лѣтняго возраста и кончая десятью годами, что пришли въ положительное недоумѣніе, что предпринять. Дѣти назойливо бѣжали за нами, дергали насъ сзади за фалды сюртуковъ, дѣлали руками неприличные жесты и ругались; но стоило намъ только сердито оборачиваться, какъ вся назойливая ватага ребятишекъ съ гамомъ и визгомъ бросалась назадъ, разсыпалась въ разные сто-

роны и, скрываясь за углами домовъ, показывала намъ языки, при чемъ болѣе смѣлые даже распахивали сзади свои киримоны.

Среди неумолчнаго дѣтскаго крика легко можно было разслышать энергичный возгласъ: „темпо!.. темпо!..*) За неимѣніемъ этой монеты, пришлось вытащить изъ кармана все наличное мелкое серебро, чтобы только избавиться отъ преслѣдованія дѣтей. При первой, брошенной въ толпу горсти серебра поднялась грандіозная потасовка. Сотня ребятишекъ обоего пола слилась въ какую-то животрепещую общую кучу; дѣти съ визгомъ вырывали другъ у друга разбросанное серебро, при чемъ каждый, заполучившій въ свои руки хоть одинъ пятицентовикъ, съ торжественнымъ крикомъ выбирался изъ среды дерущихся и стремглавъ несся къ ближайшей лавченкѣ — купить на захваченную монету любимыхъ сластей.

Послѣ второй горсти серебра, дѣти сдѣлались на столько благопристойными, что уже слѣдовали за нами безъ задора и только изрѣдка покрикивали: темпо!.. темпо!.. Послѣ третьей горсти, мы сдѣлались съ дѣтьми положительными друзьями. Они наперерывъ приглашали насъ къ себѣ въ гости и предлагали услуги быть нашими чичероне. Воспользовавшись случаемъ, мы посѣтили нѣсколько семейныхъ домовъ и были этимъ очень довольны, такъ какъ намъ удалось познакомиться съ многими сторонами оригинальной японской жизни...

Наружность японскихъ жилищъ много напоминаетъ китайскія фаньцзи. Способъ ихъ постройки обыкновенно слѣдующій: прежде всего дѣлается скелетъ изъ врытыхъ въ землю бревенъ, связанныхъ между собою, черезъ каждые два фута жердями; съ обѣихъ сторонъ послѣднихъ привязывается вертикально травяными веревками тонкій, разрѣзанный пополамъ бамбукъ, поперекъ кото-

*) Темпо—мелкая, мѣдная японская монета продолговатой формы, съ четыреугольнымъ отверстіемъ въ центрѣ. На каждый долларъ даютъ, смотря по курсу, отъ 1400 до 1800 штукъ этой монеты.

раго кладутся вторые ряды бамбуковыхъ тростей. Такимъ образомъ образуется частая сѣть небольшихъ квадратовъ, которые заполняются съ обѣихъ сторонъ глиной, смѣшанной съ рубленой соломой. Наружныя и внутреннія стѣны бѣлятся известью, что придаетъ домамъ необыкновенно привлекательный, чистенькій видъ. Крыши дѣлаются, смотря по средствамъ, соломенныя или черепичныя. Японскія дома изобилуютъ рѣшетчатыми окнами, проклеенными, вмѣсто стеколъ, прочной, тонкой, хлопчатой бумагой; окна дѣлаются раздвижными; въ случаѣ надобности, ихъ можно надвинуть одно на другое и сообщить внутреннему помѣщенію желательную прохладу. Внутренность дома раздѣляется обыкновено подвижными, деревянными перегородками на нѣсколько комнатъ большей или меньшей величины, но непремѣнно симметрично расположенныхъ. Въ случаѣ необходимости, перегородки переставляются, и расположеніе комнатъ измѣняется по желанію, безъ особенныхъ хлопотъ. Полы японскихъ жилищъ покрываются соломенными циновками, необыкновенно аккуратно пригнанными.

Прежде всего поражаетъ въ японскомъ домѣ почти полное отсутствіе какой либо мебели, затѣмъ — образцовая чистота и опрятность. Въ пріемной комнатѣ, съ одной стороны, полъ дѣлается нѣсколько возвышеннымъ, въ видѣ большаго, низкаго (въ полъ фута высоты) стола: Это мѣсто считается почетнымъ; оно всегда прикрыто самыми чистыми, изящными циновками; здѣсь японцы проводятъ почти все свое время: отдыхаютъ, обѣдаютъ, работаютъ и бесѣдуютъ съ гостями.

При входѣ въ домъ, японецъ обязанъ снять свои сандаліи или сокки и оставить ихъ у порога. Европейцу разрѣшается войти въ комнату въ чистыхъ сапогахъ; но если-бы онъ пожелалъ взобраться на почетное возвышеніе, то его непремѣнно попросятъ снять сапоги.

Японцы чрезвычайно любятъ зелень, среди которой можно было-бы насладиться тишиной и отдыхомъ, помечтать и уединиться отъ постороннихъ любопытныхъ

взоровъ. При каждомъ, болѣе или менѣе зажиточномъ, домѣ непремѣнно разведенъ прелестный садикъ, на украшеніе котораго японцы нерѣдко затрачиваютъ большія деньги. Здѣсь создаются всевозможные искусственные гроты, пруды, каскады, скалы, фонтаны и журчащіе ручейки. Вокругъ сада воздвигается прелестная живая изгородь, образующая обыкновенно сплошную стѣну роскошной, разнообразной зелени...

Японцы чрезвычайно чистоплотны. Каждое порядочное буржуазное семейство старается прежде всего обзавестись ванной. Люди побѣднее ежедневно купаются прямо въ морѣ или въ ближайшемъ ручьѣ, а если это невозможно, то окачиваются холодной водой на дворѣ дома или даже на улицѣ, безъ особеннаго стѣсненія. Японцы очень воздержанны въ пищѣ. Весь незатѣйливый таберо (обѣдъ) буржуазнаго семейства состоитъ изъ небольшаго количества отварнаго рису, нѣсколькихъ кусочковъ рыбы, крабовъ либо дичи и наконецъ изъ лапши, блинчиковъ, кастеро и разныхъ сластей. Все это запивается теплымъ сàкки и горячимъ, крѣпкимъ чаемъ безъ сахару. Всѣ кушанья японцы любятъ подправлять индійскимъ перцемъ и соей *). Соль малоупотребительна. Меню считается неполнымъ, если нѣтъ любимыхъ овощей, непремѣнно вареныхъ, салата всевозможныхъ сортовъ, морской капусты и наконецъ круто сваренныхъ яицъ. Послѣднія предпочитаются, если они немного тронулись.

Обѣденный сервизъ японцевъ состоитъ изъ множества небольшихъ деревянныхъ лакированныхъ подносовъ, фарфоровыхъ чашекъ, глиняныхъ пористыхъ чайниковъ и фарфоровыхъ графинчиковъ. Вмѣсто вилокъ употребляются тонкія деревянныя палочки, которыми японцы управляются съ большимъ искусствомъ.

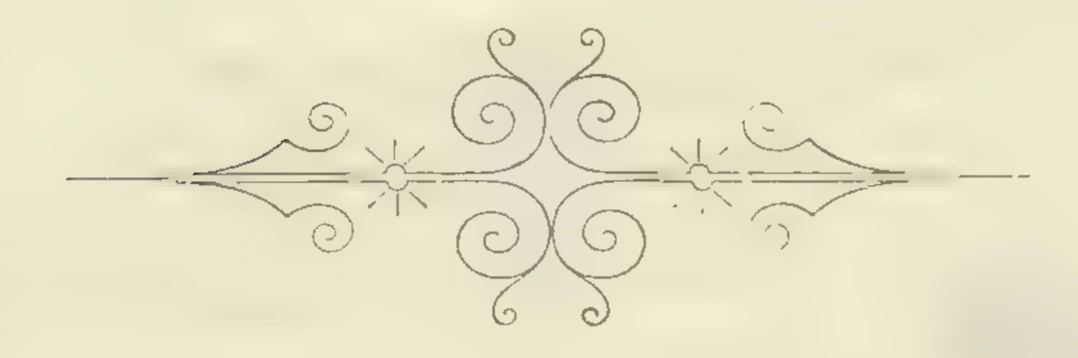
Пища простаго народа состоитъ исключительно изъ

*) Соя—соусъ, необыкновенно острый на вкусъ, приготовляемый изъ черныхъ бобовъ, подвергаемыхъ броженію.

риса, приправленнаго соей. Къ этому незатѣйливому кушанью прибавляютъ изрѣдка морскія ракушки, устрицы, мелкія моллюски и трепанги, добытыя, во время отлива, на берегу.

Семейная жизнь японцевъ отличается мирнымъ, ровнымъ характеромъ. Вспышки у семейнаго очага чрезвычайно рѣдки, благодаря мягкому, спокойному и добродушному характеру какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Японская дѣвушка выходитъ замужъ очень рано. Она переходитъ къ дѣтямъ и хозяйству, прямо отъ куколъ и игрушекъ, и еще долгое время остается, среди своего семейства, положительно ребенкомъ. Въ мужѣ она видитъ скорѣй отца, чѣмъ мужа, и безпрекословно подчиняется ему безъ всякаго съ его стороны давленія, а только вслѣдствіе сознанія своего безсилія вращаться безъ поддержки въ новой для нея сферѣ. Съ годами, это подчиненіе входитъ въ привычку, что благопріятно вліяетъ на семейныя отношенія. Съ дѣтьми родители обращаются чрезвычайно кротко. При этомъ дѣти растутъ совершенно на свободѣ и пріучаются переносить всевозможныя климатическія невзгоды. Счастливая обстановка окружающей природы и семейной жизни дѣлаетъ ихъ, въ свою очередь, настолько счастливыми, что очень рѣдко можно видѣть плачущихъ малютокъ. Глядя на ихъ постоянныя веселыя лица, слушая ихъ несмолкаемый, звонкій хохотъ, невольно приходишь къ убѣжденію, что въ молодыхъ сердцахъ цвѣтетъ вѣчная весна. Родители почти не слѣдятъ за воспитаніемъ и ростомъ дѣтей, предоставляя заботу о томъ природѣ. Даже грудныя ребята передаются, при первой возможности, съ родительскихъ рукъ за киримоны болѣе взрослыхъ дѣтей. Послѣднія нисколько не стѣсняются этой обузой, а младенцы, въ свою очередь, мало возмущаются шальнымъ поведеніемъ маленькихъ нянекъ и преспокойно засыпаютъ за киримонами сестеръ или братьевъ, предоставляя имъ полную свободу заниматься веселыми прогулками, играми и бѣготней. Нерѣдко можно видѣть

на улицахъ цѣлую толпу играющихъ дѣтей, не обращающихъ никакого вниманія на сидящихъ за спинами братцевъ и сестеръ, мирно почивающихъ или-же зорко слѣдящихъ черными глазенками за шаловливыми продѣлками своихъ юркихъ нянекъ...

Орочоны.

(Этнографическій очеркъ).

I.

На безпредѣльномъ пространствѣ нашего крайняго востока, среди дѣвственной тайги, еще не посмятой ногой цивилизованнаго человѣка, доживаютъ свои послѣдніе дни ничтожные остатки когда-то многочисленнаго орочонскаго народа, составляющаго, какъ предполагаютъ антропологи, вѣтвь тунгузскаго племени. Дѣйствительное происхожденіе этого народа покрыто таинственнымъ покровомъ, приподнять который не удалось до сихъ поръ ни одному ученому или путешественнику. Извѣстно только, что орочоны или орочи принадлежатъ къ кореннымъ жителямъ обширнаго Уссурійскаго края, историческое прошлое котораго до сихъ поръ въ высшей степени проблематично, хотя нѣкоторые данные указываютъ на то, что нѣкогда въ этомъ краѣ кипѣла иная жизнь, болѣе культурная и цивилизованная чѣмъ въ моментъ его присоединенія владѣніямъ Имперіи. Несомнѣнно, что въ эти отдаленныя времена орочоны составляли доволъно многочисленную групу инородческаго населенія края и безвозбранно удовлетворяли свою страсть къ охотничьей, бродячей жизни,

держась вдали отъ пришельцевъ — китайцевъ, мечтавшихъ внести въ богатый край свою тысячелѣтіями сложившуюся культуру и цивилизацію. Прошли долгіе годы. Вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ, цивилизаторская миссія сыновъ Поднебесной Имперіи вдругъ пошла вспять. Обезлюденные города и крѣпости превратились въ развалины, слѣды которыхъ еще виднѣются во многихъ мѣстахъ Уссурійскаго края. Тѣмъ не менѣе часть орочонскаго народа уже успѣла подчиниться неотразимому вліянію китайской цивилизаціи и, бросивъ свой бродячій образъ жизни, расселилась въ наиболѣе плодороднѣйшихъ мѣстахъ края, по близости земледѣльческихъ фермъ немногочисленной группы китайцевъ, задавшихся цѣлью закабалить простодушныхъ, наивныхъ дикарей.

Достигнуть этой кабалы было нетрудно при помощи характерныхъ особенностей сыновъ Поднебесной Имперіи —этихъ жидовъ крайняго Востока. Очень скоро осѣдлые орочоны переняли отъ сосѣдей-китайцевъ языкъ, одежду, способъ постройки жилищъ и обычаи. Въ настоящее время даже внѣшность этихъ орочей мало разнится отъ китайской. Разница, и то ничтожная, заключается лишь въ томъ, что орочи небреютъ передней половины головы и заплетаютъ волосы на двѣ косы. Осѣдлые дикари живутъ въ фаньцзахъ (домахъ), подобныхъ китайскимъ, носятъ китайскую одежду, занимаются хлѣбопашествомъ, огородничествомъ и скотоводствомъ, а зимой — звѣроловствомъ. Впрочемъ незначительная часть осѣдлыхъ орочонъ до сихъ поръ еще не освоилась съ земледѣліемъ и лѣтній свой досугъ употребляетъ на рыболовство. Эта часть дикарей представляетъ какъ-бы переходную ступень отъ бродячихъ орочей къ орочамъ-хлѣбопашцамъ. Рыболовы-дикари, въ силу исключительныхъ мѣстныхъ условій, ведутъ полубродячій образъ жизни. Они перекочевываютъ два раза въ годъ: лѣтомъ на устья или берега рѣкъ, болѣе или менѣе богатыхъ рыбой, а къ зимѣ возвращаются въ свои фаньцзы. Оставивъ здѣсь женъ, дѣтей и дряхлыхъ стариковъ съ доста-

точнымъ запасомъ юколы (вяленой рыбы), всѣ здоровые мужчины уходятъ зимой въ хребты для охоты за пушнымъ звѣремъ. Въ тѣ же хребты идутъ съ первымъ снѣгомъ и остальные осѣдлые орочи, для которыхъ пушнина, въ особенности соболь, представляетъ необходимый предметъ для промѣна у эксплоататоровъ—китайцевъ на табакъ, одежду, водку, порохъ, свинецъ и просо.

Такимъ образомъ, вся зимняя добыча орочей пушнаго звѣря всегда переходитъ въ руки жадныхъ и хитрыхъ маньцзъ (такъ зовутъ въ Уссурійскомъ краѣ китайцевъ), которые стараются выжать изъ наивныхъ, простодушныхъ дикарей какъ можно больше соковъ. Маньцзы бьютъ несчастныхъ орочонъ, выражаясь фигурально, въ два кнута, назначая совершенно произвольныя цѣны какъ за свои продукты, такъ и за соболей. Благодаря этому обстоятельству, дикари давно уже окончательно закабалены и находятся въ неоплатныхъ долгахъ, постепенно возрастающихъ при помощи ловкихъ подсчетовъ и итоговъ корыстолюбивыхъ, до-нельзя жадныхъ китайцевъ. Довѣрчивые орочоны не имѣютъ обыкновенія сомнѣваться въ правильности этихъ подсчетовъ и простодушно отдаютъ въ руки маньцзъ всю свою добычу, въ полной надеждѣ на ихъ добросовѣстность.

Бродячіе орочоны, вслѣдствіе своего низкаго умственнаго развитія, находятся еще въ большей экономической зависимости отъ китайцевъ, чѣмъ ихъ осѣдлые сородичи. Хотя у нихъ нѣтъ особенныхъ потребностей, но они, какъ и всѣ дикари, имѣютъ неотразимое пристрастіе къ крѣпкимъ напиткамъ и табаку. За водку они готовы отдать рѣшительно все, что у нихъ есть, даже жену и дѣтей. Только водка заставляетъ ихъ заниматься собольимъ промысломъ. Изъ этой пагубной страсти дикарей, китайцы извлекаютъ для себя громадныя выгоды. Каждый маньцза-плутъ, имѣющій въ карманѣ всего нѣсколько рублей, уже мнитъ себя купцомъ кулакомъ и прилагаетъ всѣ усилія къ тому, какъ бы нажиться на счетъ орочей, какъ бы обобрать почище

неразвитыхъ, довѣрчивыхъ дикарей. За каждую бутылку водки (ханшина) собственнаго приготовленія онъ требуетъ соболя, а при случаѣ беретъ и два.

Бродячіе орочоны живутъ въ шалашахъ — юртахъ, причемъ лѣтніе шалаши (чоло) строятся, въ видѣ конуса, изъ жердей, прикрытыхъ берестой до извѣстной высоты. Вершина чоло открыта для выхода дыма отъ костра, который обыкновенно раскладывается посреди юрты. Зимнія жилища (чукди) дикарей имѣютъ четыреугольную форму съ закругленными нѣсколько углами. Полунагіе, до нельзя грязные, стоящіе ближе къ животному, чѣмъ къ человѣку, орочоны бродятъ со своими семействами съ мѣста на мѣсто, перенося съ собой и свои берестяные шалаши. Переходъ этотъ обусловливается достаткомъ въ извѣстномъ пунктѣ рыбы или звѣря, составляющихъ пищу жалкихъ дикарей. Живя въ душныхъ, смрадныхъ, дымныхъ шалашахъ, бродячіе орочоны чуждаются всякаго общенія съ подобными себѣ и не имѣютъ никакихъ человѣческихъ стремленій. Всѣ ихъ умственныя и душевныя способности сосредоточены исключительно на ѣдѣ и снѣ. Орочъ, убивъ какого-нибудь крупнаго звѣря, перекочевываетъ, обыкновенно, къ нему со всѣмъ семействомъ и не выходитъ изъ шалаша до тѣхъ поръ, пока не уничтожитъ всей своей добычи. Онъ идетъ опять на охоту не ранѣе, какъ самъ захочетъ ѣсть, нисколько не заботясь о своемъ семействѣ. Послѣднее нерѣдко голодаетъ и, поджидая главу семьи съ добычей, питается только сушеной рыбой (юколой), заготовляемой, обыкновенно, на всю зиму. За то какой праздникъ для всѣхъ, когда отецъ принесетъ извѣстіе объ убитомъ кабанѣ или оленѣ: все семейство немедленно собираетъ свои жалкіе пожитки и спѣшитъ къ вкусной добычѣ. Звѣрь распластывается общими усиліями; каждый членъ семейства торопится выбрать себѣ кусокъ получше да побольше и спѣшитъ слегка поджарить его на угольяхъ. Каждый заботится только о себѣ. Полусырое мясо поглощается

въ огромной массѣ; ѣдятъ безъ мѣры, пока куски не начнутъ останавливаться въ горлѣ. Затѣмъ всѣ ложатся спать вповалку и спятъ до тѣхъ поръ, пока не захотятъ опять ѣсть.

Какъ только добыча съѣдается, орочъ, понукаемый голодомъ, вновь отправляется на охоту, а жена съ дѣтьми остается, въ ожиданіи мужа, въ шалашѣ, безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій. Только въ крайнемъ случаѣ присядетъ она за какую-нибудь домашнюю работу; то сошьетъ себѣ или мужу изъ звѣриныхъ шкуръ рубаху (сегыма), то поправитъ пришедшіе въ ветхость таковые же штаны (хейкы), то соорудитъ изъ бересты какую нибудь домашнюю утварь. Этимъ исчерпывается вся забота матери о семьѣ. Дѣти растутъ въ невообразимой грязи, безъ всякаго присмотра и ухода. Чувства матери къ нимъ чисто животныя, безъ малѣйшаго луча какой-нибудь сердечности и задушевности.

Бродячіе орочи придерживаются исключительно шаманства и поклоняются извѣстнымъ животнымъ, среди которыхъ тигръ занимаетъ наиболѣе почетное мѣсто. Свирѣпый хищникъ представляется въ воображеніи неразвитыхъ дикарей какимъ-то божествомъ, почему орочи рѣшаются убить его только въ крайнемъ случаѣ, когда онъ надѣлаетъ слишкомъ много бѣдъ. При встрѣчѣ съ тигромъ, орочи поклоняются ему, но если хищникъ будетъ столь нелюбезенъ, что не удовольствуется воздаваемою ему почестью и захочетъ полакомиться мясомъ своего поклонника, то орочъ, не робѣя, пускаетъ ему подъ лопатку смертельную пулю. Вообще, всѣ орочи — необыкновенно отважные охотники и замѣчательные стрѣлки даже изъ своихъ плохихъ фитильныхъ ружей, пріобрѣтаемыхъ за соболей у китайцевъ. Въ большинствѣ случаевъ они бьютъ тигра съ одного выстрѣла, не говоря уже о козахъ, оленяхъ и кабанахъ.

Осѣдлые орочоны стоятъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ на неизмѣримой высотѣ, сравнительно со своими бродячими собратьями, но тѣмъ не

менѣе и они еще далеки отъ той рѣзкой черты, которая раздѣляетъ дикаря отъ культурнаго человѣка. Достигнутъ ли они когда либо этой черты, даже при содѣйствіи русской власти, — трудно сказать. Орочоны, вообще, постепенно вымираютъ и, по всей вѣроятности, не успѣютъ подчиниться цивилизаторскому вліянію русской народности, быстро овладѣвающей богатымъ Уссурійскимъ краемъ.

Какъ мы уже упомянули, осѣдлые орочоны до сихъ еще поръ находятся въ полной экономической зависимости отъ китайцевъ, хозяйничающихъ въ нашихъ предѣлахъ, какъ у себя дома, вслѣдствіе физической невозможности услѣдить за ихъ хищническими дѣйствіями въ глухихъ, малоизслѣдованныхъ мѣстностяхъ обширнаго края. Цивилизаторская дѣятельность китайцевъ среди орочонскаго народца шла всегда рука объ руку съ ихъ упорными стремленіями къ безшабашной наживѣ насчетъ добродушныхъ, довѣрчивыхъ дикарей. Кабала послѣднихъ достигла кульминаціонной точки. Орочоны до такой степени свыклись со своимъ угнетеннымъ, подначальнымъ, почти рабскимъ положеніемъ, что навѣрное совершенно пропадутъ безъ корыстолюбиваго покровительства китайцевъ, если, конечно, эта позорная опека не будетъ своевременно замѣнена другой, болѣе гуманной и добросовѣстной.

Осѣдлые орочоны настолько уже подчинились цивилизаторскому вліянію китайцевъ, что даже начали поклоняться ихъ божествамъ, придерживаясь, впрочемъ, одновременно и шаманству. Вообще же эти дикари стоятъ на такой низкой ступени духовнаго развитія, что даже не имѣютъ понятія о загробной жизни.

„Мы не знаемъ, — говорятъ они обыкновенно, — Богъ или чортъ беретъ человѣка послѣ смерти“?..

Лѣтосчисленія орочоны не ведутъ, чиселъ и мѣсяцевъ не знаютъ, но понятіе о времени имѣютъ по ежегодному ходу въ рѣкѣ красной рыбы, кэты. Хочетъ, напримѣръ, дикарь опредѣлить свой возрастъ, онъ го-

воритъ: „я ѣлъ уже двадцать, сорокъ или пятьдесятъ рыбъ“ (т.-е. мнѣ 20, 40 или 50 лѣтъ). Желаетъ ли онъ опредѣлить время какого либо происшествія,—говоритъ: „съ тѣхъ поръ кэта проходила восемь разъ“ (т.-е. это было восемь лѣтъ тому назадъ).

Семейныя отношенія осѣдлыхъ орочонъ стоятъ, сравнительно съ подобными же отношеніями ихъ бродячихъ соотичей, на недосягаемой высотѣ. Между родителями и дѣтьми существуетъ достаточно тѣсная связь, съ проблескомъ извѣстной сердечности и задушевности. Старики и главы семействъ пользуются большимъ уваженіемъ. Дѣти воспитываются въ безпрекословномъ повиновеніи родительской власти. До семилѣтняго возраста они находятся на попеченіи матерей, а затѣмъ дѣлаются ретивыми соучастниками всѣхъ охотничьихъ и рыболовныхъ подвиговъ своихъ отцовъ. Вступая на „мужское“ поприще, каждый орочонокъ получаетъ изъ рукъ отца маленькій лукъ и небольшую острогу. Съ этого момента малышъ уже смотритъ на себя, какъ на заправскаго охотника, и очень быстро освоивается съ примитивнымъ оружіемъ, безъ промаха бьющимъ въ рукахъ орочонка, намѣченную жертву.

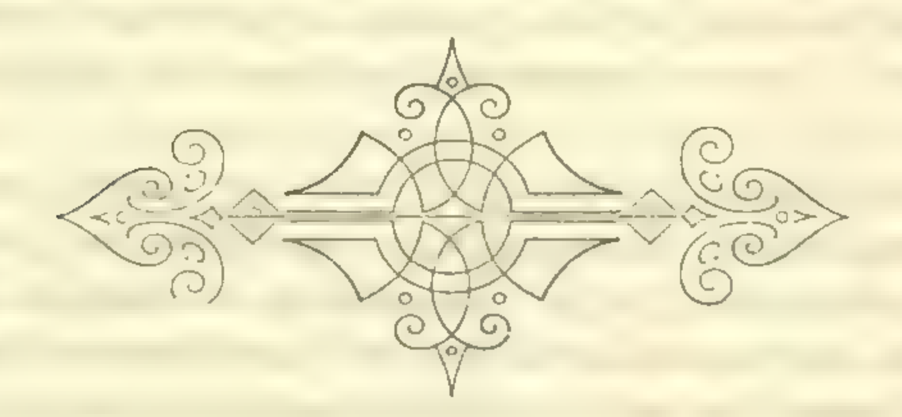
Браки между орочонами совершаются въ очень юномъ возрастѣ. Едва мальчику минетъ 14 лѣтъ, отецъ уже начинаетъ подъискивать ему подходящую, то-есть не слишкомъ дорогую, невѣсту. Послѣдняя положительно покупается, какъ какая-нибудь лошадь или товаръ, причемъ обѣ стороны торгуются самымъ отчаяннымъ образомъ. Обыкновенно, родители невѣсты заламываютъ за „живой товаръ“ по возможности дороже и уступаютъ его только послѣ упорнаго торга. Сторговавши за опредѣленную сумму намѣченную дѣвушку, отецъ жениха возвращается домой и торжественно ведетъ сына въ фанзу невѣсты, для соотвѣтствующихъ вспрысковъ состоявшагося сговора. Изрядно выпивши, всѣ, вмѣстѣ съ разодѣтой невѣстой, идутъ въ домъ жениха, гдѣ молодые выпиваютъ еще извѣстное количество хан-

шина, — и бракъ считается совершившимся. Въ день бракосочетанія, обыкновенно, невѣста одѣвается по праздничному. Кромѣ куртки и штановъ изъ бумазейной матеріи (костюмъ орочонской женщины одинаковъ съ мужскимъ), орочонка одѣваетъ еще длинную двойную рубаху (дакты) и вышитые разнообразными узорами сапоги (амун). Ради удовлетворенія своего кокетства, она навѣшиваетъ на себя множество различныхъ побрякушекъ—бубенчиковъ, бусъ, желѣзныхъ и мѣдныхъ пластинокъ, которыя дребезжатъ при каждомъ ея движеніи. Въ уши, а иногда и въ правую ноздрю, она продѣваетъ толстыя серебряныя кольца съ висящими на нихъ металлическими бляхами, величиной отъ гривенника до двугривеннаго, а руки и пальцы щедро украшаетъ серебряными и даже просто цвѣтными стеклянными браслетами и кольцами. На поясѣ у такой орочанской красавицы непремѣнно красуется вышитый затѣйливыми узорами кисетъ съ трубкой, туго набитой махоркой. Вообще всѣ орочонки страстныя курильщицы и съ самаго юнаго возраста никогда не разстаются съ трубкой.

Въ одинаковой степени онѣ питаютъ страсть ко всѣмъ спиртнымъ напиткамъ, причемъ во всѣхъ выпивкахъ нисколько не уступаютъ мужчинамъ. Въ этомъ отношеніи орочонки стоятъ съ послѣдними на равной ногѣ, но зато во всѣхъ остальныхъ случаяхъ играютъ роль самую приниженную и загнанную. Мало того, на нихъ лежатъ всѣ наиболѣе тяжелыя работы по хозяйству, такъ какъ мужчины вообще чрезвычайно лѣнивы и все свободное отъ промысловъ время убиваютъ на пьянство или шаманство.

Чтобы прослѣдить дальнѣйшую супружескую жизнь осѣдлыхъ орочонъ, намъ остается сказать всего нѣсколько словъ. Каждое увеличеніе семьи встрѣчается съ радостью; особенно радуются рожденію дѣвочки, которая можетъ доставить отцу со временемъ изрядный доходъ, ради котораго орочоны очень часто продаютъ своихъ дочерей,

какъ-бы въ замужество, наиболѣе зажиточнымъ китайцамъ. Пока дѣти грудныя,—за ними бываетъ извѣстный уходъ: матери даже моютъ ихъ; но какъ только они встанутъ на ноги,—съ этого момента на нихъ не обращаютъ рѣшительно никакого вниманія. Они растутъ въ невообразимой грязи и смѣняютъ свою одежду не ранѣе, какъ она истлѣетъ на ихъ крайне неопрятномъ тѣлѣ. Вообще всѣ орочоны не имѣютъ понятія о чистоплотности. Они никогда не моются, а чешутся только въ крайнемъ случаѣ, когда головы ихъ превращаются въ отвратительный разсадникъ насѣкомыхъ. Благодаря такимъ антигигіеническимъ условіямъ жизни, а также сильному пристрастію къ спиртнымъ напиткамъ, дикари эти постепенно вымираютъ, вслѣдствіе чего они представляютъ для края очень мало надеждъ въ будущемъ.

ВЪ КИТАѢ.

(Изъ записной книжки моряка).

I.

Послѣ двухсуточной качки на бурномъ Китайскомъ морѣ, нашъ крейсеръ вошелъ, наконецъ, въ широкое устье величественнаго Янце-Кіанга. Желтыя, мутныя воды этой рѣки, пресыщенныя иломъ и разложившимися органическими веществами, рѣзко отдѣлялись отъ темнозеленыхъ, прозрачныхъ водъ океана. Издали, устье Янце-Кіанга представлялось необозримою мелью, выдвинувшеюся далеко въ море; вблизи оно напоминало зловонное, стоячее, африканское озеро—гнѣздо трудно излѣчимыхъ лихорадокъ. Справа и слѣва тянулись совершенно плоскіе берега едва прикрытые тощей, древесной растительностью.

Благодаря приливу и свѣжему попутному вѣтру, мы подвигались съ необыкновенною быстротою. Вмѣстѣ съ нами неслись, тѣмъ-же курсомъ, десятки паровыхъ и парусныхъ коммерческихъ судовъ, нагруженныхъ разнообразными произведеніями промышленной, мануфактурной Европы. Сотни китайскихъ громадныхъ джонокъ, купеческихъ и военныхъ, сновали по всѣмъ направле-

ніямъ и заставляли, во избѣжаніе столкновенія, зорко слѣдить за всѣми ихъ движеніями, нерѣдко самыми неожиданными и противными элементарнымъ понятіямъ о морскомъ дѣлѣ. Команды джонокъ оглашали воздухъ рѣзкими, отчаянными криками, точно суда ихъ шли ко дну или горѣли. Пронзительные свистки пароходовъ энергично вторили этому адскому крику, доходившему до апогея при малѣйшей опасности попасть подъ все-сокрушающіе желѣзные форштевни „дьявольскихъ джонокъ“, выдуманныхъ „рыжими“.

Вотъ идетъ на пересѣчку нашего курса громадная военная джонка разсѣкая мутную воду тупымъ носомъ, украшеннымъ страшно размалеваннымъ дракономъ. На сильно накрененной палубѣ виднѣются ряды „грозныхъ“ пушекъ. Экипажъ джонки неистово визжитъ, стараясь вытянуть фалъ задняго паруса, напоминающее гигантское крыло миѳологическаго чудовища.

Наши сигнальщики начинаютъ волноваться, видя настойчивое движеніе джонки подъ носъ крейсера.

— Ваше высокородіе, — докладываетъ одинъ изъ нихъ командиру,—джонка на пересѣчку идетъ...

Въ это время налетѣлъ жестокій порывъ вѣтра.

— Ваше высблагородіе, — подбѣгаетъ съ тревогой другой сигнальщихъ,—джонку перевернуло!

— Вотъ те на!.. китайцы на пушкахъ спасаются,— съ полнымъ недоумѣніемъ на добродушномъ лицѣ пробурчалъ вахтенный унтеръ-офицеръ, не спускавшій глазъ съ назойливой джонки.

Оказалось, послѣдняя была вооружена деревянными пушками, художественно раскрашенными.

Предоставивъ спасаться китайскимъ аргонавтамъ на другихъ джонкахъ, поспѣшившихъ къ мѣсту катастрофы, мы продолжали свой путь. Спустя два часа, отдаленные берега начали сближаться и вскорѣ крейсеръ вошелъ въ величественный Янце-Кіангъ, напоминавшій при устьи обширную бухту. Прошло еще съ полчаса, и мы, круто повернувъ влѣво, стали прорѣзать уже мутныя воды

грандіознаго притока Янце-Кіанга -Гвангъ-пу. Впереди выяснились сооруженія верфей и доковъ, принадлежащихъ одной американской компаніи. Справа вздымалась громада, грознаго по виду, каменнаго форта; рядомъ съ послѣднимъ видиѣлись полуразвалившіяся земляныя батареи. Такія же печальныя укрѣпленія высились и на другомъ берегу Гвангъ-пу низменномъ, болотистомъ и лишенномъ растительности...

Но вотъ и Шанхай, скрытый еще, впрочемъ, отъ нашихъ взоровъ лѣсомъ мачтъ, стоявшихъ у набережной. Крейсеръ застопорилъ машину.

Къ борту подошелъ Harbour master (завѣдующій гаванью) и указалъ намъ мѣсто якорной стоянки. Спустя пять минутъ мы уже стояли на двухъ якоряхъ, какъ разъ напротивъ американскаго квартала. Тотчасъ же крейсеръ окружили десятки небольшихъ джонокъ съ живностью, фруктами, всевозможными продуктами, а также съ компрадорами (коммиссіонерами), портными, сапожниками, прачками и т. п. субъектами, мечтавшими поживиться на нашъ счетъ.

Съ отвратительною назойливостью китайцы лезли на палубу и навязчиво совали всѣмъ въ руки всевозможныя объявленія, карточки и рекомендаціи. Число джонокъ постепенно увеличивалось; нѣкоторыя изъ нихъ вмѣщали цѣлыя семейства, не имѣвшія крова на твердой землѣ; это были пловучія шалаши, едва прикрытыя рваными полусгнившими циновками.

Въ то время, когда отецъ семейства настойчиво предлагалъ намъ свой незатѣйливый товаръ, его жена копошилась надъ приготовленіемъ немудренаго обѣда. Къ услугамъ хозяйки былъ сложенъ, на носу джонки, небольшой очагъ, удобно приспособленный къ тяжелой бивуачной жизни, которую ведутъ милліоны китайскаго пролетаріата.

На многихъ джонкахъ виднѣлись дѣти всѣхъ возрастовъ, при чемъ самыя маленькія и неразумныя были на привязи, точно макаки или собаченки. Къ такой

мѣрѣ прибѣгаютъ, обыкновенно, всѣ китайскія матери во время своихъ хозяйственныхъ работъ, чтобы ребята не кувырнулись какъ нибудь за бортъ джонки. Какъ ни дикъ видъ привязанныхъ дѣтей, но надо сознаться что китаянкамъ иначе нѣтъ возможности усмотрѣть за своими многочисленными ребятишками, ползающими по шаткой поверхности плавучаго жилища...

II.

Шанхай расположенный на плоскомъ, болотистомъ берегу Гвангъ-пу, не имѣетъ относительно природы, ничего привлекательнаго, но какъ городъ, представляетъ полное совершенство. Климатическія его условія отвратительны. Въ жаркое время, благодаря міазматическимъ испареніямъ, Шанхай служитъ разсадникомъ самыхъ злокачественныхъ лихорадокъ. Зимой и весной, вслѣдствіе необычайной сырости, тутъ зарождаются всевозможныя эпидеміи, особенно губительныя для китайскаго населенія.

Расположенный вблизи (всего въ 80 миляхъ) богатаго, цвѣтущаго города Сучау—центра торговой дѣятельности сѣвернаго Китая, Шанхай сдѣлался, благодаря соединительнымъ судоходнымъ рѣкамъ и каналамъ, его портомъ. Еще въ срединѣ восемнадцатаго столѣтія европейцы замѣтили чрезвычайно выгодное положеніе Шанхая. Агенты Индійской компаніи первыми задумали основать здѣсь свою факторію, но мысль эта оказалась тогда не осуществимою, вслѣдствіи энергичнаго противодѣйствія китайскаго правительства и народа. Воевать съ Китаемъ въ то время никому не хотѣлось, и, такимъ образомъ, миролюбивая попытка европейцевъ завести съ Поднебесной имперіей торговыя сношенія потерпѣла фіаско.

Въ теченіи слѣдующихъ восьмидесяти лѣтъ, устье Гвангъ-пу оставалось въ полузабвеніи. Коммерческіе агенты терпѣливо ждали подходящаго момента для воз-

обновленія попытокъ своихъ предшественниковъ. Этотъ моментъ наступилъ въ 1842 году, когда англичане, послѣ удачной войны, заключили съ Китаемъ Нанкинскій договоръ, главная статья котораго требовала открытія Шанхая для европейской торговли. Первыми принялись за дѣло, по обыкновенію, англичане; съ неутомимой энергіей они повели тяжелую борьбу съ природой и стали высушивать болотистую, наносную почву, едва возвышавшуюся надъ уровнемъ рѣки. Строевыхъ матеріаловъ, камня и лѣсу, на мѣстѣ не было, и все это англичанамъ пришлось возить издалека. Въ теченіи почти десяти лѣтъ они съ величайшимъ трудомъ поддерживали свое существованіе, терпя одни убытки, расходы и невзгоды. Но Англичане не унывали и твердо, неуклонно шли къ задуманной цѣли. Наконецъ ихъ долготерпѣніе и энергичная дѣятельность увѣнчались полнымъ, вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ. Торговля шелкомъ и чаемъ получила неслыханную свободу, и англачане начали быстро захватывать въ свои руки эту чрезвычайно выгодную операцію. Остальные европейцы соблазнились англійскими барышами и потянулись, съ разныхъ концевъ міра на насиженное мѣсто. Французы, американцы и нѣмцы поспѣшили пріобрѣсти у китайскаго правительства, за баснословныя суммы, опредѣленные участки земли и основали на нихъ свои факторіи, рядомъ съ англійской. Шанхай сталъ быстро обстраиваться монументальными зданіями. Вскорѣ возникли отдѣльные кварталы *) четырехъ европейскихъ народовъ болѣе предпріимчивыхъ и энергичныхъ, а также сѣверо-американскій кварталъ, чрезвычайно грандіозный и дѣловитый. Такимъ образомъ создался какой то оригинальный городъ-космополитъ, обратившій вскорѣ на себя взоры цѣлаго міра.

Немного обстроившись, европейскіе резиденты начали хлопотать о внутренней организаціи факторій.

---

*) Англійскій, французскій, сѣверо-германскій и австрійскій.

Трудъ предстоялъ большой; необходимо было раціонально рѣшить щекотливый вопросъ взаимнаго хозяйничества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тактично избѣгнуть всѣхъ недоразумѣній и непріятностей съ императорскими властями, уничтожить вѣковыя предубѣжденія китайцевъ къ европейцамъ и, наконецъ, организовать управленіе, при которомъ ни одна изъ націй, имѣющихъ въ Шанхаѣ свои факторіи, не была бы обижена въ своихъ правахъ. Прежде всего поданъ былъ проектъ космополитскаго управленія; но французскій резидентъ отказался принять его, и проектъ не получилъ общаго утвержденія. Тогда рѣшили дать факторіямъ два совершенно отдѣльныхъ управленія, изъ которыхъ одно существуетъ въ кварталахъ англійскомъ, американскомъ, сѣверо-германскомъ и австрійскомъ, а другое—во французскомъ. Эти управленія сносятся съ мѣстными властями, распредѣляютъ городскіе доходы и расходы, заботятся о безопасности и спокойствіи жителей, представляютъ проекты построекъ общественныхъ зданій, назначаютъ таксы и собираютъ налоги. Въ обоихъ районахъ содержится своя полиція, и каждое управленіе судитъ пойманныхъ въ нихъ китайскихъ мелкихъ преступниковъ (воровъ и нарушителей общественнаго спокойствія) по своимъ мѣстнымъ законамъ. Китайцы же, уличаемые въ тяжкихъ преступленіяхъ, влекущихъ за собой смертную казнь, передаются китайскимъ властямъ, которыя обязываются подвергнуть преступниковъ заслуженному наказанію, тѣмъ болѣе если пострадавшій былъ европеецъ.

III.

Гвангъ-пу проходитъ Шанхай величественной рѣкой, ширина которой достигаетъ до полуанглійской мили. Онъ течетъ съ юга на сѣверъ и только въ пятнадцати миляхъ отъ устья поворачиваетъ сразу на востокъ. На этомъ поворотѣ, на лѣвомъ берегу рѣки, расположены первые дома города, принадлежащіе американскому

кварталу, отдѣленному каналомъ Сучау отъ англійскаго квартала. Еще южнѣе возвышаются постройки французскаго квартала; каналъ, омывающій южную его сторону, служитъ пограничной чертой европейскаго города съ китайскимъ.

Американскій кварталъ состоитъ изъ невысокихъ каменныхъ домовъ, невзрачной постройки, множества складовъ и всевозможныхъ магазиновъ. Улицы въ немъ неправильныя, ломанныя, узкія и, вообще, не могутъ похвастаться безупречной чистотою и порядкомъ. Судя же по внѣшнему виду жилыхъ домовъ, можно навѣрное сказать, что проживающіе въ нихъ практичные американцы болѣе заботятся о пріобрѣтеніи долларовъ, чѣмъ о личномъ комфортѣ...

По восточную сторону американскаго квартала проложена шоссейная дорога по направленію къ китайскому городу Вузунгъ, лежащему почти при впаденіи Гвангъ-пу въ Янце-Кіангъ. По обѣимъ сторонамъ этой дороги, вдали отъ городского шума и суеты, возвышаются прелестныя лѣтнія резиденціи шанхайскихъ коммерсантовъ. Большая часть домовъ деревянная, но въ высшей степени изящной постройки. Нѣкоторые изъ нихъ построены по плану обыкновенныхъ загородныхъ англійскихъ коттеджей, но много и такихъ, которые напоминаютъ наружнымъ видомъ итальянскія виллы, швейцарскіе домики и сельскія жилища французскихъ зажиточныхъ помѣщиковъ. Относительно зелени въ этомъ загородномъ мѣстѣ хотя и бѣдно, но замѣтно поползновеніе дополнить картину и въ этомъ отношеніи, судя по тощимъ деревьямъ и кустарникамъ, разсаженнымъ какъ по обѣимъ сторонамъ дороги, такъ и передъ каждымъ отдѣльнымъ домикомъ, въ видѣ миніатюрныхъ палисадниковъ.

Лучше всѣхъ обстроились въ Шанхаѣ англичане. Англійскій кварталъ представляетъ главный центръ городской коммерческой дѣятельности, его годовой торговый оборотъ достигаетъ до ста милліоновъ фунтовъ

стерлинговъ. Главнѣйшіе торговые дома находятся именно въ этой части города. Они начинаются отъ моста, переброшеннаго черезъ каналъ Сучау, и тянутся вдоль прекрасной, длинной набережной (Bund), поражая взоры монументальностью своей постройки, изящностью архитектуры, богатствомъ и роскошью наружной отдѣлки. Вы видите передъ собой амфиладу княжескихъ жилищъ, воздвигнутыхъ въ британскомъ вкусѣ, видите дворцы, а не торговые дома корыстолюбивыхъ англійскихъ коммерсантовъ. Большинство домовъ съ верандами, безъ которыхъ обойтись въ Шанхаѣ немыслимо. Правда, эти веранды придаютъ постройкамъ нѣсколько мрачный видъ, но за то при тропическихъ лѣтнихъ жарахъ, только здѣсь можно найти хотя какую-нибудь прохладу, только здѣсь можно спастись отъ страшной духоты, доводящей непривычнаго человѣка нерѣдко до обморока...

Въ районѣ англійскаго квартала, на набережной, разбитъ небольшой общественный садъ обнесенный чугунной рѣшеткой. Подстриженная травка и деревья, сгруппированныя въ извѣстныхъ мѣстахъ съ англійскою чопорностью, дорожки, посыпанныя желтымъ песочкомъ и выведенныя по строгому рисунку, придаютъ саду непріятный, казенный видъ; тѣмъ не менѣе прогулка въ немъ можетъ доставить, при отсутствіи въ Шанхаѣ болѣе роскошной зелени, извѣстное удовольствіе. Въ праздничные, теплые дни здѣсь играетъ оркестръ любителей, и садъ въ эти дни служитъ сборнымъ пунктомъ всей шанхайской торговой аристократіи.

Позади роскошныхъ дворцовъ англійскихъ коммерсантовъ расположены дома попроще, въ которыхъ помѣщаются всевозможныя конторы, депо, обширныя магазины, наполненные сверху до низу самыми разнообразными предметами роскоши, комфорта и необходимости, и, наконецъ, различнаго рода мастерскія, пакгаузы и конторы. Хотя въ англійскихъ магазинахъ и

можно пріобрѣсть все, что не понадобилось бы, но лучше избѣгать ихъ, такъ какъ за все ломятъ страшныя цѣны и при томъ безъ уступки. За какую нибудь вещицу, стоющую въ Петербургѣ не болѣе пяти-семи рублей, здѣсь запрашиваютъ 25—35 долларовъ и еще, вдобавокъ, обижаются, если кто войдетъ въ магазинъ и, ужаснувшись баснословныхъ цѣнъ, уйдетъ ничего не купивши. Расфранченные прикащики встрѣчаютъ обыкновенно покупателя въ надеждѣ на извѣстный доходъ очень вѣжливо, но чуть только замѣтятъ, что онъ изъ числа непривыкшихъ сорить деньгами, моментально измѣняютъ обращеніе, становятся порядочными наглецами... Самое лучшее пріобрѣтать всѣ европейскія произведенія мануфактуры и искусства въ китайскихъ магазинахъ, въ которыхъ, во первыхъ, можно торговаться до зарѣзу, а во вторыхъ отпускаютъ товары лучшей доброты. Китайцы не запрашиваютъ баснословныхъ цѣнъ; они стараются продать свой товаръ съ самымъ незначительнымъ барышемъ, потому что не торопятся обогатиться подобно европейцамъ, мечтающимъ о 200—300% чистой прибыли на капиталъ. Вообще нужно замѣтить то обстоятельство, что гдѣ бы китайцы ни начали торговать, вездѣ они стараются встать внѣ конкуренціи, при полной торговой добросовѣстности. При такихъ условіяхъ китайцы легко могутъ захватить въ свои руки всю торговлю крайняго востока, если только европейцы не окажутъ имъ энергичнаго противодѣйствія...

Къ англійскому кварталу примыкаетъ французскій. Хотя дома французскихъ комерсантовъ и не могутъ сравниться, по архитектурѣ и отдѣлкѣ, съ дворцами англійскихъ торговыхъ тузовъ, тѣмъ не менѣе имѣютъ вполнѣ приличный видъ. Многоэтажные дома напоминаютъ лучшія петербургскія постройки того-же рода: здѣсь не видно никакихъ примѣненій къ лѣтнимъ жарамъ, кромѣ оконныхъ жалюзи. Повидимому французы не такъ заботятся о своемъ комфортѣ, какъ англичане,

не обладая, такими-же солидными средствами. Собственно коммерсантовъ во французскомъ кварталѣ мало, магазиновъ мануфактурныхъ издѣлій почти здѣсь нѣтъ. Французы направили свою дѣятельность въ другую сторону. Въ ихъ кварталѣ можно видѣть книжные и нотные магазины заполненные произведеніями европейскихъ романистовъ и композиторовъ, типографіи, литографіи и парикмахерскіе, всевозможные отели, рестораны, кофейни и кондитерскіе... Впрочемъ, необыкновенная дѣятельность, господствующая около расположенныхъ во французскомъ кварталѣ обширныхъ складочныхъ магазиновъ, принадлежащихъ компаніямъ „Messageries maritimes“ и „Chine steamer sheap“, придаетъ ему почти такой-же коммерческій, дѣловой видъ, какимъ отличается только что пройденный англійскій кварталъ. Первая компанія держитъ почтовое сообщеніе съ Европой и всѣми, болѣе или менѣе, важными портами, лежащими на пути. На долю второй — достались всѣ китайскіе порты и открытые для европейцевъ города, расположенные по многоводнымъ рѣкамъ. Она имѣетъ пароходы рѣчные и морскіе: первые изъ нихъ поддерживаютъ грузовое и почтовое сообщеніе со всѣми китайскими городами, лежащими по грандіозной рѣкѣ Янце-Кіангъ, включительно до города Хань-Као, расположеннаго въ 600 миляхъ отъ Шанхая, въ самомъ сердцѣ Небесной Имперіи. Морскіе пароходы ходятъ съ грузомъ и почтой въ Чифу, Тяньдзинъ, Фучау, Ню-Чюанъ. Кантонъ и другіе приморскіе города открытые для европейской торговли...

IV.

Продолженіемъ каждаго европейскаго квартала къ западу служатъ китайскіе кварталы, образующіе непрерывный внѣ-стѣнной китайскій городъ. Жители послѣдняго, выселившіеся сюда изъ за-стѣннаго китайскаго города, вполнѣ подчиняются полицейскимъ и уголов-

нымъ законамъ той европейской націи къ кварталу которой они рѣшились примкнуть. Европейцы собираютъ съ нихъ извѣстный налогъ за право торговли, землю, газовое освѣщеніе и т. п. Въ этомъ китайскомъ городѣ, воздвигнутомъ на землѣ, уступленной европейцамъ, господствуетъ европейская полиція, и китайскія власти не имѣютъ права вмѣшиваться во внутреннюю его администрацію.

Такимъ образомъ китайцы, поселившись подъ крыломъ европейскихъ кварталовъ, отдались какъ бы во временное подданство той или другой европейской страны, и съ ними, нужно замѣтить, полицейская власть не церемонится: для нихъ даже придумали особыя статьи закона, болѣе соотвѣтствующія и суровыя. Китайца, совершившаго то или другое преступленіе, наказуютъ несравненно строже чѣмъ европейца, провинившагося въ томъ-же самомъ. Напримѣръ, каждаго нарушителя общественнаго порядка изъ китайцевъ полисменъ безцеремонно беретъ за косу и привязываетъ къ своей палочкѣ—эмблемѣ его власти. Заставляя провинившагося идти впереди себя, полисменъ доставляетъ его въ полицейское управленіе, гдѣ онъ получаетъ достойное возмездіе за содѣянное преступленіе. Иногда можно видѣть, какъ полисменъ ведетъ такимъ образомъ нѣсколько китайцевъ заразъ, словно гончихъ собакъ на сворахъ. Представитель полицейской власти, вообще, не любитъ церемониться съ сынами небесной имперіи. Увидя, напримѣръ, драку, полисменъ, не говоря дурного слова, прехладнокровно подходитъ къ дерущимся, беретъ ихъ за косы, не разбирая кто правъ, кто виноватъ, связываетъ косы вмѣстѣ и ведетъ на той-же злополучной палочкѣ куда слѣдуетъ, гдѣ уже разберутъ правыхъ и виноватыхъ.

При этомъ комическомъ шествіи враговъ въ тѣсной, точно дружественной кучкѣ никто изъ нихъ не рѣшится переброситься взаимною руганью — отголоскомъ только что прекращенной драки, потому что каждый хорошо знаетъ, что, при первомъ словѣ, полисменъ не

замедлитъ дернуть палочку, и всѣ безъ исключенія почувствуютъ въ макушкахъ невыносимую боль...

Въ полиціяхъ особенно англійской, съ китайцами расправляются съ жестокостью, достойною бриттовъ. Если преступленіе совершено болѣе или менѣе крупное, то прежде всего китаецъ-преступникъ лишается косы — лучшаго своего сокровища, лелѣяннаго, можетъ быть, десятки лѣтъ. Съ потерей косы китаецъ какъ-бы вырывается изъ того слоя общества, въ которомъ вращался раньше, съ лишеніемъ этого драгоцѣннаго придатка онъ теряетъ всѣ свои права, какъ семейныя, такъ и гражданскія. Онъ не смѣетъ уже показаться среди своего семейства, родственниковъ, друзей и знакомыхъ, какъ опозоренный и прокаженный. Отсюда понятна вся жестокость лишенія китайца косы, часто за ничтожное, сравнительно преступленіе...

Китайцевъ, попавшихъ въ полицейское управленіе, подвергаютъ, обыкновенно, всевозможнымъ истязаніямъ, съ цѣлью довести ихъ до сознанія въ сдѣланномъ преступленіи. Мы были очевидцами слѣдующаго, напримѣръ, инквизиторскаго пріема англійскихъ полисменовъ: китайца-преступника посадили на скамью и привязали къ ней. Затѣмъ кончикъ его косы прихватили къ миніатюрному во̀роту, поставленному сзади, на который и начали постепенно наворачивать злополучное украшеніе... Разсказываютъ, что этимъ пыточнымъ способомъ китаецъ всегда доводится до полнаго сознанія, такъ какъ при наворачиваніи косы на во̀ротъ испытывается нестерпимая, адская боль во всей головѣ... Къ этой пыткѣ прибѣгаютъ исключительно англійскіе полисмены и часто, вмѣсто во̀рота, употребляютъ, для спѣшности дѣла, просто свои полицейскія палочки. Истязаніе этимъ не ограничивается. Сознавшаго̀ся преступника засаживаютъ на извѣстный срокъ въ тюрьму, гдѣ опять подвергаютъ истязаніямъ другого рода. Берутъ четыреугольную толстую доску, около полутора аршина ширины и длины, съ прорѣзомъ для головы,

и одѣваютъ ее на плечи преступника. Съ этой доской онъ высиживаетъ въ тюрьмѣ весь срокъ, назначенный ему за какое нибудь пустое нарушеніе общественнаго спокойствія или порядка. Положеніе въ высшей степени мучительное!.. Голова совершенно изолирована отъ остальныхъ частей тѣла. Лѣчь нѣтъ возможности—надо все время день и ночь, сидѣть или стоять; спать возможно только въ сидячемъ положеніи; руки не могутъ служить для подачи рту пищи и питья, при чемъ приходится довольствоваться только подачками свирѣпыхъ тюремщиковъ или сердобольныхъ прохожихъ, обыкновенно толпящихся передъ громадными клѣтками, въ которыя засаживаютъ преступниковъ... Развѣ это не пытка?.. Пытка и самая ужасная, какую только можетъ придумать варваръ, а между тѣмъ, она примѣняется націей, считающей себя просвѣщеннѣйшей и гуманнѣйшей въ мірѣ. Странно еще то, что англичане нисколько не стѣсняются въ своихъ безобразныхъ дѣйствіяхъ и даже выставляютъ преступниковъ съ подобными инквизиторскими украшеніями на улицѣ какъ-бы въ назиданіе проходящей черни... Прогуливаясь, однажды, по китайской части города, примыкающей къ англійскому кварталу, намъ совершенно случайно пришлось проходить мимо цѣлаго десятка выставленныхъ преступниковъ, помѣщенныхъ за особой желѣзной рѣшеткой. Мы были положительно поражены видомъ этихъ несчастныхъ, сидѣвшихъ на голой землѣ и согнувшихся подъ тяжестью надѣтыхъ на плечи, пыточныхъ досокъ. Тутъ сидѣли преступники разныхъ степеней: у однихъ были сжаты въ доскѣ только головы; у другихъ, вмѣстѣ съ головой, торчали поверхъ досокъ по одной или по двѣ кисти рукъ. Прохожіе—катайцы не обращали на эту позорную, безнравственную выставку рѣшительно никакого вниманія, словно проходили мимо привязанной собаки или лошади: до того они уже освоились съ подобными гнустными картинами...

Англичане оправдываются въ допущеніи у себя подобныхъ пытокъ тѣмъ, что, будто бы, на грубую китайскую натуру нельзя подѣйствовать болѣе гуманными средствами. Они увѣряютъ, что стоитъ только начать обращаться съ китайцами по человѣчески, какъ они тотчасъ же сядутъ на шею. По мнѣнію бриттовъ китаецъ настолько наглъ, дикъ и нахаленъ, что въ хорошемъ обращеніи видитъ какъ бы моральную и физическую слабость европейцевъ... Впрочемъ, такого мнѣнія о китайцахъ и не одни англичане. Не мало русскихъ, проживающихъ въ Китаѣ, которые положительно отрицаютъ возможность гуманнаго обхожденія съ китайцами. Хотя я вполнѣ согласенъ, что сыны небесной имперіи, какъ всѣ азіаты вообще, требуютъ настойчиваго и подчасъ дерзкаго съ ними обращенія, при которомъ возможно только держать ихъ въ извѣстныхъ границахъ; но, тѣмъ не менѣе, не могу согласиться съ необходимостью инквизиторскихъ пріемовъ. Одно изъ назначеній европейскихъ цивилизаторовъ — показывать азіатамъ превосходство гуманнаго обращенія: къ этому первые должны стремиться всѣми силами, хотя пришлось бы потратить на это много труда, энергіи и времени. Нельзя же, вѣдь, переродить сразу народности, сложившейся тысячелѣтіями. Въ данномъ случаѣ нужна постепенность и постепенность разумная, основательная, осмысленная и вполнѣ достойная европейскихъ цивилизаторовъ, къ числу которыхъ затрудняемся причислить англичанъ, всюду вносящихъ свой особенный „цивилизаторскій" букетъ, преисполненный возмутительною жестокостью и наглымъ высокомѣріемъ. Въ шанхаѣ, какъ и въ другихъ многочисленныхъ пунктахъ своего владычества, „просвѣщенные мореплаватели", ударились вспять и приняли тѣ формы общественнаго строя, которыя уже и самими китайцами начинаютъ забываться. Вообще нужно съ прискорбіемъ замѣтить, что обхожденіе англичанъ съ китайцами въ Шанхаѣ нельзя назвать гуманнымъ; напротивъ, оно отличается выдающеюся

наглостью, высокомѣріемъ и жестокостью. На каждомъ шагу можно видѣть со стороны англичанъ самое гнусное насиліе, самую дикую необузданность. Боже сохрани, напримѣръ, если китаецъ, при встрѣчѣ съ англичаниномъ, не успѣетъ посторониться и нечаянно задѣнетъ щеголеватаго денди: тотъ, не долго разсуждая, ловитъ китайца за косу и тутъ же, посреди улицы, бьетъ его своею тростью до тѣхъ поръ пока не устанетъ рука и не насытится душа. Прохожіе европейцы рѣшительно не обращаютъ на подобную „обыденную“ для нихъ сцену никакого вниманія и не отказываются задать, при первомъ же представившемся случаѣ, такую же потасовку неловкому китайцу... Или, напримѣръ, несется по улицѣ лихой кавалеристъ. Китайцы уже издали видятъ эту нахальную, высокомѣрную фигуру и спѣшатъ посторониться какъ можно быстрѣе; но вотъ на одномъ изъ поворотовъ зазѣвались десятка три кули и своевременно не замѣтили быстро приближавшагося всадника; тотъ неуменьшая бѣга ретиваго коня, моментально врѣзывается въ самую толпу и начинаетъ безпощадно лупить китайцевъ не только хлыстомъ, но и ногами, сопровождая каждый ударъ отборнѣйшими ругательствами... Огорошенные кули разбѣгаются во всѣ стороны, стараясь избавиться отъ незаслуженныхъ побоевъ, разбѣгаются молча, безъ всякаго протеста на дерзкое насиліе, хорошо зная по опыту, что ничтожнѣйшій протестъ вызоветъ еще болѣе грубое насиліе... Но достаточно подмѣтить брошенные ими изъ подлобья взгляды, чтобы убѣдиться, какъ плохо пришлось бы отъ китайцевъ этому наглому джентельмену, если бы его не защищали англійскіе пушки и штыки...

V.

Къ югу отъ всѣхъ европейскихъ кварталовъ, какъ я уже упомянулъ, расположенъ собственно китайскій городъ, окруженный высокой стѣною съ семью воро-

тами. Заглядывать за эту стѣну нужно съ большою осторожностью и лучше запасшись на всякій случай, револьверомъ. Китайскій городъ состоитъ изъ массы грязныхъ, вонючихъ переулковъ и закоулковъ, образующихъ непроходимый для новичка лабиринтъ; тутъ есть мѣста, въ которые лучше не заходить, если не желаешь рисковать жизнью... Толпы китайцевъ и китаянокъ снуютъ, шумятъ, спорятъ, толкутся и о чемъ то хлопочутъ; нѣтъ физической возможности пробраться межъ ними: нужно терпѣливо слѣдовать за теченіемъ толпы. Шумъ и гамъ стоятъ здѣсь невобразимые. Отъ всѣхъ китайцевъ и китаянокъ несетъ какимъ то кислозатхлымъ запахомъ, заставляющимъ сторониться отъ болѣе неопрятныхъ на видъ субъектовъ...

Въ Китайскомъ городѣ есть также чайные дома, далеко, впрочемъ, уступающіе японскимъ; они занимаютъ отдѣльный кварталъ, въ которомъ разбросано также множество разнокалиберныхъ китайскихъ ресторановъ, начиная отъ самаго аристократическаго и кончая плебейскимъ нисшаго разбора. Въ аристократическихъ ресторанахъ собираются обыкновенно торговые тузы и люди болѣе зажиточные, пріѣзжающіе сюда въ роскошныхъ паланкинахъ; тутъ они сидятъ за маленькими столиками, убранными бумажными цвѣтами и апельсинными деревцами; имъ прислуживаютъ чисто одѣтые мальчики, которые съ подобострастіемъ выслушиваютъ требованія и заказы богатыхъ посѣтителей и спѣшатъ моментально исполнить ихъ. Все чинно, благородно, по джентельменски... Въ другой улицѣ находятся рестораны для средняго класса людей; здѣсь уже не видно у дверей роскошныхъ паланкиновъ; на столахъ меньше цвѣтовъ и апельсинныхъ деревъ... Въ самомъ помѣщеніи меньше порядку, но за то гораздо больше, чѣмъ слѣдуетъ, отборной китайской брани, которая заткнетъ за поясъ самое энергичное русское...

Немного далѣе, пройдя двѣ или три улицы, тянутся плебейскіе рестораны: сюда приходятъ утолить голодъ

разною падалью тысячи нищихъ въ отвратительнѣйшихъ рубищахъ. Рестораны эти напоминаютъ собой дурно содержимые свинячьи хлѣва. Господствующая всюду ужасная грязь, невыносимая вонь, ѣдкій чадъ отъ очаговъ, тяжелыя, ядовитыя испаренія кунжутнаго масла, на которомъ китайцы готовятъ свои отвратительныя кушанья, доводятъ непривычнаго человѣка до обморока. Среди этихъ испареній и чада едва можно разглядѣть ужасныхъ представителей китайскаго пролетаріата, сидя на корточкахъ передъ глиняными чашками съ какимъ то мутнымъ пойломъ, они неистово перебраниваются, визжатъ фистулой и размахиваютъ руками. Нерѣдко, послѣ крупной перебранки, вскакиваютъ съ разныхъ мѣстъ наиболѣе задорные нищіе и затѣваютъ между собой драку... Въ общемъ гамѣ различаются какія то хриплыя рычанія и рѣзкіе взвизги; дерущіеся доходятъ обыкновенно, до осатанѣлаго состоянія и звѣрскаго бѣшенства. Съ пѣной у рта, съ налитыми кровью глазами, блѣдные какъ смерть, они неистово колотятъ другъ друга кулаками, кусаются, царапаются, валяясь на грязномъ полу. Обыкновенно, на эти безумныя драки никто не обращаетъ особеннаго вниманія, если только для нихъ есть довольно простора. Въ противномъ случаѣ, своя же братья хватаетъ дерущихся за злополучныя косы и растаскиваетъ ихъ въ разныя стороны. Разсвирѣпѣвшіе нищіе успокаиваются не скоро; насильно оторванные другъ отъ друга, они долго еще переругиваются во все горло, стараясь перекричать одинъ другого... Нужно замѣтить, что китайцы вообще легко и быстро распаляются и доходятъ до полнаго самозабвенія. Нерѣдко, во время этихъ безумныхъ дракъ, сверкаютъ ножи и льется кровь...

Изъ плебейскаго ресторана перейдемте въ особо устроенныя лавочки, гдѣ происходитъ гнусная торговля опіумомъ съ раскуркой на мѣстѣ. Представьте себѣ обширный бамбуковый баракъ, полутемный, съ душной атмосферой, пропитанной наркотическими испареніями.

На широкихъ нарахъ, покрытыхъ смрадными, полусгнившими циновками, лежатъ въ разныхъ положеніяхъ до сотни несчастныхъ любителей опіума; подлѣ каждаго изъ нихъ горитъ небольшая лампоча съ кокосовымъ масломъ, служащая для закуриванія трубки. Курильщики имѣютъ видъ самый отвратительный: ихъ мутные, неподвижные глаза устремлены въ одну точку съ какимъ-то скотскимъ, идіотскимъ выраженіемъ; губы отвисли; грудь судорожно вздымается и опускается... Трудно передать то тяжелое впечатлѣніе, которое производитъ на свѣжаго человѣка этотъ сарай, переполненный несчастными, ободранными курильщиками, вкушающими невѣдомыя наслажденія на вонючихъ нарахъ и похожими на страшные скелеты, обтянутые лишь сухой, желтой кожей...

Подобныя грязныя лавчонки нерѣдко образуютъ цѣлый кварталъ. Съ окончаніемъ дневныхъ работъ, сюда собираются всѣ курильщики, которые часто предпочитаютъ купить на скудно заработанныя деньги кусочекъ опіума, нежели нѣсколько горстей рису, столь необходимыхъ для утоленія голода. Бѣдняки хорошо знаютъ, что опіумъ вознаградитъ ихъ вполнѣ и дастъ возможность забыть и голодъ, и физическія страданія, и мучительное переходное состояніе оскотенѣлаго человѣка. Этотъ медленно убивающій ядъ дастъ имъ возможность предаться невѣдомымъ грезамъ и наслажденіямъ... Куреніе опіума ведетъ къ полному истощенію нравственныхъ и физическихъ силъ. Этотъ ужасный ядъ губитъ милліоны китайцевъ въ лучшую пору жизни. Въ курительныхъ лавчонкахъ можно видѣть очень часто совсѣмъ юныхъ сыновъ небесной имперіи, уже стоящихъ на рубежѣ могилы: худые, какъ скелеты, съ мутными, безсмысленными глазами, разслабленные до мозга костей, они производятъ ужасное, незабываемое впечатлѣніе... Однако дальше отъ этихъ отвратительныхъ картинъ и перейдемъ къ центру застѣннаго города, гдѣ красуются высокая, многоэтажная пагода, окруженная садомъ и

роскошный дворецъ Уаменъ, служащій резиденціей мѣстнаго губернатора или Тао-Таи. Противъ этого красиваго зданія стоитъ, какъ нарочно, отвратительная тюрьма, стоитъ какъ будто для того, чтобы показать разительный контрастъ между почти неограниченнымъ судьею и несчастными преступниками, съ нетерпѣніемъ ожидающихъ смертнаго приговора, чтобы только избавиться скорѣй отъ томительнаго и пыточнаго заключенія...

Китайское населеніе Шанхая сосредоточивается не только въ застѣнномъ городѣ, но и на джонкахъ, образующихъ вдоль берега громадный рѣчной городъ со своими порядками и оригинальнымъ самоуправленіемъ. На джонкахъ живутъ большею частью самые несчастные бѣдняки, которымъ на берегу положительно негдѣ преклонить головы. Населеніе это не входитъ въ перепись и трудно опредѣлить его численность, но оно, приблизительно, доходитъ до сотни тысячъ самыхъ отчаянныхъ представителей китайскаго пролетаріата. Пользуясь полною отчужденностью, пловучее населеніе часто совершаетъ всевозможные грабежи и разбои, нападая, тутъ-же на рѣкѣ, на джонки, нагруженные товарами. Это — своего рода пираты внутреннихъ водъ, остающіеся обыкновенно безнаказанными, потому что трудно выяснить фактъ самаго преступленія, а затѣмъ нѣтъ никакой возможности произвести какіе либо розыски среди многотысячнаго, безшабашнаго и неизвѣстнаго населенія. Пловучій китайскій городъ, составленный изъ сцѣпленныхъ одна съ другой джонокъ, бываетъ нерѣдко жертвой всевозможныхъ стихійныхъ случайностей, при которыхъ гибнутъ десятки тысячъ китайцевъ всѣхъ возрастовъ. На Янце-Кіангѣ ежедневно можно видѣть сотни вздутыхъ тѣлъ утопленниковъ, совершающихъ свое печальное плаваніе въ невѣдомый океанъ. Нерѣдко, тѣла эти останавливаются у якорныхъ цѣпей, стоящихъ на рѣкѣ, пароходовъ и джонокъ, но ихъ хладнокровно отталкиваютъ для дальнѣйшаго пу-

тешествія въ океанъ, который и служитъ обыкновенно для несчастныхъ общею, необъятною могилою...

VI.

Изъ шанхайскихъ окрестностей обращаетъ на себя вниманіе только миссіонерская французская колонія Zi-Ka-Wai, лежащая отъ города приблизительно въ пяти миляхъ. Дорога къ ней идетъ по ровной, совершенно голой низменности, прорѣзанной каналами, переполненными, вмѣсто воды, какою-то жидкою грязью. Тутъ и тамъ разбросаны на пути китайскія деревеньки, состоящія изъ бѣдныхъ хижинъ, кое какъ сколоченныхъ изъ тростника и бамбука. Всѣ прилегающія къ дорогѣ поля усѣяны множествомъ гробовъ, разбросанныхъ въ самомъ ужасномъ безпорядкѣ, такъ какъ въ сѣверномъ Китаѣ особыхъ кладбищъ не полагается, а покойниковъ выносятъ прямо въ поле и разставляютъ тамъ, гдѣ кому заблагоразсудится... Мы поѣхали въ Zi-Ka-Wai цѣлой компаніей. Слабый вѣтерокъ доносилъ иногда до насъ страшное зловоніе разложившихся и еще разлагающихся труповъ, что дѣлало прогулку не совсѣмъ пріятною. Подъѣхавъ, наконецъ, къ колоніи, мы остановились у большого четырехъэтажнаго зданія, окруженнаго многочисленными низкими пристройками. Услужливый привратникъ, тотчасъ же вышедшій на встрѣчу, пригласилъ насъ въ большую пріемную комнату, гдѣ мы должны были ожидать разрѣшенія начальника осмотрѣть миссіонерскую колонію.

Въ пріемной комнатѣ прежде всего бросились намъ въ глаза два большихъ образа, исполненныхъ масляными красками. На одномъ былъ изображенъ, какъ гласила надпись, Спаситель, а на другомъ—апостолъ Петръ съ ключами въ рукахъ. Если бы не надписи, мы положительно приняли бы эти образа за портреты какихъ либо великомудрыхъ сыновъ Небесной Имперіи, такъ какъ передъ нами висѣли не священныя изображенія,

а просто китайцы въ шапочкахъ, съ длинными косами, и при томъ китайцы съ самыми обыкновенными физіономіями... Въ то время, когда мы съ удивленіемъ разглядывали эти оригинальные образа, скрипнула дверь, и въ пріемную комнату вошелъ высокій, полный мужчина, съ европейскимъ, красивымъ типомъ лица, но съ косой и въ китайскомъ костюмѣ. Любезно раскланявшись съ нами, неизвѣстный субъектъ обратился къ намъ съ прекрасною французскою рѣчью:

— Позвольте представиться – миссіонеръ отецъ Жеромъ... Отецъ настоятель поручилъ мнѣ проводить васъ по нашей колоніи и познакомить со всѣмъ, что только можетъ васъ интересовать... Я замѣтилъ, господа, — продолжалъ словоохотливый отецъ Жеромъ,— что вы съ особеннымъ любопытствомъ разсматривали висящіе въ этой комнатѣ изображенія Спасителя и апостола Петра... Васъ, вѣроятно, поразило то обстоятельство, что мы позволили себѣ отступить отъ священныхъ преданій, изобразивъ Божественнаго Искупителя и Его славнаго ученика не въ соотвѣтствующихъ одѣяніяхъ?..

Мало того,—замѣтилъ одинъ изъ насъ, вы изобразили вмѣсто божественныхъ ликовъ какихъ то китайцевъ съ самыми пошлыми лицами...

— Не вините насъ, господа, въ этомъ грубомъ отступленіи,—мягко возразилъ отецъ Жеромъ.—Къ тому принуждаютъ насъ серьезныя обстоятельства... Китайцы отрекаются отъ своего Будды съ большою неохотою, и наша обязанность облегчить всѣми силами трудный переходъ отъ буддизма къ христіанству. Стремясь къ этому, мы вынуждены, проповѣдуя китайцамъ новое ученіе, придавать ему наружныя формы, къ которымъ они чувствовали-бы больше довѣрія... Мы и сами, какъ вы видите, носимъ китайскій костюмъ, съ цѣлью сблизиться съ туземнымъ населеніемъ, и этого отчасти достигаемъ... Новообращенныхъ же, достаточно уже окрѣпшихъ въ новомъ ученіи, мы постепенно подготовляемъ къ истиннымъ внѣшнимъ формамъ католической религіи

и достигаемъ наконецъ того, что они нисколько не смущаются видомъ образовъ чистаго христіанскаго стиля... Работа, какъ видите, очень сложная...

Мы согласились съ доводами почтеннаго іезуита и отправились осматривать колонію. Прежде всего мы посѣтили помѣщенія отцовъ миссіонеровъ, большая часть которыхъ почти круглый годъ находится въ отлучкѣ, въ разъѣздахъ по паствамъ. При колоніи остаются постоянно только должностныя лица и профессоры миссіонерской коллегіи...

Каждый миссіонеръ имѣетъ свою отдѣльную комнату, высокую, свѣтлую и комфортабельно обставленную. На двери каждой кельи красуются: фарфоровая дощечка съ фамиліей отца миссіонера и другая—съ цѣлымъ рядомъ названій мѣстъ, куда можетъ онъ отлучаться; у костеляна, у настоятеля, въ музыкальной комнатѣ, у казначея, въ саду, на верандѣ, въ библіотекѣ и т. д. Противъ каждой подобной надписи сдѣлана дырочка. Куда бы миссіонеръ ни отлучился изъ своей комнаты, онъ обязанъ вставить въ соотвѣтствующую дырочку костяной шпинекъ, висящій тутъ же, рядомъ съ дощечкой. Такимъ образомъ, въ каждый данный моментъ надобности въ томъ или другомъ іезуитѣ, его немедленно и легко разыскиваютъ. Въ случаѣ, если миссіонеру необходимо отлучиться за стѣны колоніи, онъ обязанъ испросить на то особое разрѣшеніе настоятеля. Отцы-іезуиты, повидимому, нисколько не угнетены подобною подначальною, строго замкнутою, по внѣшности жизнью; на видъ они очень веселы, любезны и не упускаютъ случая отпустить каламбуръ, иногда съ прозрачнымъ намекомъ на людскія немощи. Нѣкоторые, впрочемъ, проходятъ драмматическою поступью, потупивъ голову и лицемѣрно уставивъ взоры въ небольшие, роскошно переплетенные молитвенники. Съ послѣдними отцы миссіонеры никогда не растаются. Въ каждую свободную минуту они заглядываютъ въ эти душеспасительныя книги, въ которыхъ черпаютъ

новыя силы противъ всевозможныхъ житейскихъ соблазновъ...

Для общей трапезы миссіонеры собираются въ обширную, прекрасную столовую, украшенную портретами наиболѣе замѣчательныхъ просвѣтителей невѣжественныхъ язычниковъ. Рядомъ со столовой находятся: билліардная, музыкальная комната со всевозможными инструментами и богатая библіотека, переполненная лучшими богословскими и другими сочиненіями.

Къ миссіонерскому зданію примыкаетъ громадный воспитательный домъ, въ которомъ воспитываются до семи сотъ китайскихъ дѣтей, вырванныхъ миссіонерами изъ самой ужасной нищеты, разврата и заразы. Всѣ дѣти, прекрасно содержимыя, обучаются въ имѣющихся при колоніи школахъ китайской грамотѣ, начальнымъ догматамъ католической религіи и молитвамъ. Съ десяти-лѣтняго возраста воспитанники, кромѣ того, пріобучаются къ извѣстнымъ мастерствамъ и, наконецъ, оставляютъ стѣны колоніи окрещенными и вполнѣ способными пропитывать себя и семью трудами своихъ рукъ. Наиболѣе даровитые и смышленные дѣти переходятъ, послѣ первоначальной научной подготовки, въ высшее учебное заведеніе — коллегію, гдѣ получаютъ прочное образованіе, необходимое для миссіонерской дѣятельности. Благодаря этому, миссіонеры-туземцы уже не рѣдкость и, нужно замѣтить, они особенно успѣшно сѣютъ семена христіанскаго ученія среди своихъ единоплеменниковъ, которые питаютъ къ подобнымъ учителямъ полное довѣріе.

Коллегія имѣетъ три класса: въ младшемъ учатъ читать и писать по французски, священной исторіи, естественнымъ наукамъ и ариѳметикѣ; во второмъ классѣ проходятъ алгебру, геометрію, изучаютъ китайское письмо и продолжаютъ преподаваніе естественныхъ наукъ и исторіи; въ старшемъ уже окончательно образовываютъ молодыхъ людей, преподавая имъ философію, механику, астрономію, архитектуру, обучая жи-

вописи, музыкѣ, скульптурѣ и давая понятіе о медицинѣ. Въ каждомъ классѣ сидятъ по два или по три года, смотря по способности учениковъ. Въ старшемъ классѣ нерѣдко обучаются сыновья мандариновъ. Послѣдніе начинаютъ сознавать, что хотя коллегія и христіанское учрежденіе, но въ ней все-таки преподаютъ очень много полезныхъ предметовъ, нелишнихъ даже и для китайскаго аристократа...

Изъ коллегіи отецъ Жеромъ перевелъ насъ въ мастерскія, расположенныя вокругъ обширнаго монастырскаго двора. Сотни молодыхъ китайцевъ занимались въ нихъ различными мастерствами: коробочнымъ, столярнымъ, слесарнымъ, модельнымъ, башмачнымъ и т. п. Тутъ же помѣщались: типографія, литографія, чертежная, скульптурная и живописная мастерскія.

Въ столярной приготовляютъ всѣ необходимыя деревянныя вещи не только для Zi-Ka-Wai, но и для другихъ монастырей и церквей, разбросанныхъ поблизости. Въ этой мастерской строятся даже цѣлыя разборныя церкви, которыя разсылаютъ въ самыя отдаленныя мѣстности Китайской Имперіи, куда только проникла съ успѣхомъ пропаганда мужественныхъ миссіонеровъ. Каждая вещь, изготовленная въ столярной, отличается изящною работою и искустною рѣзною отдѣлкою; позолоты при этомъ не жалѣютъ; лакировки положительно избѣгаютъ, потому что, по объясненію отца Жерома, работа эта вредно отзывается на здоровьѣ мастеровыхъ... Какая теплая, благородная заботливость!.. Вообще отношенія миссіонеровъ къ ихъ духовнымъ дѣтямъ самыя дружественныя. Воспитанники, въ свою очередь, отвѣчаютъ своимъ учителямъ искреннею любовью и привязанностью... При нашемъ посѣщеніи мастерскихъ, меня особенно поразилъ тотъ веселый, довольный видъ, съ которымъ молодые люди и дѣти встрѣчали отца Жерома и посылали ему наперерывъ искренній, теплый привѣтъ. Они казались положительно счастливыми, когда удостоивались отъ почтеннаго мис-

сіонера нѣсколькихъ ласковыхъ словъ и улыбки... Если, случайно, мы миновали какую либо мастерскую, то изъ нея немедленно высыпала на дворъ шумная, веселая толпа дѣтей, которые окружали отца Жерома сплошною массою настойчиво упрашивая его зайти въ свою мастерскую. И мы должны были ворочаться, что бы только исполнить невинное, благородное желаніе дѣтей видѣть среди себя обожаемаго миссіонера...

Изъ остальныхъ мастерскихъ обратили наше особенное вниманіе: скульптурная и живописная. Въ первой китайцы изготовляли превосходныя, въ человѣческій ростъ, фигуры Спасителя, Божіей Матери и апостоловъ, которыя разсылаются по всѣмъ церквамъ Китая. Въ живописной мастерской пишутъ образа въ китайскомъ вкусѣ. Всѣ святые изображены непремѣнно въ китайскомъ костюмѣ, съ неизбѣжными косами и съ физіономіями, напоминающими разныхъ Лонхоу, Ча-танъ, Сеотокви и тому подобныхъ туземцевъ-коммиссіонеровъ. Въ живописной мастерской насъ поразило особенно большое число картинъ, изображавшихъ чертей, ужасно истязающихъ непокорныхъ и грѣшныхъ сыновъ Небесной Имперіи. Эти картины тысячами распространяются среди китайцевъ, съ цѣлью еще большаго ихъ привлеченія на лоно христіанской церкви. Отецъ Жеромъ увѣрялъ, что онѣ производятъ на простой народъ неотразимое впечатлѣніе... Тутъ же пишутъ образа въ истинно христіанскомъ стилѣ; нѣкоторыя произведенія отличались выдающеюся художественностью...

При монастырѣ находятся также обсерваторія, въ которой отцы миссіонеры дѣлаютъ точныя магнитныя и метеорологическія наблюденія и ежегодно издаютъ подробные отчеты этихъ наблюденій. По словамъ отца Жерома, миссіонеры предполагали заняться и астрономическими наблюденіями, но болотистая, мягкая почва не позволяетъ установить необходимые инструменты... Вообще, нужно замѣтить, каждый миссіонеръ имѣетъ при колоніи извѣстныя спеціальныя занятія, сообразно

своимъ познаніямъ и силамъ; каждый изъ нихъ приноситъ іезуитскому ордену соотвѣтствующую пользу, иногда очень большую...

Въ ста саженяхъ отъ Zi-Ka-Wai находится воспитательный домъ или, пожалуй, пансіонъ для молодыхъ дѣвушекъ, болѣе или менѣе, зажиточныхъ китайскихъ семействъ и сиротскій домъ для малолѣтнихъ дѣтей— сиротъ женскаго пола; оба эти учрежденія находятся подъ управленіемъ и надзоромъ католическихъ сестеръ милосердія. Сопутствуемые неизмѣннымъ нашимъ чичероне, отцомъ Жеромомъ, мы перешли во владѣнія послѣднихъ и съ перваго же шагу замѣтили, что онѣ не такъ легко измѣняютъ традиціямъ своей религіи и національности. Во-первыхъ, пріемная комната была обставлена совершенно въ европейскомъ духѣ; стѣны ея были украшены священными картинами самаго изящнаго лейпцигскаго изданія. Всѣ сестры оказались въ соотвѣтствующихъ ихъ ордену одеждахъ, за исключеніемъ туземокъ, которыя носили свой національный костюмъ и только большой серебряный крестъ служилъ отличительнымъ признакомъ ихъ благороднаго званія. Настоятельница, симпатичная, веселая француженка, любезно предложила свои услуги объяснять и показывать намъ все устройство ввѣренныхъ ей заведеній. Прежде всего она повела насъ въ церковь, какъ заслуживающую, по ея словамъ, особеннаго вниманія... Дѣйствительно, мы ничего не видѣли болѣе прекраснаго и подходящаго уголка для собранія истинно-вѣрующихъ. Дневной, яркій свѣтъ проникалъ въ храмъ чрезъ громадныя готическія окна, съ цвѣтными мелкими стеклами, и ложился на всѣ предметы восхитительными, ласкающими взоръ, оттѣнками. Величественныя, роскошныя изваянія Спасителя, Божіей Матери и апостола Петра рельефно выдѣлялись среди этого нѣжащаго полусвѣта и, казалось, призывали всѣхъ входящихъ въ храмъ къ смиренію, всепрощающей христіанской любви и милосердію. Все дышало вокругъ какою-то необычайною торжественностью, и невольно

стихали наши голса, чтобы не нарушить окружающей величественной тишины...

По выходѣ изъ церкви, съ веранды, мы увидѣли большую толпу дѣвочекъ до-школьнаго возраста, прогуливавшихся плотной массой по дорожкамъ прилежащаго двора. Дѣти гуляли и весело вторили двумъ сестрамъ-туземкамъ, обучавшимъ ихъ разнымъ гимнамъ. Онѣ пѣли на китайскомъ языкѣ, весело засматривая въ глаза наставницамъ... Такимъ образомъ они, играючи, подготовляются къ серьезнымъ школьнымъ занятіямъ... Съ шести лѣтъ дѣвочекъ сажаютъ обыкновенно за учебники и знакомятъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ со всевозможными рукодѣліями, а также съ хозяйствомъ. Такимъ образомъ, по выходѣ изъ монастыря, онѣ умѣютъ отлично ткать шелковыя и бумажныя матеріи, шить, вязать и вести домашнее хозяйство...

Съ веранды мы перешли въ помѣщеніе дѣтей колыбельнаго возраста. Представьте себѣ большую, свѣтлую комнату, безукоризненной чистоты, уставленную многими рядами высокихъ, плетеныхъ корзинъ съ чистыми занавѣсями. Грудныя дѣвочки, вырванныя изъ самой ужасной нищеты, изъ когтей неумолимой голодной смерти или разврата, спокойно отдыхали въ этихъ легкихъ колыбеляхъ, окруженныя необыкновенно человѣколюбивыми заботами сестеръ милосердія. Нужно отдать послѣднимъ полную справедливость за ихъ выдающееся и нѣжное вниманіе къ малюткамъ, иногда покрытымъ ужасными язвами и ранами. Благодаря благородному самоотверженію сестеръ, ежегодно вырывается изъ рукъ смерти по нѣсколько сотъ дѣтей всѣхъ возрастовъ. Высоко-человѣколюбивыя женщины всюду разыскиваютъ бѣдныхъ, невинныхъ существъ, брошенныхъ на произволъ судьбы, несутъ въ свой сиротскій домъ и неустанно заботятся о нихъ до ихъ смерти или же до окончанія воспитанія. Въ послѣднемъ случаѣ дѣвушекъ выдаютъ замужъ за христіанъ-китайцевъ, вышедшихъ изъ подъ опеки отцовъ-іезуитовъ, или же отдаютъ въ услуже-

ніе христіанскимъ семействамъ. При такихъ условіяхъ христіанство пускаетъ прочныя корни въ невѣжественный народъ, который съ трудомъ поддается самымъ энергичнымъ и мужественнымъ миссіонерамъ.

2007041401